

Департамент культуры
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Государственная библиотека Югры»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

**МАТЕРИАЛЫ
ПЕРВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
БИБЛИОТЕЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

23–24 ноября 2016 года
Ханты-Мансийск

Департамент культуры
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Государственная библиотека Югры»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

МАТЕРИАЛЫ
ПЕРВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
БИБЛИОТЕЧНЫХ ЧТЕНИЙ

23–24 ноября 2016 года
Ханты-Мансийск

Ханты-Мансийск
2018

ББК 78.34
М34

Составитель М. Ю. Сорокина

Редакторы: Н. Ю. Петрушин, Е. И. Табаченко

Ответственная за выпуск О. М. Павлова

М34 Материалы первых социально-экономических библиотечных чтений : сб. докл., 23–24 нояб. 2016 г., Ханты-Мансийск / Департамент культуры Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Бюджет. учреждение Ханты-Манс. авт. окр. – Югры «Гос. б-ка Югры», Федер. гос. бюджет. учреждение науки ГПНТБ СО РАН ; сост. М. Ю. Сорокина. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2018. – 180 с.

ББК 78.34

Книга издана на средства Шевченко Сергея Владимировича, генерального директора ООО «Инновационные технологии», г. Тарко-Сале, Ямало-Ненецкий автономный округ России.

ISBN 978-5-9909616-8-5

© Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственная библиотека Югры», издание, 2018
© Оформление.
ООО «Югорский формат», 2018

Содержание

БИБЛИОТЕКИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕРРИТОРИИ	5
<i>Суслов В. И.</i> Проблемы пространственного развития российской экономики.....	6
<i>Равинский Д. К.</i> Национальные стратегии развития библиотечного дела: зарубежный опыт	16
<i>Артемьева Е. Б.</i> Тенденции развития библиотечной отрасли Сибири и Дальнего Востока в контексте трансформаций социума.....	26
<i>Верховский И. А.</i> «Свое-чужое»: региональная идентичность Югры (по материалам социологических исследований)	36
<i>Юркевич Я. Б.</i> Программа развития общедоступных библиотек Сургута: итоги и непосредственное будущее	44
<i>Ершов М. Ф.</i> «Вначале было слово»: межкультурная коммуникация в отечественном пространстве	52
ВКЛАД СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.....	59
<i>Абанкина Т. В.</i> Основные подходы и модели государственной поддержки в сфере культуры: концепции, модели, финансовые механизмы	60
<i>Кожевникова Л. А.</i> Социально-экономическая проблематика в исследованиях библиотечной отрасли: состояние и перспективы развития	66
<i>Макеева О. В.</i> Экономическая социология или социальная экономика – в чем основы библиотечной деятельности?	71
<i>Романов П. С.</i> К вопросу измерения ценности публичных библиотек в зарубежном библиотековедении	80
<i>Волженина С. Ю.</i> Публичная библиотека как фактор формирования социального капитала.....	86
<i>Дрешер Ю. Н., Косолапова Е. А.</i> Сравнительная оценка моделей сбалансированной системы показателей.....	94

БИБЛИОТЕКА И ЧИТАТЕЛЬ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИХОТОМИИ.....	109
<i>Астахова Л. В.</i> Культурно-капитальный подход к пользователю библиотеки как императив гуманизма ее деятельности	110
<i>Тикунова И. П.</i> Библиотека в информационном пространстве культуры.....	114
<i>Михнова И. Б.</i> Социальный лифт для молодежи: новое прочтение библиотечных функций	120
<i>Чудинова В. П.</i> Публичные библиотеки и их посетители в социологических исследованиях за рубежом	125
<i>Пурник А. А.</i> «Mobilis in Mobile». Как мобильные устройства меняют информационную среду библиотеки: ближняя и дальняя перспективы	138
<i>Долгополова Е. Е.</i> Базовые характеристики профессионального сознания библиотекарей и их влияние на реализацию коммуникативной функции библиотек	145
<i>Скульмовская Л. Г.</i> Деятельность библиотек как фактор повышения уровня информационной культуры населения региона	158
<i>Дрешер Ю. Н.</i> Менеджмент качества в библиотерапевтической деятельности: специфика и подходы к реализации.....	165
Первые социально-экономические библиотечные чтения: итоговый документ.....	174

**БИБЛИОТЕКИ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ТЕРРИТОРИИ**

Проблемы пространственного развития российской экономики

*Сулов Виктор Иванович,
заместитель директора по научной работе
Института экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук,
член-корреспондент Российской академии наук,
д. э. н., Новосибирск*

Проблемы пространственного развития Российской Федерации обусловлены чрезвычайно низкой плотностью населения, суровыми природно-климатическими условиями, наличием значительных запасов природных ресурсов, особым географическим положением.

По плотности населения Россия занимает 181 место среди 195 стран мира: 8,6 чел. на кв. м, т. е. в 6,2 раза меньше, чем в среднем по миру (без учета Гренландии и Антарктиды). Менее населены несколько африканских стран, Казахстан, Канада, Австралия и Монголия – с самой низкой плотностью населения в мире (2 чел. на кв. км.).

Ни в одной стране мира такая высокая доля населения не проживает севернее изотермы с нулевой среднегодовой температурой (рис. 1). В России нулевая изотерма проходит от Белого моря через средний Урал, ниже Прииртышья на юго-восток, обходя Красноярск с севера, Прибайкалье с юга, и далее на восток, все круче отклоняясь к северу, через Сахалин на Камчатку, оставляя Благовещенск, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский в зоне положительных температур. Сопоставимы с Россией по степени суровости климата лишь Канада и Монголия, а также Аляска и Тибет.

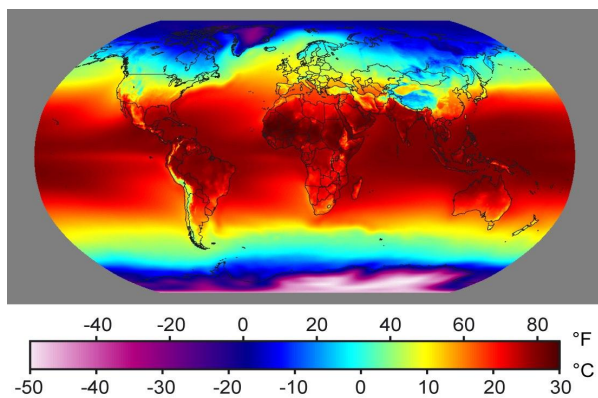

Рис. 1. Среднегодовые температуры на земном шаре

Главной природной «кладовой» России является Сибирь, которую во всем мире понимают как всероссийское Зауралье, включающее Дальний Восток с Якутией. Относительно роли Сибири в экономике и геополитике существует широкий спектр мнений: от крайне позитивных до крайне негативных. Еще в начале прошлого века 28-й президент США Вудро Вильсон как-то выразил сожаление, что «главный приз в истории человечества – Сибирь» достался России. С другой стороны, нередко высказывается мнение, что «Сибирь – проклятие (природно-ресурсное) России». «Истина», как всегда, где-то посередине.

Говоря об особом географическом положении России, невольно вспоминаются строки Р. Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд». Россия «обречена» своим географическим положением стать мостом между Западом и Востоком еще до того, как «предстанет Небо с Землей...». В этом ее геополитическая сверхзадача.

Инструментарий анализа

В Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН исследования экономического пространства ведутся с помощью больших прикладных многорегиональных межотраслевых моделей уже почти 50 лет. Анализируемые в этой статье результаты получены в рамках так называемого коалиционного анализа, предполагающего проведение расчетов по всем возможным коалициям регионов (если модель включает 8 федеральных округов России, то возможно – с учетом внешних связей – 2^9 коалиций, т. е. 512), в рамках теоретических концепций экономического равновесия по Вальрасу и Нэшу. Несколько слов об этих концепциях.

Любое парето-оптимальное (лежащее на границе допустимых состояний системы в пространстве целевых показателей регионов) решение является равновесным по Вальрасу, т. е. оно может быть получено (спрос и предложение совпадут на всех рынках) в результате совершенно несогласованных действий участников рынка, в данном случае регионов, которые преследуют исключительно свои корыстные цели, ориентируясь только на текущие цены и свои бюджетные возможности. Нас интересуют те равновесия, которые достигаются при нулевых сальдо региональных бюджетов. Такие точки равновесия многорегиональных систем мы называем состояниями эквивалентного межрегионального обмена.

Если Вальрасовские равновесия – это отдельные точки на парето-границе, то Нэшовские равновесия – области этой границы. Области

сложной конфигурации, пока не очень хорошо определяемые. Это зоны межрегионального взаимовыгодного обмена.

Система, попадая в такую зону, называемую ядром системы, не имеет стимулов для выхода из нее. Любая коалиция регионов, попытавшись выйти из такой системы, будет в проигрыше. Мы придумали такой способ очерчивания зоны ядра: в компьютерном эксперименте увеличивается доля одного из регионов в конечном потреблении (целевом показателе) за счет равномерного снижения доли остальных регионов до тех пор, пока не обнаружится коалиция регионов, которые могут получить выгоду, если выделятся из системы. Потом доля региона уменьшается для определения нижней границы зоны ядра. Затем также исследуется следующий регион и т. д. Расчеты начинаются из точки Вальрасовского равновесия с эквивалентным межрегиональным обменом, которая обязательно принадлежит ядру системы. Это очень трудоемкая процедура, поскольку в параметрическом анализе необходимо вести расчеты по всем возможным коалициям регионов – кандидатов на «вылет».

Экономические взаимодействия в пространстве СССР накануне распада

30 лет назад с помощью многорегиональной модели экономики СССР (30 отраслей материального производства, 15 регионов – союзных республик – плюс 16-й регион – внешний мир) были получены следующие результаты (табл. 1):

Таблица 1

Эффекты фактических межрегиональных взаимодействий
(1987 г., % к непроеизводственному потреблению республик)

Макро-регионы	Россия	Украина	Беларусь	Казахстан	Средняя Азия	Молдова	Закавказье	Прибалтика	Итого (сальдо взаимодействия)
Россия	64,6	67,3	55,5	42,5	36,3	31,7	35,8	65,0	60,2 (+14,5)
Украина	1,2	14,8	16,5	4,9	18,0	52,1	7,4	8,1	6,3 (-9,8)
Беларусь	2,3	4,0	3,8	3,5	2,1	4,1	3,3	3,7	2,8 (-0,8)

Казахстан	1,7	0,6	-1,4	27,1	3,8	-0,6	6,7	-0,6	3,0 (-1,4)
Средняя Азия	3,7	1,1	15,4	0,5	26,4	1,7	-0,0	2,8	4,8 (-1,5)
Молдова	0,8	-2,7	-0,3	0,7	0,3	0,0	0,6	0,9	0,1 (0,0)
Закавказье	2,6	1,7	0,5	4,5	3,9	0,2	25,7	0,7	3,4 (0,0)
Прибалтика	1,9	1,5	4,3	3,3	2,5	1,9	2,7	8,0	2,2 (-1,0)
Внутренний эффект (территориальная структура)	78,8 (45,7)	88,3 (16,1)	94,3 (3,6)	87,0 (4,4)	93,3 (6,3)	91,1 (0,1)	82,2 (3,4)	88,6 (3,2)	82,8 (0,0) (82,8)
Внешние связи	21,2	11,7	5,7	13,0	6,7	8,9	17,8	11,4	17,2
Итого (территориальная структура)	100 (58,1)	100 (18,5)	100 (3,8)	100 (5,1)	100 (6,7)	100 (0,1)	100 (4,2)	100 (3,6)	100 (100,0)

На диагонали этой таблицы приведены доли в процентах от исходного целевого показателя (величины непроемственного потребления, который также можно назвать общим потреблением домашних хозяйств и государства), сохранившегося для данного региона в ситуации полной автаркии, т. е. без всяких торгово-экономических связей с остальным миром. А цифра, например, 67,3, стоящая на пересечении строки «Россия» и столбца «Украина», означает, что подключение России в коалицию, включающую Украину, увеличивает целевой показатель Украины на эти 67,3 %. Это цифра – средняя. Всего коалиций, включающих Украину и не включающих Россию, т. е. оценок этой величины – 2^{15} (с учетом внешнего мира). Это было очень много для вычислительных возможностей 30-летней давности. Мы тогда изобретали разные схемы построения выборок из общего числа возможных коалиций союзных республик. Это была тоже не элементарная задача. Мы ее тогда решили и вместо 32 768 (2^{15}) расчетов для внедиагональных показателей данной таблицы делали 500–600.

По столбцу «Украина» в строке «Внутренний эффект (территориальная структура)» цифра 88,3 % показывает долю целевого показателя этого региона, обеспеченную внутрисоюзными взаимодействиями, а 16,1 % – доля Украины в общесоюзном внутреннем эффекте. Внешне-экономические связи (продолжая столбец «Украина») дают этому региону 11,7 % его целевого показателя. И, наконец, доля Украины в общероссийском целевом показателе составляет 18,5 %. В последнем столбце показан общий вклад (в процентах) региона в общесоюзный целевой показатель. Для Украины это всего 6,3 %, при том что потребление из общего «эффекта» составляет для нее 16,1 %. Сальдо взаимоотношений, показанное в скобках, – минус 9,8 %. Если сказать грубо,

этот регион почти на одну десятую часть общего «пирога» «обкрадывал» остальных участников Союза.

Расчеты проводились в республиканском разрезе, но в приводимых здесь таблицах их результаты агрегированы (например, Армения, Азербайджан, Грузия – это Закавказье) для большей наглядности.

При рассмотрении таблицы 1 можно отметить следующее.

Только Россия в состоянии полной автаркии могла сохранить значение своего целевого показателя на достаточно высоком уровне (64,6 %). Казахстан, Средняя Азия, Закавказье теряли после разрыва межреспубликанских связей почти три четверти своего потребления. Для остальных республик последствия разрыва связей были еще более катастрофичны (для Украины – семикратное сокращение).

Только для России сальдо межреспубликанских взаимодействий было положительным (вклад ее в общесистемное потребление превышал ее потребление, обусловленное внутрисистемными связями). Сальдо межреспубликанских взаимодействий остальных республик было отрицательно, особенно велико оно (до неприличия) по абсолютной величине было для Украины – минус 9,8 % общего «пирога».

Россия прямо и косвенно обеспечивала более половины (до двух третей) непроизводственного потребления Украины, Белоруссии, Прибалтики. Для самой же России межреспубликанские связи были не слишком важны (14,2 % потребления – это сумма вкладов всех республик в ее целевой показатель). Гораздо более важную роль для нее играли внешнеэкономические связи (21,2 %).

Интересно, что взаимосвязи Украины и Молдовы обеспечивали более половины целевого показателя последней (52,1 %), в то время как для Украины они имели негативные последствия (минус 2,7 %).

Несколько иную картину давали результаты равновесного анализа по Вальрасу и Нэшу (табл. 2).

Таблица 2 показывает, что зона ядра сильно вытянута в сторону увеличения доли России в общесистемном непроизводственном потреблении (целевом показателе). Это означает, что непроизводственное потребление России могло бы быть значительно увеличено за счет других республик, но межреспубликанский обмен оставался бы взаимовыгодным, т. е. коалиции республик без России имели бы меньшее потребление. При этом фактическая доля непроизводственного потребления России выше ее доли в состоянии эквивалентного обмена. То есть ее потребление преувеличено по сравнению с тем, которое имело бы место при эквивалентном межреспубликанском обмене. Такая же ситуация – в гораздо большей степени – была характерна для Казахстана

и Средней Азии. А вот потребление Украины, Закавказья, Прибалтики и особенно Белоруссии занижено.

Таблица 2

Территориальная структура непроемленного потребления
(1987 г., процентные пункты)

Макрорегионы	Факт	Нижний предел ядра	Эквивалентный обмен	Верхний предел ядра
Россия	58,06	56,25	56,37	89,62
Украина и Молдова	18,58	19,21	19,42	19,82
Беларусь	3,79	4,76	5,01	5,08
Казахстан	5,07	3,91	4,36	4,41
Средняя Азия	6,71	5,05	5,54	5,59
Закавказье	4,24	4,92	5,49	5,52
Прибалтика	3,55	3,56	3,81	3,89
Итого	100	-	100	-

В 2016 году аналогичные расчеты проведены для России. Была использована модифицированная модель, представляющая страну в разрезе 8 федеральных округов и 40 видов экономической деятельности. Расчеты проведены на перспективу 2030 года (в отличие от предыдущей серии расчетов для СССР, которые проводились по статической модели, на 1987 год), но поскольку за предстоящие 15 лет, по мнению экономического блока нашего Правительства, ничего существенного не произойдет, а мы в своих сценарных установках ориентировались на официальную позицию, т. к. были связаны заказами МЭР, эти результаты можно проецировать и на существующую ситуацию.

Экономические взаимодействия в пространстве России

На главной диагонали таблицы 3 представлены доли от региональных целевых показателей, достигаемые в полной автаркии соответствующих регионов. Внедиагональные элементы – средние 2^8 (256) оценок вкладов одних регионов (из подлежащего таблицы) в целевой показатель других регионов (из сказуемого таблицы) – по числу коалиций, включающих регион-реципиент (в сказуемом) и не включающих регион-донор (в подлежащем). В последнем столбце – сальдо взаимодействия – показано, насколько общий вклад в целевой показатель системы

превышает потребление региона из этого общего показателя – в процентах к нему.

Таблица 3

Эффекты фактических межрегиональных взаимодействий в России (2030 г., % к целевому показателю – конечному потреблению регионов)

ФО России	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО	Итого (Общий вклад)	Сальдо взаимодействий
ЦФО	0,0	-24,2	-8,9	-8,5	-9,0	-11,5	-10,7	-0,7	-7,4	-34,7
СЗФО	9,2	85,4	12,1	21,6	25,3	23,6	12,5	16,9	22,5	13,3
ЮФО	4,3	-8,1	0,0	2,8	4,6	16,0	6,2	8,7	4,2	-2,6
СКФО	-1,0	-4,2	-2,9	0,0	-1,9	-3,6	1,8	0,9	-1,5	-4,7
ПФО	7,0	8,0	7,4	6,6	0,0	-0,4	-0,7	20,4	5,1	-6,5
УФО	16,2	17,9	30,5	16,6	11,3	22,5	11,2	15,3	16,8	10,0
СФО	19,3	9,1	22,9	24,2	13,2	13,4	54,2	16,8	20,9	11,8
ДВФО	22,2	6,3	18,2	16,2	27,2	10,4	9,7	0,0	17,2	13,3
Внутренний эффект (территориальная структура)	77,3 (27,3)	90,1 (9,2)	79,3 (6,8)	79,5 (3,2)	70,7 (11,6)	70,3 (6,8)	84,0 (9,1)	78,3 (3,9)	77,8 (77,8)	
Внешние связи	22,7	9,9	20,7	20,5	29,3	29,7	16,0	21,7	22,2	
Итого (территориальная структура)	100,0 (35,3)	100,0 (10,2)	100,0 (8,5)	100,0 (4,0)	100,0 (16,4)	100,0 (9,6)	100,0 (10,8)	100,0 (5,0)	100,0	

Самым самодостаточным макрорегионом России является Северо-Западный федеральный округ. В состоянии автаркии он сохраняет 85,4 % исходного уровня своего целевого показателя. По этому критерию неплохо выглядит Сибирский федеральный округ (54,2 %), гораздо хуже – Уральский округ (22,5 %). В остальных федеральных округах разрыв внешних связей обнуляет их целевой показатель – для такого результата достаточно отсутствия производства хотя бы по одному виду деятельности.

Самым злостным «паразитом» на «теле» России является Центральный федеральный округ. Его «вклады» в целевые показатели всех феде-

ральных округов оказались отрицательными, причем «результатом» его «взаимодействия» с Северо-Западным округом является сокращение целевого показателя последнего почти на одну четверть. А общее сальдо взаимодействия для этого макрорегиона составило более трети общероссийского целевого показателя. При этом Центральный федеральный округ вместе с Москвой – это реальный российский центр – научно-образовательный, инновационно-технологический, культурный, транспортно-логистический, финансовый и т. д. Сложившаяся ситуация – следствие непропорционально и несправедливо больших доходов, получаемых, прежде всего, в Москве. Финансовые ресурсы искусственно стягиваются в федеральный центр со всей страны.

«Рабочими лошадками» в системе российских макрорегионов выступают Северо-Западный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Причем самым большим (относительно) сальдо взаимодействия обладает маленький экономически федеральный округ – Дальневосточный: 13,3 % общероссийского целевого показателя. Такое же по величине сальдо взаимодействия у Северо-Западного, Сибирского и Уральского федеральные округа характеризуются тоже значимыми сальдо взаимодействия, но чуть меньшего размера.

Вообще говоря, наличие в пространственной системе регионов-доноров и регионов-реципиентов нормально. Такими «штатными» реципиентами в нашем случае выступают Северо-Кавказский, Южный федеральные округа и с некоторыми оговорками Приволжский округ. Но существование в системе регионов, образно говоря, «паука», для которого пространство страны – «охотничье угодье», нормальным считать вряд ли следует.

Проведенные расчеты в очередной раз показали, что Российская экономика ресурсозависима: лидирующие позиции (по величине сальдо взаимодействия) в пространственной структуре экономики занимают ресурсные регионы – Северо-Запад, Урал, Сибирь и Дальний Восток. И еще одно заключение: российская экономика, по-видимому, все в большей степени встраивается в мировую. Как показали проведенные расчеты, самыми результативными в региональной структуре России оказались два макрорегиона, которые обеспечивают выход стране в мировое пространство – Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа.

Анализ в рамках концепций экономического равновесия дал следующие результаты (табл. 4).

Таблица 4

Территориальная структура конечного потребления (процентные пункты)

ФО России	Факт	Нижний предел ядра	Эквивалентный обмен	Верхний предел ядра
ЦФО	35,29	10,77	20,87	37,37
СЗФО	10,21	4,33	10,49	18,43
ЮФО	8,52	3,66	6,20	14,80
СКФО	4,05	1,52	2,88	6,26
ПФО	16,44	13,69	21,73	37,15
УФО	9,61	6,07	18,15	23,19
СФО	10,85	6,17	14,46	22,69
ДФФО	5,03	2,12	5,23	9,50

Прежде всего, следует отметить, что фактическая территориальная структура целевого показателя в современной России находится в ядре, т. е. обмен между макрорегионами России взаимовыгоден. В то время как в СССР накануне распада (как показывают данные табл. 2) только Россия своей фактической долей в общесистемном целевом показателе попадала в ядро, остальные макрорегионы по этому показателю были ниже нижнего предела ядра (Украина с Молдавией, Белоруссия, Закавказье, Прибалтика) или выше верхнего предела (Казахстан, Средняя Азия).

По своей фактической доле в общем целевом показателе близки к состоянию эквивалентного обмена Северо-Западный (факт – 10,21 %, равновесие – 10,49 %) и Дальневосточный (соответственно, 5,03 и 5,23) федеральные округа. «Переполучают», по сравнению с эквивалентным обменом, Южный, Северо-Кавказский и особенно Центральный федеральные округа. Для последнего фактическая доля в потреблении (35,29 %) в 1,75 раза выше его доли в состоянии эквивалентного обмена (20,87 %) и практически «упирается» в верхнюю границу ядра (37,37 %).

«Недополучающими» свою долю общего «пирога» оказываются Приволжский, Сибирский и особенно Уральский федеральные округа. Так, фактическая доля в общем целевом показателе Урала (9,61 %) почти в 2 раза меньше того, что этот макрорегион мог бы получать при эквивалентном обмене (18,15 %).

Стратегии пространственного развития России

Если говорить о макроэкономическом блоке любых стратегий, в том числе пространственного и регионального развития, то необходимо преодоление синдрома неполноценности типа «новой реальности» (рост экономики в нашей стране на 1–2 % в год, оказывается, очень даже не плох и совершенно нормален на ближайшие 15–20 лет), внедряемой в сознание бизнес-, научных, общественных и властных сообществ экономическим блоком нашего Правительства (она – «новая реальность» – оправдывает его – этого блока – существование и деградацию страны в предстоящие четверть века).

Можно говорить о двух группах «содержательных» сценариев пространственного развития страны: 1) мотивированные представлениями о предпочтениях в будущем социально-экономическом развитии страны различных групп населения (правительственных, научных, культурных и других элит); 2) следующих из более или менее строгих теоретических концепций. Обе эти группы предполагают существенную вариацию пространственной структуры страны.

1) Примеры таких сценариев:

- сокращение территориальной дифференциации уровней социально-экономического развития;
- освоение Сибири и Дальнего Востока;
- переориентация в экономических связях на Азиатско-Тихоокеанский регион;
- укрепление отношений с Западной Европой;
- интеграция пространства бывшего СССР под эгидой России;
- приобретение статуса главного звена в связке «Запад-Восток»;
- интеграция Арктики в экономическое пространство страны;
- усиление позиций крайних западных и южных регионов европейской части страны.

Это список легко модифицируется и расширяется. Любой из этих сценариев операционализируется в рамках системы расчетов по имеющимся моделям.

2) К настоящему времени сформировались достаточно строгие в теоретическом и формальном отношении представления об эффектах межрегиональных экономических отношений, о степени эквивалентности и взаимовыгодности межрегиональных экономических отношений, о характере этих взаимоотношений, проецируемых на таможенный, валютный, экономический союз. В рамках этих концепций можно сформировать сценарии, в которых достигается более равномерное распределение эффектов межрегиональных взаимодействий, более эквива-

лентный и взаимовыгодный межрегиональный обмен, более или менее регулируемые государством экономические коалиции, внешнеэкономические связи.

При этом следует понимать, что в «чистом» виде ни один из возможных сценариев не реализуем. Речь может идти о макропропорциях между ними. Но установить эти желаемые и реалистичные макропропорции – задача другого уровня.

Заключительное замечание

Необходимым условием успешной индустриализации практически всегда являлась возможность освоения новой территории.

Технологический барьер рубежа XIX–XX веков (освоение невозобновляемых источников энергии, двигатель внутреннего сгорания, электричество, транспортная и энергетическая инфраструктура) первыми сумели преодолеть две страны: США и Германия. Но США имели территорию для экспансии, порождающей спрос на высокие технологии того времени (автомобиль, трактор, техника карьерной добычи природных ископаемых), а Германия – нет. В результате США стали мировым доминантом на целый век, а Германия инициировала две проигранные ею мировые войны.

Сибирь и Арктика до сих пор остаются для России стимулом и полем для реиндустриализации.

Национальные стратегии развития библиотечного дела: зарубежный опыт

*Равинский Дмитрий Константинович,
старший научный сотрудник
Российской национальной библиотеки, к. п. н.,
Санкт-Петербург*

Вопрос о разработке общенациональных стратегий развития библиотечного дела не является чем-то новым для библиотечного сообщества. Необходимость стратегического планирования, координации, совместных проектов и, больше того, выработки единых управленческих решений, признаются не только в странах с плановой экономикой, но и в обществах, традиционно придерживающихся принципов свободного предпринимательства.

Новым явлением стали инициативы, направленные на установление международной координации в деле разработки национальных страте-

гий. Знаковым событием в этом плане стало предложение, с которым выступила в 2011 году Национальная библиотека Кореи (имеется в виду Южная Корея). НБ Кореи предложила ИФЛА создать группу по интересам, занимающуюся вопросами разработки национальных библиотечных и информационных политик. Начиная с 2012 года на Конгрессах ИФЛА проходят заседания этой группы, на которых представители разных стран обмениваются опытом. В данном материале охарактеризован опыт трех стран с разными традициями и разными общественными условиями.

Интересный пример внедрения общенациональной стратегии развития библиотечного дела дает Южная Корея. Правительство Южной Кореи рассматривает библиотеки как часть национальной экосистемы знания, придавая развитию библиотечного дела важное и неоспариваемое значение. Начиная с 2009 года правительство разрабатывает стратегические пятилетние планы развития библиотек в стране. Согласно статье 14 Библиотечного закона Республики Корея, председатель Комитета по библиотечной и информационной политике каждые пять лет представляет план развития библиотек, охватывающий все секторы библиотечного дела в стране. В настоящее время действует Второй стратегический план развития библиотечного дела, принятый в 2014 году после нескольких поправок. Комитет по библиотечной и информационной политике работает под прямым контролем президента страны. В настоящее время в комитет входят 15 представителей частного сектора и 11 министров из релевантных министерств. Срок полномочий членов комитета – два года.

Девизом Второго плана стал девиз «Библиотеки создают счастливую жизнь и будущее». Контекстом такого подхода стала так называемая программа «Национального счастья», которую ввел в действие президент страны в 2012 году. Стимулом для появления этой программы стал тот факт, что в индексе счастья, составленном в 2013 году на основе исследования в 36 развитых странах, Южной Корее досталось лишь 27 место. Правительство объявило, что счастливые граждане – стратегический приоритет работы правительства. Второй стратегический план развития библиотечного дела – один из аспектов этой политики. Предполагается заложить фундамент укрепления мощи страны путем создания общества, основанного на знаниях и информации. Одновременно библиотекам отводится важная роль в деле повышения национальной креативности.

На сайтах ИФЛА и NIDA (Network for Information and Digital Access) в 2012 году были размещены две примерные модели создания национальных стратегий развития библиотечного дела. Одна – охваты-

вающая все секторы библиотечного дела, вторая – специфичная для публичных библиотек. Второй стратегический план можно охарактеризовать как расширенный гибридный вариант второй модели, поскольку в центр стратегии помещены именно публичные библиотеки, хотя затронуты и другие секторы библиотечного дела (а также музеи и центры непрерывного образования).

Библиотечная экосистема Южной Кореи – хорошо развитая система с многочисленными библиотеками, квалифицированными библиотекарями и сформировавшейся системой подготовки дипломированных кадров. Согласно статистике, на 2013 год в стране было около 19 тысяч библиотек, в том числе – 3 национальных библиотеки, 868 публичных библиотек, 430 библиотек высших учебных заведений, 11 390 школьных и 596 специальных библиотек. В них работали более 78 тысяч квалифицированных библиотекарей, и 38 университетов и колледжей предлагали программы библиотечно-информационного образования для бакалавров, магистров и докторские программы. Законодательную основу библиотечного дела составляют Библиотечный закон, принятый в новой редакции в 2013 году, и два других закона, касающихся отдельных типов библиотек: закон о продвижении школьных библиотек, принятый в 2008 году, и закон о продвижении небольших библиотек 2012 года.

Стратегический план развития библиотечного дела рассматривается как основа для разработки ежегодных планов соответствующих министерств и местных администраций. Второй стратегический план основан на результатах выполнения Первого стратегического плана (2009–2013 гг.) и на предложениях, полученных от работников библиотек и читателей. Главным достижением реализации Первого стратегического плана стало открытие примерно 220 новых публичных библиотек, новые автоматизированные библиотечные системы и электронные библиотеки были предоставлены читателям, Open Access Korea был разработан как научный информационный ресурс. При всех этих достижениях количество библиотек единиц в их фондах в Корее были меньше, чем в Японии, США, Великобритании или Германии.

Достижение трех главных целей:

- достижение общественного счастья через предоставление знаний и информации;
- усиление креативной компетентности с помощью экосистемы знаний;
- создание мощной в культурном отношении страны.

Для достижения этих целей в рамках Второго стратегического плана разработаны конкретные программы действий, ответственность за

реализацию которых возложена на Министерство культуры, спорта и туризма и на местные администрации. Центральная администрация предоставляет бюджетные деньги на строительство, ремонт и эксплуатацию библиотечных зданий, а также выделяет национальные гранты на библиотечное обслуживание. Местная администрация обеспечивает повседневную деятельность библиотек. Во Втором плане поставлена задача открывать в среднем 50 новых публичных библиотек ежегодно до 2018 года. Увеличение числа квалифицированных библиотекарей также является приоритетной задачей – планируется, что к 2018 году на каждую библиотеку будет приходиться в среднем 6 библиотекарей (в 2013 году средний показатель – 2–4 библиотекаря).

Одно из стратегических направлений – развитие так называемых соседских библиотек, часто называемых небольшими библиотеками. Такие библиотеки пользуются популярностью у детей и домохозяек и считается, что они важны укрепления для добрых отношений между соседями, однако их развитию препятствуют скудность фондов и недостаток квалифицированных библиотекарей. В плане предусмотрена многоэтапная система сотрудничества между соседскими и публичными библиотеками.

Ведется работа по интегрированию каталожных баз данных публичных библиотек Кореи. А Электронная библиотека Национальной библиотеки Кореи предоставляет доступ к фондам более 800 библиотек и других учреждений как внутри страны, так и заграничных.

Второй стратегический план включает в себя систему количественных индикаторов, на основании которых можно будет судить о достижениях. Приведем некоторые из этих индикаторов:

Среднее число жителей, обслуживаемых публичной библиотекой:

2013 – 61 000,

2018 (план) – 45 000;

Процент школьников, участвующих в читательских клубах:

2013 – 45,2 %,

2018 (план) – 60 %;

Доля бюджета университетских библиотек в общем бюджете университетов:

2013 – 0,9 %,

2018 (план) – 3 %;

Процент специальных библиотек, участвующих в программе «Единый читательский билет для всех библиотек»:

2013 – 16 %,

2018 (план) – 50 %.

Разработка Стратегических планов развития библиотек стало возможным благодаря хорошо структурированной законодательной базе и планированию в контексте общего плана национального развития, принятого правительством.

Попытки разработать национальные стратегии развития библиотечного дела предпринимаются – с разной степенью успешности – во многих странах. Интересным представляется опыт Литвы. В этой стране в 2011–2014 годах был реализован национальный исследовательский проект LiViTOP (Достоверное изучение организации библиотечной сети), включавший в себя несколько масштабных исследований, продолжавших и дополнявших друг друга.

Главной причиной, побудившей развернуть столь крупный исследовательский проект (не имевший прецедентов в истории литовского библиотечного дела), стала необходимость заново осмыслить роль библиотек национального значения и центральных уездных библиотек в формировании общенациональной библиотечной системы Литвы. Проект инициировали два министерства, в ведении которых находится основная часть литовских библиотек – Министерство образования и науки и Министерство культуры. Проект должен был дать достоверные ответы на несколько исследовательских вопросов:

– Каковы главные изменения, новые возможности и новые угрозы, которые будут влиять на потребности в библиотечном обслуживании в ближайшие десять лет?

– Каковы главные достижения и главные проблемы исследуемых библиотек?

– Какие стратегии следует принять библиотекам, чтобы адекватно ответить на изменения ближайшего десятилетия?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, проведены три этапа исследований.

Первое исследование – «Анализ факторов и тенденций, оказывающих влияние на развитие библиотек». Были изучены социальные, экономические и политические факторы, а кроме того, проведены интервью с 23-мя лицами, имеющими отношение к библиотечному делу. В результате составлен список общественных тенденций, влияющих на развитие библиотек (в списке названа 51 тенденция). Полученные в ходе первого этапа данные были использованы на втором этапе проекта – разработке альтернативных сценариев развития библиотечной системы Литвы. Для подготовки сценариев сформированы четыре рабочих группы, работавшие в течение пяти месяцев. За это время проведено восемь семинаров со 168-ю участниками. Результатом стало появление шест-

надцати возможных сценариев развития библиотек. На основании этих сценариев составлен список возможностей и угроз как для отдельных библиотек, так и для всей библиотечной системы Литвы.

Третий этап – «Исследование стратегий, качественных и количественных индикаторов эффективности работы литовских библиотек национального значения и центральных библиотек уездов». На этом этапе использованы контент-анализ стратегических планов библиотек и фокус-группы с участием библиотечных работников. Задачей было определить стратегические приоритеты деятельности библиотек, в том числе и те, которые не сформулированы формальным образом в документах. Был проанализирован 41 стратегический план и проведены десять фокус-групп с участием 83 сотрудников библиотек.

Вторым направлением этого этапа исследования стало оценивание эффективности работы библиотек, для чего была использована методика Сбалансированной системы показателей (ССП), часто применяемой в маркетинговых исследованиях. На основе этой методики выделены 130 качественных индикаторов эффективной работы библиотек. Затем проведены десять опросов пользователей библиотек (опрошено 2 546 респондентов) и семь опросов библиотечных работников (1 075 респондентов). Целью было сопоставить показатели эффективности работы с удовлетворенностью пользователей.

Общим выводом исследования стал тезис, что роль и функции большинства библиотек страны недостаточно четко определены в Законе о библиотеках, и это ставит задачу найти их уникальное место в национальной библиотечной системе. Авторами исследования предложены пять стратегий, важных для гарантированного будущего библиотек Литвы.

Первая – определить уникальную нишу для каждого типа библиотек и обеспечить эффективное обслуживание в рамках этой ниши. В стратегии разработаны и рекомендации по определению ниш для конкретных библиотек.

Вторая – изучать информационные потребности пользователей с тем, чтобы обеспечить эффективное обслуживание в рамках ниши и минимизировать проблемы, связанные со слабым использованием информационных ресурсов и виртуальных сервисов в обследованных библиотеках. Необходимо проанализировать информационные потребности целевой аудитории и ориентировать информационное обслуживание на эти потребности. Например, центральные библиотеки уездов должны ориентироваться на информационные потребности профессионалов и не дублировать работу публичных библиотек.

Третья – устойчивое профессиональное развитие библиотечного персонала. Среди вызовов, с которыми столкнутся библиотеки в следующие десять лет, названо и возрастание требований к компетенциям библиотекарей. Слабым местом большинства библиотек является отсутствие решений для обеспечения постоянного профессионального развития сотрудников.

Четвертая стратегия – поиск дополнительных ресурсов (при этом рассматривалась возможность реорганизации внутренней работы библиотек).

Наконец, пятая, «горизонтальная» стратегия, – сотрудничество и кооперация с другими библиотеками.

Опыт Великобритании интересен тем, что, хотя в этой стране нет формальной всеохватывающей стратегии развития библиотечного дела, сами библиотеки и различные административные органы выработали практики координации и сотрудничества, позволяющие эффективно функционировать сложной системе.

В Великобритании не существует единого правительственного органа, отвечающего за развитие библиотечного дела в целом в масштабах страны и формулирующего государственную политику в этой сфере. К тому же в стране достаточно сложная административная инфраструктура: так, вопросами культуры и образования отдельно занимаются администрации Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, в то время как вопросы науки – прерогатива государства в целом.

Рассмотрим положение дел в отдельных секторах библиотечного дела.

Публичные библиотеки

Ключевым законодательным актом, определяющим статус и деятельность публичных библиотек в Англии, является Закон о публичных библиотеках и музеях, принятый в 1964 году. Он определяет обязанность всех местных органов власти обеспечить всеохватывающее и эффективное библиотечное обслуживание с учетом специфики информационных потребностей местных жителей. На основании этого закона 151 местная администрация Англии организует собственные системы библиотечного обслуживания. Обязанность надзора за местными органами власти в Англии лежит на Департаменте местного самоуправления, однако Закон 1964 года возлагает ответственность за надзор за организацией библиотечного обслуживания на местах на Государственного секретаря по вопросам культуры, СМИ и спорта. Он должен оценивать, насколько успешно справляются с этой задачей местные власти и, если потребуется,

может предпринимать соответствующие действия. Департамент культуры, СМИ и спорта финансирует Английский комитет искусств, который и предоставляет поддержку местным библиотечным системам (а также учреждениям искусства и музеям). Стоит подчеркнуть, что надзорная функция – прерогатива Государственного секретаря, а функция Комитета искусств – «поддержка, продвижение и развитие».

Университетские библиотеки

Университетские библиотеки в Англии находятся в ведении Департамента бизнеса, инноваций и умений. Задачами этого департамента является поддержка науки и образования, поощрение развития и инноваций, помощь в организации и развитии бизнеса. Государственное финансирование науки администрируется этим департаментом и распределяется семью Комитетами по исследованиям, работа которых координируется общенациональным Комитетом по исследованиям Великобритании. Каждый из Комитетов по исследованиям инвестирует около трех миллиардов фунтов стерлингов на исследования, охватывающие широкий круг академических дисциплин от медицины и биологии до социальных наук, искусств и гуманитарных дисциплин.

Следует также учесть, что все высшие учебные заведения Великобритании получают гранты от Советов по финансированию высшего образования. Таким образом действует система «двойной поддержки» – Комитеты по исследованиям выделяют гранты на специфические проекты и программы, в то время как Советы по финансированию высшего образования дают деньги для поддержки исследовательской инфраструктуры. Другие независимые исследовательские организации также могут получать финансирование через Комитеты по исследованиям, если они обладают необходимой базой для исследовательской работы. В частности, Британская библиотека участвует в программах, финансируемых Комитетами по исследованиям.

Национальные библиотеки

Британская библиотека, как и национальные музеи, финансируется Департаментом культуры, СМИ и спорта. Закон о Британской библиотеке 1972 года уполномочил Совет Британской библиотеки осуществлять непосредственное управление библиотекой.

Британская библиотека фокусирует свою деятельность на пяти ключевых группах пользователей:

– исследователи, в том числе те, кто занимается исследованиями по личным мотивам;

- представители бизнеса;
- участники образовательного процесса: и преподаватели, и учащиеся – от школьников до участников непрерывного образования;
- широкая публика;
- библиотеки и другие связанные с информацией учреждения.

Британская библиотека является культурным институтом мирового класса, хранилищем национальной памяти и занимает ключевое место в повестке дня национальной политики. В Шотландии Национальная библиотека находится в ведении Секретаря по вопросам культуры и внешних сношений правительства Шотландии. В Уэльсе – в ведении Министра национальных ресурсов, культуры и спорта.

Следует учитывать, что в Великобритании существует асимметричная модель развития управления. В отличие от федеральной системы, где отдельные штаты или провинции делят суверенитет с центром и имеют сопоставимые друг с другом властные полномочия, в Великобритании системы управления значительно различаются между территориями, и ситуация может быстро меняться (как, например, в связи с проведением референдума о выходе Шотландии). Соответственно, и библиотечная политика может существенно различаться в разных территориях – так, в Уэльсе более централизованная библиотечная политика, чем в других частях Великобритании.

Отсутствие единого государственного органа, ответственного за развитие библиотечного дела в Великобритании в целом, возлагает особую ответственность на сами библиотеки, побуждая их выстраивать сотрудничество как внутри библиотечного сектора, так и пересекая его границы (а в случае научных библиотек – еще и пересекая административные границы). Тридцать четыре ведущие научные библиотеки Великобритании и Ирландии сотрудничают в рамках проекта Научные библиотеки Великобритании, создав сводный каталог своих фондов и координируя свою деятельность в сфере комплектования и других.

В условиях отсутствия единого государственного центра управления библиотеками, библиотечное сообщество вырабатывает механизмы саморегулирования. Примером такого механизма служит «Общество главных библиотекарей», объединяющее лиц, отвечающих за библиотечное обслуживание практически всех публичных библиотек Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Главными задачами Общества являются координация деятельности, чтобы «энергия сотрудников и ресурсы библиотек использовались оптимальным образом», и отстаивание интересов библиотек на национальном и местном уровнях.

В феврале 2014 года Департамент культуры и Департамент местного самоуправления объявили, что независимый доклад о состоянии публичных библиотек в Англии был подготовлен благодаря усилиям филантропа, предпринимателя и издателя Уильяма Сигарта (William Sieghart). Доклад основан на работе группы экспертов, в которую входили в т. ч. директор Британской библиотеки и президент Общества главных библиотечарей. Перед экспертами были поставлены три ключевых вопроса:

- каковы должны быть принципы работы публичных библиотек в будущем;

- является ли сегодняшняя модель библиотечного обслуживания всеохватывающей и наиболее эффективной;

- какова будет роль «общинных библиотек», т. е. библиотек, создаваемых местными сообществами, как правило, без участия профессиональных библиотечарей.

Контекстом для подготовки доклада была ситуация, когда, с одной стороны, значительные инвестиции были вложены в ряд крупных городских библиотек, а с другой – сокращались небольшие библиотеки и пункты выдачи книг в провинции.

В представленном докладе утверждалось, что «один размер не подойдет всем» и что хотя уже существуют некоторые очень хорошие модели организации библиотечного дела на местном уровне, их повсеместное внедрение было бы нежелательно. Вместе с тем в докладе выражалась уверенность, что возможно укрепление системы публичных библиотек в национальном масштабе при сохранении местной специфики. Утверждалось, что часть решения проблемы лежит в направлении создания единой электронной сети для публичных при сохранении индивидуальных систем управления библиотеками. Кроме того, в докладе отстаивалась идея разрешить организацию библиотечного обслуживания в нетрадиционных местах, таких как местный паб или магазин, – чтобы сделать библиотечное обслуживание более доступным в сельских районах.

Таким образом, как говорилось, в Великобритании формально отсутствует единая национальная стратегия развития библиотечного (и шире – информационного) дела. Мозаика разнообразных стратегий, связанных с информацией и другими сферами, такими как наука или образование, создают сложный контекст, в котором развивается библиотечное дело. Тем большая ответственность ложится на само библиотечное сообщество по выстраиванию сотрудничества и кооперации внутри и вне организационных структур.

Как мы видим, ситуация в разных странах существенно различается и подход к выработке общенациональной библиотечной стратегии в каждом случае свой. Но объединяет все эти примеры растущее понимание – и со стороны самого библиотечного сообщества, и со стороны властей разного уровня – необходимости такой общенациональной стратегии.

Список использованной литературы

1. *Lim Wonsun. National Information and library policy Special interest group / Lim Wonsun // Alexandria. – 2014. – Vol. 25, № 3. – P. 1–2.*

2. *Eunju Choi. Library policy in the Republic of Korea: Second library development strategic plan / Eunju Choi // Alexandria. – 2014. – Vol. 25, № 3. – P. 3–18.*

3. *Manzuch, Z. Project LiBiTOP: Evidence-based decisions for strategic management of the Lithuanian library network / Z. Manzuch // Alexandria. – 2016. – № 1. – P. 1–18.*

4. *Stephens, A. National policy on libraries at a time of convergence: the UK experience / A. Stephens // Alexandria. – 2014. – Vol. 25, № 3. – P. 25–41.*

Тенденции развития библиотечной отрасли Сибири и Дальнего Востока в контексте трансформаций социума

*Артемяева Елена Борисовна,
заведующая отделом научно-исследовательской и методической работы
Государственной публичной научно-технической библиотеки
Сибирского отделения Российской академии наук,
д. п. н., профессор, Новосибирск*

Одним из результатов реформ, проводившихся в стране в 1990-е – начале 2000-х годов стало разделение государственной собственности в Российской Федерации (РФ) на федеральную собственность субъектов РФ и муниципальную [1], что способствовало увеличению роли субъективного фактора и усилению неравенства возможностей территорий по финансированию социальной сферы, в которую входит библиотечная отрасль. Удаленные от административного центра страны территории, в

частности, Сибирь и Дальний Восток¹, оказались в наиболее тяжелом положении, что подтверждали специалисты в области экономики. В 2000 году здесь было зарегистрировано только 3 наиболее стабильных района (Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (АО)), 2 относительно стабильных (Иркутская и Томская области), среднекризисных – тоже 2 (Новосибирская область и Красноярский край), 2 – острокризисных (Омская и Кемеровская области), а остальные были признаны экстремальнокризисными. На Дальнем Востоке ситуация была еще хуже: среднекризисный район – 1 (Республика Саха (Якутия)), острокризисных территорий – 2 (Приморский край и Магаданская область), а остальные – экстремальнокризисные [2, 3]. К 2015 году, по данным специалистов, которые определяют уровень развития регионов по показателю «качество жизни»², ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке изменилась, но незначительно. В десятку лидеров по «качеству жизни» (из 85 субъектов РФ) вошел только Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, занявший 7-е место³. Положение других сибирско-дальневосточных территорий следующее: Тюменская область – 11 место, Новосибирская область – 22, Ямало-Ненецкий АО – 24, Камчатский край – 32, Омская область – 37, Хабаровский край – 38, Красноярский край – 43, Томская область – 45, Магаданская область – 46, Сахалинская область – 50, Кемеровская область – 51, Приморский край – 55, Алтайский край –

¹ С 2000 г. Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа включены в Уральский федеральный округ. Тем не менее при проведении исследований по изучению библиотечных ресурсов сибирско-дальневосточного региона мы учитываем данные территории, поскольку географически они расположены на территории Западной Сибири и входят в Западно-Сибирский экономический район (www.grandars.ru/shkola/geografiya/ekonomicheskie-rayony.html; www.bankgorodov.ru/econ-areas).

² При составлении рейтинга регионов по показателю «качество жизни» было отобрано 73 показателя, которые были объединены в 11 групп, характеризующих основные аспекты условий проживания в регионе: уровень доходов населения; занятость населения и рынок труда; жилищные условия; безопасность проживания; демографическая ситуация; экологические и климатические условия; здоровье населения и уровень образования; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; уровень экономического развития; уровень развития малого бизнеса; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры. По каждому показателю группы устанавливался рейтинговый балл (от 1 до 100) на нормированной шкале значений. Позиции субъектов РФ в рейтинге качества жизни определялись в результате агрегирования рейтинговых баллов регионов по всем анализируемым группам. Итоговый рейтинговый балл определялся как среднее геометрическое рейтинговых баллов групп.

³ Лидерами рейтинга по «качеству жизни» стабильно являются Москва (1 место), Санкт-Петербург (2), Московская область (3), Республика Татарстан (4), Краснодарский край (5), Белгородская область (6).

61, Амурская область – 63, Республика Хакасия – 65, Иркутская область – 67, Республика Саха (Якутия) – 72, Республика Бурятия – 75, Еврейская автономная область – 78, Чукотский АО – 79, Республика Алтай – 80, Забайкальский край – 81, Республика Тыва – 85 место [4]. Устойчивость социально-экономического развития сибирско-дальневосточных территорий подвергнута более высоким рискам, чем регионов, занимающих первые места.

Уровень экономики и состояния транспортных коммуникаций, образования и доходов населения, его занятость и рынок труда [5], то есть все составляющие показателя «качество жизни», оказывают влияние на степень развития социокультурной сферы. Именно культуру государство признало важнейшим фактором роста «качества жизни», что было обозначено в «Основах государственной культурной политики»: были поставлены задачи усиления роли организаций культуры, в том числе библиотек, совершенствования инфраструктуры чтения, сохранения библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятия мер по модернизации их деятельности [6]. Однако трансформация схемы бюджетного финансирования, рост дифференциации территориального развития, ослабление регулирующих функций со стороны государства способствовали изменению положения библиотечной отрасли в каждом регионе страны.

Общедоступные публичные библиотеки

К 1990-м годам период экстенсивного наращивания библиотечных ресурсов закончился. Тем не менее, некоторое время сеть общедоступных публичных библиотек Министерства культуры (государственных и муниципальных) в сибирско-дальневосточном регионе оставалась стабильной. В 2000 году, по данным исследования «Библиотека в структуре базовых социально-экономических процессов территории» (2002–2003 гг.), проводимого Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), общее число общедоступных публичных библиотек в Сибири и на Дальнем Востоке составляло 10 505 (уровень 1981 г. – 10 569) [7, с. 125–128, 133]. В 2011 году по данным, представленным в Корпоративной полнотекстовой базе данных Российской национальной библиотеки (РНБ) «Центральные библиотеки субъектов Российской Федерации» (clrf.nlr.ru), их число составляло 10 633 (всего по 83 субъектам РФ в 2011 году – свыше 45 тыс. названных библиотек). По сравнению с данными 2000 года количество библиотек в Сибири и на Дальнем Востоке за эти годы даже увеличилось на 128 единиц, хотя по стране в это время наблюдалась обратная тенден-

ция – по данным мониторинга 2011 года в РФ в целом в результате реструктуризации потери библиотечной сети составили 16,5 % – сокращалось число сетевых единиц: одни библиотеки «исчезли» с библиотечной карты страны, другие – «слились», образуя из двух или нескольких самостоятельных библиотек одну, третьи – стали структурными подразделениями культурно-досуговых учреждений (КДУ). Только в 15 регионах России муниципальные библиотеки не переводились в структуру КДУ. В сибирско-дальневосточном регионе это Кемеровская и Сахалинская области, Республики Алтай, Хакасия и Тыва, Ханты-Мансийский АО; а в Чукотском АО наоборот все библиотеки вошли в состав КДУ [8]. В 2014–2015 годах начался процесс «возвращения» библиотек из состава культурно-досуговых учреждений в ЦБС – в рассматриваемом регионе из КДУ в библиотечную сеть вновь были переданы библиотеки в Алтайском крае, Омской и Амурской областях. В целом же по Сибири и Дальнему Востоку число библиотек с 2011 по 2015 год (включительно) уменьшилось на 588 единиц⁴.

Процессы трансформации были характерны и для центральных библиотек субъектов РФ, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. Например, в Республике Бурятия в 2012 году к Национальной библиотеке была присоединена Республиканская специальная библиотека для слепых в качестве отдела, Амурская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих в 2015 году была преобразована в «Центр обслуживания незрячих и слабовидящих» и переведена в качестве структурного подразделения в Амурскую областную научную библиотеку им. Н. Н. Муравьева-Амурского. В Хабаровском крае в 2012 году наоборот была создана самостоятельная краевая детская библиотека в результате реорганизации Центра детского чтения Дальневосточной государственной научной библиотеки, а в Чукотском АО в 2013 году Публичная универсальная библиотека им. Тана-Богораза стала муниципальным бюджетным учреждением городского округа Анадырь [8]. В результате Чукотский АО стал единственным из субъектов РФ, в котором сейчас нет государственной центральной библиотеки.

Как видим, в 2000-е годы ситуация резко изменилась по сравнению с советским периодом, когда развитие библиотечной сети находилось под патронажем государства и осуществлялось планомерно, на принципах социалистического культурного строительства.

Удаленность, изолированность региона, огромная территория – отличительные черты Сибири и Дальнего Востока от других местностей.

⁴ Посчитано по БД «Центральные библиотеки субъектов Российской Федерации»: Российская национальная библиотека (clrf.nlr.ru).

В размещении, формировании и использовании библиотечных ресурсов территорий здесь наблюдаются значительные диспропорции в зависимости от природно-географических условий, форм расселения населения, типа поселений. Кроме того, для региона характерна низкая плотность населения (средняя плотность по Сибири и Дальнему Востоку – 2 чел. км², а, например, в Камчатском крае – 0,7, в Якутии и Магаданской области – 0,3 чел. км²). В этих условиях нормативы, предлагаемые органами руководства библиотек при организации библиотечной сети, мало приемлемы. Так, Методические рекомендации Министерства культуры субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, предложенные в 2016 году (clrf.nlr.ru/13-kolonka-rukovoditelya-proekta/10276-minkult-socialnorm-09), вызвали значительный резонанс в профессиональной среде. Следование этим нормам может привести к закрытию и реорганизации библиотек в различных регионах страны, к снижению доступности и качества библиотечных услуг для жителей малонаселенных пунктов (clrf.nlr.ru/images/SiteDocum/Analitica/-socialnorm/nmo_socialnorm2.pdf), для которых библиотека – порой единственный очаг культуры, учреждение (и причем бесплатное), которое уже выполняет и другие функции, например, многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг населению. В условиях особой удаленности и разбросанности населенных пунктов, даже при активном развитии информационно-коммуникационных технологий, на территории поселения обязательно должна быть стационарная библиотека муниципального подчинения с обеспечением физической доступности для населения. Именно публичные библиотеки в состоянии смягчить диспропорции неравномерного развития информационной инфраструктуры, открыть жителям отдаленных районов доступ к информации. Для этого органам власти территорий следует выделять средства на развитие материально-технической базы библиотек, формирование их традиционных фондов, независимо от того, что в последние годы стало возможным использовать сетевые электронные ресурсы, чему способствует обеспеченность библиотек компьютерами с доступом к ресурсам Интернета.

Заметим, что в 2011 году число общедоступных публичных библиотек в сибирско-дальневосточном регионе, обеспеченных компьютерами, составляло 53 %, а с выходом в Интернет – лишь 24 %; в сельской местности, соответственно, 31 % и 12 %. В связи с этим об эффективном использовании сетевых электронных ресурсов говорить не прихо-

дилось, особенно в библиотеках, расположенных в мелких населенных пунктах. В 2015 году компьютерами были обеспечены уже 76 % библиотек, с выходом в Интернет – 61 %; в сельской местности соответственно 70 % и 53 %. Но различия показателей территорий значительны. Например, в Ханты-Мансийском АО – лидере по «качеству жизни» – библиотеки обеспечены компьютерами с доступом в Интернет на 100 %, а в Приморском крае (55 место), несмотря на то, что 61 % библиотек обеспечены компьютерами, только 35 % имеют выход в Интернет, в сельской местности – лишь 17 %. В Алтайском крае, занимающем 61 место по уровню «качества жизни», 44 % библиотек обеспечены компьютерами, а имеют доступ в Интернет – 32 %, на селе – 28 %. Подобная ситуация и в Республике Алтай (80 место по уровню «качества жизни») – доступ в Интернет имеют только 28 % муниципальных библиотек, хотя 69 % библиотек обеспечены компьютерами. В Забайкальском крае (81 место по рейтингу) – только 22 % библиотек имеют выход в Интернет, а на селе – 12 %; а в Еврейской автономной области (78 место) – соответственно, 16 % и 11 % – это самые низкие показатели по региону⁵. Причины тому разные – большое число малых населенных пунктов в областях (краях, республиках), в которых располагаются библиотеки, недостаточное развитие инфокоммуникационных систем в условиях сложного природного ландшафта, слабой связанности пространства, низкой плотности населения, др. По-разному относятся к материальному обеспечению библиотечной отрасли и местные органы власти. Таким образом, библиотеки в малых населенных пунктах, которых большинство в регионе, могут строить свою работу прежде всего на основе использования традиционных ресурсов, лишь дополняя их сетевыми электронными.

Библиотеки высших учебных заведений

В 1992 году вступил в силу Закон РФ «Об образовании», закрепивший, наряду с государственными и муниципальными, возможность функционирования негосударственных образовательных учреждений. Создавались новые учебные заведения, при них формировались библиотеки.

В Сибири в 1990 году государственных вузов было 77, в 1996 году стало 80 государственных и 6 негосударственных, в 2008 году – 85 и 29 соответственно; то есть число вузов увеличилось за эти годы в 1,5 раза. На Дальнем Востоке в 1990 году было зарегистрировано 32 го-

⁵ Посчитано по БД «Центральные библиотеки субъектов Российской Федерации»: Российская национальная библиотека (clrf.nlr.ru).

сударственных вуза, в 1996 году стало 33 государственных и 2 негосударственных, в 2008 году – 39 и 15 соответственно, то есть число вузов увеличилось в 1,7 раза. Это, несомненно, способствовало увеличению сети вузовских библиотек. В то же время с 2006 года мы наблюдаем объединение вузов в целях создания федеральных университетов – в регионе, который мы характеризуем, Сибирского (СФУ, Красноярск) и Дальневосточного (ДВФУ, Владивосток), что способствовало слиянию библиотек.

Во втором десятилетии XXI века в стране наблюдается новая тенденция – происходит закрытие негосударственных, «неэффективных» вузов, ряда представительств и филиалов учебных заведений. По России в целом с 2008 по 2014 год общее число вузов сократилось на 158 единиц; в том числе государственных – на 110 [9], в основном – за счет присоединения слабых вузов к более сильным. В сибирско-дальневосточном регионе наблюдалось то же самое. Соответственно с сокращением высших учебных заведений уменьшается количество вузовских библиотек. Согласно Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы, количество вузов будет сокращено еще на 40 % (rufabula.com/news/2015/03/28/study-in-russia), что приведет к уменьшению сети библиотек учебных заведений.

Академические библиотеки

Развитие общества напрямую зависит от состояния и эволюции научной среды, ее организационных структур. В научной коммуникации ведущую роль играют академические библиотеки, выполняя функции информационных центров, значительно расширяя поле информационной деятельности и информационной обеспеченности науки. В 1992–2010-е годы сеть академических библиотек продолжала увеличиваться, и к 2013 году совокупное число библиотек Сибирского и Дальневосточного отделений Российской академии наук (РАН) составляло 80 (70 – библиотеки Сибирского отделения РАН (СО РАН), 10 – Дальневосточного отделения РАН (ДВО РАН)).

В 2013 году в России активно началось реформирование российской науки – были приняты Федеральный закон «О Российской Академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (27 сентября 2013 год) и Указ Президента «О Федеральном агентстве научных организаций» (ФАНО), в результате чего был утвержден перечень организаций, подведомственных ФАНО России [10–12] – теперь в ФАНО входят учреждения, ранее подведомственные Российской академии наук, Российской академии сельскохозяйственных и Российской

академии медицинских наук. Сейчас активно ведется реструктуризация учреждений науки, в основном на принципах объединения (например, fano.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=36959, www.poisknews.ru/theme/science-politic/17977/, tass.ru/nauka/3240485). Очевидно, что впоследствии будет проведена и реорганизация академической библиотечной сети. В настоящее время уже идет процесс присоединения Сибирской научной сельскохозяйственной библиотеки, ранее входившей в состав Россельхозакадемии, к ГПНТБ СО РАН.

Введенная система подчинения научно-исследовательских институтов Федеральному агентству научных организаций трансформировало алгоритм их финансирования, что негативно отразилось на работе академических библиотек. В частности, разрушены технологии централизованного комплектования библиотечных фондов, централизованной подписки на сетевые отечественные и иностранные научные журналы в рамках функционирующих централизованных библиотечных систем Сибирского и Дальневосточного отделений Российской академии наук, что отрицательно повлияло на информационное обеспечение науки [13].

Таким образом, в 1992–2015 годы в сибирско-дальневосточном регионе сети библиотек развивались, но по-разному: относительно стабильно – вузовских и академических библиотек; число общедоступных публичных библиотек сокращалось. Это соответствовало общероссийским тенденциям. В то же время закономерная эволюция цивилизации, обусловленная активным внедрением информационно-коммуникационных технологий, стимулирует развитие сетевого информационного общества, чертами которого являются: генерирование библиотечными учреждениями собственных электронных ресурсов и использование ресурсов, создаваемых организациями мирового информационного сообщества. В 2000-е годы решаются вопросы управления накопленными ресурсами и организации доступа к контенту в целях информационного обеспечения населения. Особую значимость стало приобретать создание и взаимное использование совокупного гибридного фонда документальных ресурсов, репозиторий, полнотекстовых баз данных; единого распределенного справочно-поискового аппарата на библиотечно-информационные ресурсы и т. д. [14]. Процессы информатизации расширяют технологические возможности библиотек в сфере производства и предоставления услуг, но в то же время возникают противоречия в системе отношений «библиотека – читатель», что требует поиска новых ролей библиотек, диверсификации их деятельности. Важным при этом становится взаимодействие библиотек с учреждениями сферы экономики для разработки методов оценки эффективности библиотек.

В то же время при локальном развитии удаленных территорий региона, их трудном экономическом и социальном положении, слабой связанности пространства, негативно влияющими на уровень материально-технической базы библиотек и их интегрированность в инфокоммуникационные сети и системы, актуальной остается работа библиотек в рамках действующих традиционных библиотечных сетей. При этом низовые библиотеки должны быть включены в библиотечную систему более высокого уровня посредством взаимодействия с центральными библиотеками административно-территориальных образований (на каждом уровне), поскольку именно они являются институциональной структурой, способствующей включению населения в систему обновляющихся социальных практик.

Список использованных источников

1. *О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность : Постановление ВС РФ от 27.12.1991, № 3020-1 (ред. от 24.12.1993) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_208/ (дата обращения: 04.07.2016).*
2. Гранберг, А. Г. *Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – М., 2003. – 495 с.*
3. Минакир, П. А. *Системные трансформации в экономике / П. А. Минакир. – Владивосток, 2001. – 534 с.*
4. *Рейтинг российских регионов РФ по качеству жизни – 2015 [Электронный ресурс] // Риарейтинг. Россия сегодня. – URL: riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.html (дата обращения: 10.03.2016).*
5. Волженина, С. Ю. *Библиотечная отрасль в социально-экономической системе региона: методология и методика оценки эффективности / С. Ю. Волженина, С. С. Гузнер, Л. А. Кожевникова. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2015. – 200 с.*
6. *Основы государственной культурной политики : утв. Указом Президента РФ / отв. за вып. В. В. Аристархов, Е. А. Анисимова. – М. : М-во культуры Рос. Федерации, 2015. – 70 с. – Сведения доступны также по Интернету: mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf (дата обращения: 06.07.2016).*

7. Кожевникова, Л. А. Методика региональных библиотечных исследований: социально-экономический и культурологический подходы / Л. А. Кожевникова. – Новосибирск, 2007. – 167 с.

8. Аврамова, М. Б. Общедоступные государственные и муниципальные библиотеки Российской Федерации: мониторинг сети. 2012–2015 гг. [Электронный ресурс] // Рос. нац. б-ка: офиц. сайт. – URL: clrf.nlr.ru/analitika/10255-obshchedostupnye-gosudarstvennye-i-munitsipalnye-biblioteki-rossijskoj-federatsii-monitoring-seti-2012-2015-gg; clrf.nlr.ru/images/-SiteDocum/Analitica/Monitoring_seti/4.pdf; clrf.nlr.ru/images/SiteDocum/Analitica/Monitoring_seti/8.pdf (дата обращения: 03.07.2016).

9. Образовательные организации высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: www.gks.ru/free_doc/-new_site/population/obraz/vp-obr1.htm (дата обращения: 12.06.2015).

10. О Российской Академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.09.2013, № 253-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_152351/ (дата обращения: 09.07.2016).

11. О Федеральном агентстве научных организаций» (ФАНО) : Указ Президента № 735 от 27.09.2013 [Электронный ресурс] // ФАНО России. – URL: fano.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=65830 (дата обращения: 09.07.2016).

12. Об утверждении перечня организаций, подведомственных ФАНО России : распоряжение Правительства РФ от 30 дек. 2013 г., № 2591-р // Рос. газета. – 2014. – 9 янв. – Сведения доступны также по Интернету: rg.ru/2014/01/09/fano-site-dok.html (дата обращения: 09.07.2016).

13. Артемьева, Е. Б. Академические библиотеки Сибирско-Дальневосточного региона в контексте развития науки: прошлое и настоящее / Е. Б. Артемьева, Н. И. Подкорытова // Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 28–34.

14. Традиционная библиотека в электронной среде: новые направления деятельности / ред.: Б. С. Елепов, О. Л. Лаврик ; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск, 2014. – 324 с.

**«Свое-чужое»: региональная идентичность Югры
(по материалам социологических исследований)**

*Верховский Илья Аркадьевич,
директор научно-образовательного центра «Югра-социум»
Югорского государственного университета,
Ханты-Мансийск*

Цивилизационный подход к региональной идентичности: «цивилизация» – «страна» – «регион».

Современная мировоззренческая ситуация тотального кризиса рациональных смысловых оснований адекватной политической самоидентификации целых цивилизаций, народов и государств, будь то политический кризис и хаотизация массового сознания на Украине и в Восточной Европе либо перманентный ближневосточный геополитический кризис, требует осмысления самого феномена идентичности, как на макро- (цивилизация, государство), так и на микро- (регион, региональная цивилизация, муниципалитет) социокультурном уровнях.

«Региональная идентичность – это объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве» [1, с. 216]. Иными словами, это соотнесенность собственной жизни, судьбы с жизнью, судьбой, пространством и временем своей земли, смысловая укорененность в своей территории, своей «малой родине», своем месте проживания.

Отдельно акцентируем методологическую значимость цивилизационного подхода к анализу мировоззренческого пространства югорской региональной цивилизации.

В европейской научной картине мира XIX века были приняты в качестве фундаментальных аксиом о необратимости времени, текущего из прошлого в будущее, соответственно, – линейном прогрессе (европейского по умолчанию) общества, которое становится все более совершенным (версия секуляризированного христианского миллениаризма, которая породила и большевистскую утопию), и главенстве англосаксонской-европейской цивилизации, которая единственная является развитой, тогда как остальные, незападные цивилизации, являются по определению неразвитыми и вынуждены самой логикой исторического процесса «догонять Запад».

Такие воззрения считались незыблемыми и достаточно убедительно преподносились до культурной аудитории и Запада и впоследствии незападными странами ведущими литераторами того времени. Назовем лишь наиболее значимые примеры. Это Редьярд Киплинг и его программный

гимн – стихотворение «Бремя Белых», Джек Лондон и судьбоносное для него противопоставление Сынов Волка (белых европейцев) и Сынов Ворона (индейцев Аляски) в рассказе «Сын волка», Марк Твен – с его образом бродяги и преступника индейца Джо в «Приключениях Тома Сойера» и в целом пронегритянскими, но антииндейскими настроениями автора, Фенимор Купер, у которого даже положительные героини-индейцы, делавары и могикане, именуются не иначе как дикарями.

Между тем достойным мировоззренческим ответом такому англосаксонско-западному культурному расизму в сфере философии истории была теория «локальных цивилизаций». В разных инвариантах сформулированная А. Тойнби, Н. Данилевским, О. Шпенглером, она провозглашает принцип «соцветия», «радуги», «единства непохожих». Общечеловеческая цивилизация состоит из многих локальных, непохожих друг на друга цивилизационных общностей, каждая из которых отлична от другой и имеет собственные культурные основания, собственные ценности, свой образ мира; и западная, европейская цивилизация в этом соцветии – лишь одни из многих.

Далее – сменим оптику рассмотрения, проделаем операцию деления цивилизационных систем на подсистемы – выйдем на существование православно-славянской цивилизации. Ее же подсистемой будет цивилизация российская, которая, в свою очередь, также делится на микроцивилизационные зоны – дальневосточную, забайкальскую, северо-европейскую, кавказскую и т. д. Ряд ученых выделяют уральскую горнозаводскую локальную или региональную цивилизацию. Мы же спустимся еще на один уровень, и предметом нашего рассмотрения будет югорская региональная цивилизация.

Итак, мы рассмотрим региональную идентичность югорской цивилизационной общности как синтез следующих составляющих:

- медиации – снятия оппозиций «свое-чужое»;
- синтеза архаики и современности;
- символических образов Югры;
- людей-легенд югорской мифологии XX века;
- самонаименования югорской региональной цивилизации.

Югра как региональная цивилизация: «свое» и «чужое»

Значимыми элементами мирорефлексии современного человека являются архетипические мифологемы, т. е. некие архаические устойчивые представления, существующие в глубинных пластах человеческого сознания. К их числу относится и фундаментальная по своему характеру модель видения мира, построенная на основе мифологической дихото-

мии «свой – чужой». Эта мифологема восходит к бинарным оппозициям, зафиксированным К. Леви-Строссом, и до сего дня является экзистенциальным обоснованием с одной стороны – этнокультурной идентификации с другой – всех форм восприятия иноэтничности и инокультурности.

Таким образом, бинарная оппозиция «свой-чужой» является архетипической мифологемой и обосновывает дуалистическую, «черно-белую» модель видения мира, существующую в массовом сознании и ныне. Так, до сего дня, например, в политической рекламе в аспекте выстраивания негативного образа кандидата-противника наибольшую враждебность у населения будет провоцировать образ «чужого», по модели: «чужой – не такой, как мы, – противоположный нам – «враг»; кроме того, ставшие столь актуальными для современной России вопросы миграции и межэтнических отношений также построены на восприятии инокультурности и иноэтничности сквозь призму мифологемы «свой-чужой». Это опыт изучения «черно-белой» мифологии современности; впрочем, мифология никогда не уходила из массового сознания человека полностью.

Известный историк религий Мирча Элиаде в ходе своих научных изысканий констатировал, что современный человек во многом сохраняет восприятие мира с позиций архаического религиозно-мифологического опыта, но «загоняет» это восприятие на периферию сознания. «Какой бы ни была степень десакрализации Мира, человек, избравший мирской образ жизни, не способен полностью отделаться от религиозного поведения... самое, что ни на есть мирское существование сохраняет в себе следы религиозных оценок Мира» [2, с. 23]. Основные категории, введенные Элиаде для характеристики сознания «человека-живущего-в-мифе», – иерофания – проявление священного, онтофания – проявление бытия, идея постоянного обращения к *in illo tempore* – Началу Времени и к «своей» территории – как к *axis mundi* – Центру Мира, фундаментальная модель оппозиций: «сакральное/профаническое», в принципе, не менее значимы для человека современного, но они в его сознании обычно не актуализированы и «читаются» лишь частично – в предрассудках, предрассудках, суевериях, праздниках, социальных ритуалах и т. д.

Вместе с тем, экзистенциал осмысления своей территории как «Центра мира» скорее вне времени: «Характерной чертой представлений о Центре мироздания оказывается непрменная их интерпретация в соответствии с «Мы-сознанием». Это проявляется в синонимичности понятий «Дом» и «Вселенная». Ойкумена («ойкос» – дом) всегда «Мой мир». Моя (наша) территория изоморфна Вселенной, звездному небу, земля – это отпечаток неба, ведь первоначально они были слиты. Дом, поселение, город выступали уменьшенной моделью мироздания, внутри

которой живые люди, т. е. *Мы*, а вне ее – *мертвые* и *иные* – *другие* – *чужие люди – нелюди...*» [3, с. 60].

Для югорской региональной цивилизации в той или иной степени такими «чужими» на разных этапах истории были:

- русские: от новгородцев и соратников Ермака до старожильческого населения;
- политические ссыльные первой половины XX века;
- нефтяники и приехавшие в Югру в 60–70-х годах специалисты;
- мигранты постсоветского времени: от приглашенных специалистов до «гастарбайтеров»;
- сама «Большая земля», которая в сознании противопоставлялась «малой земле», собственно Югре, Ханты-Мансийску, куда «только самолетом можно долететь».

Самое интересное, что Югра как синкретическая, многокомпонентная региональная цивилизация – медиатор постепенно сняла со всех вышеперечисленных категорий ярлык «чужое» и медленно, но полноформатно «освоила» их.

Таким образом, Югра – это регион-медиатор, снимающий противоречия между Севером и Югом, Западом и Востоком. Абсолютное тяготение к вестернизации в Югре концептуально невозможно; вместе с тем югорчане не становятся и не станут и азиатами цивилизации условно китайского типа. В итоге – в Югре можно констатировать гармоничное сосуществование коренного населения и пришлого, нефти и души, архаики и современности. Рассмотрим эту тему подробнее.

Югра: архаика в модерне

Современная Югра глубинно синкретична. Несмотря на нефтяное освоение территории и высокий уровень жизни населения, комфортность проживания в югорских городах и поселках, архаика, как наследие таежно-речной цивилизации обских угров, никуда не ушла. Она прорастает сквозь модерн и постмодерн.

Несмотря на то, что современная городская жизнь со всеми ее достижениями научного прогресса далека от мира чумов, леса и тундры, есть один фундаментальный момент, объединяющий древность и современность, которого мы в обыденной жизни не замечаем.

Взглянем на карту Соединенных Штатов Америки и Канады. Вчитаемся в названия штатов и городов. Оттава, Виннипег, Южная и Северная Дакота, Омаха, Виннебаго, Айова, Юта, Делавэр. С позиций государственного английского языка – звучит какой-то несусветной абракадаброй. И это действительно так. Потому что это либо названия ин-

дейских племен, либо слова из индейских языков. Самих индейцев в Америке ныне очень небольшое количество. Но странными гортанными индейскими словами названо множество городов и штатов. И большинство населения Америки вряд ли об этом задумывается.

Теперь посмотрим на карту Югры. Сколько городов и районов имеют русские названия? Считаем – Октябрьский, Советский (наследие советских времен), Белоярский, Березовский районы. Город Радужный. Все, пять русских названий из двадцати двух наименований муниципалитетов Югры.

Все остальные названия оставили нам в память и наследство обские угры. И мы тоже почти не замечаем этого. За одним исключением – наверное, каждому югорчанину приходилось слышать, как человек, приехавший в Югру впервые, сбивается в ударениях, называя югорские города. Покáчи, Нягáнь. Вот тогда жители автономного округа ощущают этот зазор между ощущением пространства своими и «чужими/гостями».

Хотя со своей точки зрения «гости», «приехавшие извне», абсолютно правы. После вполне близких и понятных любому говорящему по-русски названий городов Ярославль, Торжок, Новгород, Владимир, Волгоград, название Пыть-Ях или, скажем, Саранпауль действительно будет звучать диковинно и странно.

Таким образом, мы живем в пространстве автохтонного языка, наименования городов и районов Югры несут его в себе. Пусть далеко не все югорчане знают смысл, значение, перевод топонимов Югры. Тем не менее, это пространство смысла обско-угорского, хантыйского и мансийского мира.

Еще значимый момент югорского всеобщего, присвоенного «своего/чужого» на этот раз кулинарный – чем мы, югорчане, угощаем гостей, приехавших к нам издалека? Безусловно, рыбой – уникальной, благородной, деликатесной, название которой также звучат странно для слуха гостей. Потому, что «муксун» – это слово, заимствованное из хантыйского («мох санх» – «яры огибающая рыба»). А строганина – «патамка»? Это хантыйское «пóтом хул» – дословно «мороза рыба».

Хантыйские и мансийские слова окружают нас. Мы живем в пространстве обско-угорского языка, даже не зная его.

Кроме того, стоит отдельно отметить, что Югра – это классическое пространство смешения времен и эпох. Здесь город и лес, культура и природа, прошлое и будущее сосуществуют рядом. От центральной площади Ханты-Мансийска лес в трех-пяти минутах ходьбы. Это Самаровский чугас, на котором некогда, еще в до-русский период, распола-

галось хантыйское святилище. Наш знаменитый земляк, историк и краевед Хрисанф Лопарев писал в своей книге «Самарово. Село Тобольской губернии и округа», что даже в конце XIX века ханты, приезжая в Самарово, чувствуя сакральность этого места, приносили в жертв петуха: «...было что-то священное для остяцкого чувства и в самом селе Самарове. Еще на нашей памяти, приезжавшие в село остяки покупали себе непременно петуха и при возвращении домой закалывали его на Иртыше против городища: приносили ли они жертву речному богу или справляли печальную тризну ввиду своей прежней столицы...». (Х. Лопарев. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Санкт-Петербург. 1896. С. 5).

Современные ханты-мансийцы уже ничего не знают и не помнят уже об этом святилище. Какие-то отголоски проникли в городскую мифологию «о городе на семи холмах, городе сакральном, священном», но это осталось только в названии гостиницы на Биатлонном центре. Тем не менее, столица Югры на месте святилища – это живой город, на живой земле, с живыми традициями. И в центре Ханты-Мансийска эта архаика, лесное царство, находится в трех минутах ходьбы от центра города. Архаика в модерне и наоборот.

Символические образы Югры

И в символических образах Югры, называемых респондентами в ходе социологических опросов, мы видим тот же процесс – современные югорчане подсознательно тяготеют к архаике. На одной из фокус-групп, посвященной образу города Ханты-Мансийска, проведенной автором этих строк в середине 2016-го года, список визуальных символов города выглядел так:

Символы города (ранжировано):

- *мамонты*, «Археопарк» – 6 упоминаний;
- *мост «Красный дракон»* – 6 упоминаний;
- *стела на Самаровской горе* – 5 упоминаний;
- *слияние Иртыша и Оби* – 2 упоминания.

Итак, на первом месте оказался как уникальный туристический объект «Археопарк «Мамонты», так и собственно Мамонт – существо архетипичное, соединяющее в своем образе глубокую архаику, северную первобытность и вполне современную мощь и силу. Кроме того, по одной из этимологий, русское слово «мамонт» предположительно происходит от мансийского «манг онт» – «земляной рог» – и лишь впоследствии попало в европейские языки.

Вторым визуальным символом столицы Югры стал мост через Иртыш «Красный дракон» (интересно, что респонденты Сургута называли в качестве символа своего города мост через Обь). Таким образом, символ моста через реки, моста, соединяющего людей и территории – один из значимых символов Югры.

Еще два символа – географические: стела на Самаровской горе и слияние Иртыша и Оби.

Количественные исследования дают нам несколько другие символы, но также чрезвычайно интересные. Так, по итогам опроса 500 респондентов в мае текущего года на тему «Образ Югры», мы видим следующее.

В качестве объектов – символов Ханты-Мансийского автономного округа почти каждый пятый опрошенный (17,9 %) предложил символом округа считать «Нефть». Далее следует известный в Югре «Алеша – памятник покорителям Самотлора», территориально находящийся в г. Нижневартовске. Этот вариант был предложен каждым десятым опрошенным (10,7 %). Третье место с минимальным расхождением делят взятые в качестве символов Югры варианты «Медведь» (5,4 %) и «Мост через Иртыш «Красный дракон» в Ханты-Мансийске (4,8 %).

Итак, в одном списке, рядом названы – нефть, «земное тепло мансийских легенд», «кровь земли» и основа нынешнего благосостояния Югры – Алеша-покоритель Самотлора, а также «Медведь» и вновь мост «Красный дракон».

Стихия, человек, лесной зверь и мост. Вновь архаика, проглядывающая сквозь модерн индустриальной Югры XXI века.

«Боги, герои, люди» югорской мифологии XX века

Когда автор этих строк проводил опрос по поводу героев мифов, людей-легенд Югры, то первая тройка оказалась очень показательна:

Итак, среди людей, которых респонденты считают героями, легендарными личностями, на первом месте – первый губернатор Югры Александр Васильевич Филипенко. Его фамилию написал каждый десятый опрошенный (9,1 %).

На второй позиции – легендарный первооткрыватель югорской нефти Фарман Курбанович Салманов (4,4 %). Интересный факт: Салманов по сути своей – культурный герой-трикстер. Он не был классическим передовиком производства и послушным исполнителем чужой воли. Он был гордым, своевольным и уверенным в своей правоте руководителем. И, будучи этническим азербайджанцем, именно он стал народным героем Югры (к вопросу о «своем» и «чужом») и Югре как ре-

гионе, снимающем противоречия между ними), и перед Музеем геологии, нефти и газа в Ханты-Мансийске памятник ему стоит более, чем заслуженно. Памятник не хрестоматийному «послушному отличнику в очках», а тому, который самовольничал, рисковал, но своего добился. Так Югра признала за Салмановым югорский характер.

Закрывает же первую тройку людей-героев Югры еще один легендарный нефтяник – глава нефтяной компании «Сургутнефтегаз» *Владимир Леонидович Богданов* (3,4 %).

Так или иначе, как было отмечено выше, в Югре проглядывает архаика. Но герои, люди-легенды Югры – люди современные, связанные с нефтью, с большим индустриальным прорывом – с этим последним в истории Советского Союза героическим трудовым подвигом. И здесь мы фиксируем, что на фундаментальных основаниях югорской древности легендарной становится уже нефтяная современность. Архаика и модерн снова рядом.

Философия имени территории: самонаименование югорской региональной цивилизации

Этнимон (название жителей определенной местности, соотношенное с ее топонимом) населения Ханты-Мансийского автономного округа на сегодняшний день сформирован и устойчив как в повседневном словоупотреблении, так и в массовом сознании жителей Югры. Этнимон этот – «югорчане».

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 июля 2003 года № 841 Ханты-Мансийский автономный округ переименован в Ханты-Мансийский автономный округ – Югру.

Соответственно, назрела необходимость выработки общего наименования жителей региона. «Ханты-Мансийцы»? Но это жители только окружной столицы. «Югорцы»? Но это жители города Югорска. И тогда возникает вариант – югорчане. Руководители региона постоянно используют именно этот этнимон в своих официальных обращениях, посланиях и других документах. Но для нас как для исследователей важнее то, что самоназвание «югорчане» закрепилось в обыденной речи и в бытовом мышлении жителей Югры.

Тем самым люди подчеркивают свою сопричастность многовековой истории югорской региональной цивилизации: и хантов, манси, селькупов, лесных ненцев, и потомков сибирских татар, и старожилов русского населения, и политических ссыльных. И тех, кто приехал в Югру в XX–XXI веках.

Югорчане сегодня – это все люди, которые проживают в Югре и несут в себе, в своем сознании некий югорский образ мира, югорский менталитет, для которого как раз характерно снятие архетипической оппозиции «свое/чужое» не за счет враждебности к «чужому», а за счет любви к «своему» и освоения «чужого».

В итоге, учитывая вышеописанный синкретический, архаико-модернистский характер социокультуры и архитектоники массового сознания югорчан, можно констатировать, что Югра является своего рода регионом-«медиатором», снимающим тотальную онтологическую противоположность «своего» и «чужого», Запада и Востока, Севера и Юга в геополитической оптике, Космоса и Хаоса, архаики и модерна, культуры и цивилизации.

Список использованной литературы

1. Еремина, Е. В. *Региональная идентичность в контексте социологического анализа* / Е. В. Еремина // *Регионоведение*. – 2011. – № 3. – С. 216–222.

2. Элиаде, М. *Священное и мирское*. – М. : Прогресс, 1987. – 143 с.

3. Гагарин, А. С. *Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх (от античности до Нового времени) : ист.-филос. аспект : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / А. С. Гагарин ; Урал. отд-ние РАН, Ин-т филос. и права*. – Екатеринбург : Изд-во УРАГС, 2002. – 46 с.

4. Лопарев, Х. М. *Самарово: село Тобольской губернии и округа : хроника, воспоминания и материалы о его прошлом / Х. М. Лопарев*. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1896. – 246 л. : карты, планы.

Программа развития общедоступных библиотек Сургута: итоги и непосредственное будущее

*Юркевич Яна Борисовна,
заместитель директора по библиотечной деятельности
Централизованной библиотечной системы, Сургут*

С 2008 по 2015 год Централизованная библиотечная система г. Сургута работала в соответствии с «Концепцией стратегических направлений». Разработка и реализация осуществлялась гибким способом, что выразилось в частичном совпадении этапов.

Развитие городских библиотек с учетом влияния на выявленные проблемы было связано с улучшением качества менеджмента в целом, а также отдельных его составляющих – кадрового и финансового менеджмента. Основная деятельность была обозначена тремя основными направлениями: традиционная библиотека, виртуальная библиотека и библиотека как культурная среда. По каждому из направлений были определены задачи, описаны подходы к их решению.

В целом достигнуты положительные количественные и качественные результаты работы, некоторые из них представлены в таблице 1. Все библиотеки Централизованной библиотечной системы компьютеризированы и имеют доступ к Интернету. С 2012 года весь фонд отражен в электронном каталоге.

Таблица 1

Показатели реализации Концепции стратегических направлений
в 2008–2015 годах

Показатели	2008 год	2015 год
Количество пользователей до 14 лет	13 315	24 366
Количество посещений библиотек	393 896	555 018
Количество обращений к сайту ЦБС	4 380	185 249
Объем фонда, экз.	423 300	568 564
Объем новых поступлений в год, экз.	29 352	36 365
Удовлетворенность потребителей качеством услуг, балл	7,96	9,62

Основными факторами или условиями решения задач по всем направлениям являлись: стабильное пополнение библиотечных фондов, расширение знаний и развитие компетенций сотрудников, партнерство.

Ежегодный прирост фонда составил около 3 % ежегодно, пополнение новыми поступлениями – около 7 % ежегодно с превышением установленного окружным законом норматива в 3 % [1].

Относительные показатели по обращаемости фонда и читаемости за период 2011–2015 годов находятся в пределах существующих нормативов. Показатель книгообеспеченности в расчете на одного жителя города остается на низком по сравнению с другими территориями уровне (1,6), но в пределах международного норматива книгообеспеченности (1,5–2,5 экз.). Несмотря на то, что численность жителей Сургута

растет ежегодно, нам удастся поддерживать стабильный уровень работы по формированию фонда.

По данным проведенного в 2011 году исследования об оценке вклада библиотек в социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, стоимость приобретаемых библиотеками изданий в 1,3–1,5 раза ниже, чем предлагается на местном рынке [2, с. 16]. К тому же книжный рынок в округе мало разнообразен. С учетом бесплатности предоставления пользователям основных услуг библиотеки оказывают положительное воздействие не только на общественное благосостояние, но и способствуют личному экономическому выигрышу жителей города. На примере одного года можно просчитать прямую выгоду жителя города, который воспользовался новыми поступлениями в библиотеку. Читаемость в 2015 году составила 17,5 экз., средняя стоимость приобретенного издания – 309,78 руб. Таким образом, годовой экономический эффект мог составить для отдельного пользователя как минимум 5,4 тыс. руб.

Разработанная в ЦБС «Программа профессионального развития персонала» ежегодно актуализируется, реализуется по трем направлениям:

- участие специалистов ЦБС в обучающих мероприятиях во внешних учреждениях, в том числе направления в командировки;
- получение профессионального образования, профессиональной переподготовки в государственных образовательных учреждениях;
- внутрикорпоративное образование.

Тематика разных форм повышения квалификации сотрудников отражает потребности и намерения в формировании компетенций, связанных не только с основной деятельностью, но и имеющих надпрофессиональный характер: управление, внутренние и внешние коммуникации, командная и проектная работа, преодоление конфликтов, публичные выступления.

Последние несколько лет отмечены несколькими новыми проектами, в которых взаимодействие с партнерами из разных сфер деятельности стало ключевым. В рамках «Большого чтения на 60-й параллели» и «Стойбищных чтений» нам удалось широко привлечь внимание людей к вопросам нравственных, семейных ценностей, теме «героев нашего времени» – есть ли они и какие, – теме культурных традиций коренных народов Югры. В партнерстве с образовательными организациями в библиотеках организована внеучебная деятельность школьников. Ярким событием накануне новогодних и рождественских праздников на протяжении последних трех лет стал творческий конкурс для детей

«Рождество на 60-й параллели», проводимый при поддержке градообразующих предприятий города.

В структуре программы развития на период 2016–2020 годов сохранены три направления основной деятельности, связанные с традиционными функциями библиотеки, функциями библиотеки в виртуальном и социокультурном пространстве (Приложение 1). На наш взгляд, эти три направления в полной мере отражают сферу основной деятельности современной общедоступной библиотеки. Год разработки – это одновременно и начало реализации программы.

Программа развития начинается с процесса выбора приоритетов с учетом достигнутого уровня, а также концепций и тенденций развития как профессиональной сферы, так и общества в целом.

Источником данных для прогнозирования и планирования служит в том числе понимание характеристик современного общества.

В соответствии с философской теорией периодизации будущего оно подразделяется на непосредственное, обозримое и отдаленное будущее [3, с. 590–591].

Обозримое будущее охватывает собой большую часть нового столетия. Отдаленное будущее – это то, что находится за пределами XXI века. Границы непосредственного будущего простираются в пределах 20–30 лет.

«Знания о будущем по мере удаления от настоящего становятся все менее конкретными и точными, все более общими и предположительными, как и знания о далеком прошлом человечества» [3, с. 590].

Мы работаем с непосредственным будущим, а оно во многом определяется тем, что уже существует в реальности, проявляется в момент, когда мы размышляем об изменениях, улучшениях. Например, о том, какими знаниями и умениями должен обладать библиотекарь уже сейчас, или о том, какое положительное воздействие могут оказать библиотеки на вызовы времени, не заменяя собой другие общественные институты, но взаимодействуя с ними и используя лучшие библиотечные практики и средства.

Современное общество в целом характеризуется быстрым технологическим развитием, возрастанием роли и ценности интеллектуального труда, изменением характера и мотивов деятельности человека, многообразием культур и самовыражения человека.

Стратегическим ресурсом признается информация. О задачах библиотек в эпоху информационного общества много говорится в нашем профессиональном сообществе. Развернутые прогнозы и рекомендации неизменно представляет в своих ежегодных докладах на Крымских

конференциях генеральный директор ГПНТБ России Я. С. Шрайберг. Некоторые из них:

– «мобильный доступ в Интернет и формирование мобильных ресурсов – едва ли не самое главное направление в деятельности библиотек в ближайшем будущем наряду с генерацией и использованием электронного (цифрового) контента» [4];

– сокращение числа посещений библиотек в целях пользования библиотечными ресурсами как следствие экспансии цифровой информации;

– необходимость соблюдения принципа разумной достаточности, связанного с переизбытком хранения информации. «Что хранить и как хранить библиотекам в условиях дефицита памяти, что хранить в онлайн-архивах, что – в локальной сети, а что – на DVD-ROM, CD-ROM, ленточных накопителях и т. д.» [4]. Суть рекомендаций заключается в формировании политики по отношению к информации, к проведению организационных и технических мероприятий: определению сроков хранения информационных массивов (постоянно, временно и что вообще не хранить); глобальной вначале и регулярной впоследствии чистке хранилищ (сеть, электронная почта и др.); избавлению от «информационного шума» на этапе получения информации. Это позволит достигнуть большей достоверности, актуальности, информационной безопасности (в т. ч. предотвратить использование, искажение и изменение данных), скорости получения информации. Иначе нас ожидают информационные перегрузки и информационные взрывы как их результат [5].

«Общество потребления» при всех его негативных моментах, направленности на материальные ценности мотивирует библиотеки быть активными в поиске, внедрении, обновлении и улучшении предложений для пользователей. Здесь у библиотек есть возможности с одной стороны, а с другой стороны – потребности общества в целом и отдельных заинтересованных групп.

В ходе изучения документов, результатов исследовательской деятельности, социальных прогнозов, имеющих отношение к сфере культуры, смежным областям, становятся понятными запросы общества, в удовлетворении которых библиотеки могут принимать участие, в т. ч.:

- развитие системы непрерывного образования;
- повышение уровня грамотности в разных сферах жизни: экономической, правовой, медиа-, компьютерной, продовольственной, экологической и др.;
- укрепление гражданской идентичности и патриотизма;

- сохранение культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации;
- предотвращение отрицательных последствий и нежелательных результатов научно-технического прогресса;
- безопасность в разных сферах жизни;
- воздействие на экологические и социальные проблемы, снижение их остроты;
- всестороннее развитие личности, творческих способностей и активности людей;
- приобщение детей и взрослых к творчеству и культурному развитию, любительскому искусству, ремеслам;
- формирование и/или укрепление таких ценностей, как гуманность, ненасильственный мир;
- протекционизм в области культуры по отношению к наименее экономически и социально защищенным слоям и группам населения.

Основные способы удовлетворения общественных запросов в библиотеке: формирование ресурсов и грамотное адресное и активное продвижение их до конкретных пользователей; библиотечное просветительство (проекты, программы, мероприятия, акции); неформальные, мягкие способы обучения в целях содействия в разовой и непрерывной адаптации к изменениям в жизни отдельных людей и групп, повышению человеческого потенциала. Содержание и представление услуг и продуктов должно быть качественным и, следовательно, удовлетворять ожиданиям потребителей.

Новые направления и приоритеты обязательно возникают и в деятельности библиотек Сургута, хотя степень погружения в решение разных задач не может быть одинаковой. В рамках новой программы развития мы разработали и начинаем реализацию программы по социокультурной адаптации детей-мигрантов «Сургут. Югра. Россия» в рамках ресурсного центра по организации внеурочной деятельности учащихся образовательных организаций. Это актуальный вопрос для города с активным миграционным процессами. С учетом естественно-демографического роста населения дети объективно являются приоритетной категорией пользователей. В условиях дефицита детских библиотек библиотеки для взрослых открыли свои двери пользователям младше 15 лет, комплектуя и обновляя часть фонда детской литературы. В 2017 году планируется модернизация детской зоны обслуживания в Центральной городской библиотеке им. А. С. Пушкина.

В развитие темы сохранения культурных ценностей народов Югры с сентября 2016 года в Центральной городской библиотеке им. А. С. Пуш-

кина начали работать курсы по изучению языков коренных народов Югры ханты и манси при поддержке фонда М. Прохорова в рамках конкурса «Новая роль библиотек в образовании». В числе приоритетов – изучение и популяризация лучших произведений современной национальной художественной литературы народов России и стран СНГ, живущих в Сургуте (Югре).

Каково главное условие успешности и результативности этих и других действий? На наш взгляд, это готовность персонала к нововведениям и быстрому реагированию на изменяющиеся запросы внешней среды.

«Общество знаний» диктует библиотекарям требования непрерывного пополнения и обновления знаний. Чтобы претендовать на роль информационных навигаторов, помощников (а такое восприятие библиотекаря не только существует, но и востребовано) недостаточно обладать только базовым профильным образованием и не предпринимать усилий к развитию компетенций. В «обществе знаний» важно учиться постоянно, разучиваться и переучиваться, если нужно, а новые информационные технологии должны способствовать постоянному обновлению личных и профессиональных компетенций.

В 2015 году группа авторов при поддержке бизнес-школы «Сколково», АНО «Агентство стратегических инициатив» разработала «Атлас новых профессий» с учетом возможных изменений на рынке труда в ближайшие десятилетия [6]. Авторы утверждают: «Это не попытка придумать будущее, а глубокий анализ трендов основных отраслей и компаний, желание понять, как меняется мир и каких молодых специалистов он потребует». Справедливости ради заметим, что в числе разработчиков, участников форсайт-сессий (а это нескольких тысяч специалистов) исследователей и представителей ведущих компаний из разных отраслей, не оказалось представителей сферы культуры.

«Библиотекарь» включен в группу профессий, которые в существующем формате устареют в период до 2020 года (в этой же группе другие интеллектуальные профессии: бухгалтер, турагент, сметчик, корректор и др.). Авторы аргументируют свою позицию так: «Оцифровка всех библиотек и архивов с возможностью доступа к любой информации 24/7 из любой точки мира производит революцию в архивном и библиотечном деле. Библиотекари и архивариусы в их нынешнем виде исчезнут, но деятельность по управлению архивами перейдет в сетевые решения».

Авторы атласа предлагают свое видение новых профессий, в том числе в сфере культуры и искусства. Они достаточно понятны для по-

нимания, и здесь можно искать направления развития основной деятельности библиотек в целом и новые роли профессии библиотекаря. На наш взгляд актуальными и востребованными уже сейчас являются роли библиотекаря как интеллектуального лоцмана в мире книг, «личного тьютора по развитию», «куратора коллективного творчества» не на декларативном уровне, а в действительности.

Программа развития ЦБС Сургута до 2020 года строится с учетом понимания запросов общества и областей ресурсного развития учреждения:

- несоответствие имеющихся компетенций персонала требуемым у части персонала и/или отсутствие, недостаток знаний и практики по направлениям: маркетинговые технологии; методика организации и проведения культурно-просветительских мероприятий; методы и формы работы с отдельными целевыми группами потребителей (инвалиды, мигранты, молодежь); управленческие технологии; проектные технологии; создание мультимедийных продуктов высокой сложности;

- работа с кадровым резервом;

- малоэффективная система продвижения библиотечных ресурсов (подходы к презентации библиотек, рекламе услуг, подготовке печатных материалов, использованию возможностей для продвижения ресурсов и услуг);

- значительная доля консервативности в формах работы и услугах, подходах, мало инноваций и разнообразия;

- слабая мотивация персонала на непрерывность образования, совершенствования;

- недостаточная комфортность, адаптированность библиотечной среды для разных категорий пользователей;

- высокая формализованность отдельных процессов внутренних коммуникаций;

- низкая пропускная способность каналов связи для эффективного развития дистанционных технологий.

В планах работать над улучшениями в этих направлениях. В целом же стратегия сургутских библиотек носит характер концентрированного роста, направлена на качественные изменения в работе, формирование новых предложений для пользователей, и главная движущая сила в этом процессе – персонал, работа с которым нуждается в усилении, в отдельных случаях – в перестройке.

Список использованных источников

1. *О регулировании отдельных вопросов библиотечного дела и обязательного экземпляра документов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] : закон ХМАО – Югры от 28.10.2011, № 105-оз (ред. от 11.03.2015).* – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Оценка вклада общедоступных библиотек в социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : итоги исследования / Департамент культуры Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Гос. б-ка Югры ; авт.-сост. С. Ю. Волженина. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2012. – 48 с.*

3. *Введение в философию : учеб. пособие для вузов / И. Т. Фролов [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2003. – 623 с.*

3. Шрайберг, Я. Л. *Электронная информация, библиотеки и общество: что нам ждать от нового десятилетия информационного века? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2012/1/ntb_1_2_2012-шрайберг.pdf (дата обращения: 09.11.2016).*

4. Шрайберг, Я. Л. *Время перемен: глобальные информационные тренды и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2016/9/NTB9_2016_A5_1.pdf (дата обращения: 09.11.2016).*

5. *Атлас новых профессий [Электронный ресурс] : [сайт] [2015]. – URL: <http://atlas100.ru/> (дата обращения: 09.11.2016).*

**«Вначале было слово»: межкультурная коммуникация
в отечественном пространстве**

*Ершов Михаил Федорович,
заведующий научно-исследовательским отделом истории,
археологии и этнологии Обско-угорского института
прикладных исследований и разработок,
к. и. н., Ханты-Мансийск*

Как известно, под межкультурной коммуникацией понимаются связи и общение между представителями различных культур. Никакое общество без коммуникации существовать не может. Коммуникационные связи в различные эпохи и в разных сферах действуют неодинаково. При иерархических отношениях коммуникация реализуется в нескольких вертикальных плоскостях. Так, в управленческих структурах вышестоящие отправляют подчиненным приказы и ждут докладов об их ис-

полнении. Кроме того, в традиционной культуре мир по вертикали разделяется на несколько сфер, крайними из которых являются небо, с его святостью, и подземный мир, где концентрируется грех.

В горизонтальной плоскости формализованных отношений меньше, а разнообразия контактов много больше. Долгое время в нашей провинции господствовали нормы патриархального мира. Этот локальный мир отличался статичностью и тяготел к закрытости от внешнего окружения. Его изменения были однократные, разовые. Возникший прецедент не должен был тревожить «тишину и покой». Взамен старой нарушенной гармонии, он создавал иную, хотя и принципиально схожую с утраченной. По-настоящему качественные изменения были связаны с переходом от стабильного существования к социальной динамике.

Цель настоящей публикации заключается в предварительном анализе особенностей эволюции межкультурной коммуникации в пространстве отечественного провинциального социума XIX века. Первоначально слово и информация вообще, привнесенные сюда извне, из большого мира, были соединены с тайной. Предполагалось, что их носители обладали знаниями, недоступными для непосвященных. К числу носителей тайны относились священник (или знахарь), феодал, паломник. В былинные времена в глазах окружающих они обладали героическими, палаческими и жреческими свойствами. От этих акторов исходила неведомая сила и скрытая опасность. Однако к Новому времени их возможности измельчали, деградировали. Во многом носители тайн перестали выполнять свои прежние функции. В их арсенале, конечно, еще оставались некие неявные угрозы, но действие этих угроз нейтрализовалось или минимизировалось обычными пожертвованиями. Связано это было с товарно-денежными отношениями, обмирщением сознания и укреплением бюрократических институтов самодержавного государства. Итак, благодаря развитию единого национального рынка уменьшилась зависимость провинции от прежних посредников с большим миром.

Потребовались иные носители востребованной информации в сфере коммуникации. Рядом с привычным, укорененным на одном месте священником, близким к своему приходу, появились хваткие, легкие на подъем бродячие мелочные торговцы. Звали их по-разному: офени, коробейники, владимирцы, вязниковцы, ходебщики [4, с. 99]. Не будучи служителями культа, они, тем ни менее, оказывали культовые услуги, несли знания о культе, о запредельном мире, ведь изначально их основным товаром были иконы [1]. Со временем к иконам добавились лубочные картинки и книги, которые лучше продавались под завлекательные

рассказы о неведомых местностях. Обладали эти торговцы и тайнами. Они широко использовали профессиональный сленг для обмана покупателей, не знавших их «офенского» языка. Вязниковцы оседали на постоянное место жительства в тех районах, где с выгодой торговали. Они стремились пробиться в ряды купеческого сословия, перейти к стационарной торговле и промышленности.

Со временем их коммуникативные функции перешли к иным социальным институтам. Главным среди них была система образования. В провинции шаг за шагом исчезало прежнее недоверие к образованию. Уменьшались опасения родителей относительно детей: что они заучатся, зазнаются, перестанут почитать старших [3, с. 203–204]. Незрелость школьного образования восполнялась толстыми литературными журналами и самодеятельными учителями. В приватном пространстве выросла роль образованных небогатых наперсниц, приживалок, позднее – домашних учителей и репетиторов. Объективно, они также выступили медиаторами между провинцией и столицей. Большое значение имело самообразование. В провинциальном захолустье появился интерес к газетам и журналам, начали создаваться мемуары и вестись дневники, организовывались любительские театральные постановки.

Возникла своеобразная мода на краеведческие заметки в центральной прессе. При этом передача информации часто была двусторонней. Так, например, публикуя в столичном издании сведения о местной провинциальной действительности, автор тем самым включал в систему межкультурных коммуникаций Большой России себя и свое социальное окружение. Нечто подобное происходило с собиранием коллекций и созданием провинциальных музеев. В культурном плане комплектование, хранение и выставление на всеобщее обозрение каких-либо экспонатов предполагало, что они существуют вне местной обыденности. Музейные предметы в конечном итоге были характерны для иного времени и иного мира. Именно там они обладали потребительскими свойствами [2, с. 455]. Появление в провинциальном мире краеведов, коллекционеров и музеев свидетельствовало об утрате стабильности и росте дефицита на принципиально новую информацию. Ее требовалось все больше, и активный индивид теперь был ориентирован на самостоятельные поиски.

В прежние времена локальное пространство и локальный социум находились в непосредственном подчинении у той или иной корпорации феодалов. Местный феодал защищал подопечное ему население и изымал излишки для собственного содержания. Не принадлежа полностью к сакральному миру, феодал одновременно был лишен и чувства

обыденности. Он выступал в роли своеобразного информационного фильтра между большим миром и жителями, погрязшими в повседневности. Однако усиление централизации привело к падению роли феодальных владык. В противовес им в общественном пространстве резко возросла роль гражданских и военных чиновников, назначаемых имперской столицей. Регулярная, обученная по европейским стандартам армия и ее военнослужащие имели особенно большое значение для небольших городов. При деятельном посредничестве государства военные несли в провинцию новую культуру. Первые лица с высшим образованием, врачи, больницы, полиция с не переменным городничим, европейская одежда и даже прически укоренились в провинции именно из армейской среды. Если учесть, что армия обременяла жителей постоянной повинностью, то новая культура быстро проникала и на бытовом уровне. Коммуникативные функции осуществляло также и гражданское чиновничество.

Властные полномочия военных и гражданских чинов, их поголовная грамотность, принадлежность к дворянскому сословию или возможность вхождения в его ряды создавали мощную мотивацию для заимствования их культурных достижений остальными членами провинциального социума. Отечественная провинция расставалась с прежней замкнутостью и стабильностью. Ранее для патриархальной среды чуждые ей государственные чины равно принадлежали к некоему почти потустороннему неведомому миру. Простым людям в лучшем случае от них можно было ожидать почти узаконенных вымогательства и мошенничества. В худшем – совершения преступлений и общения с нечистой силой. Эти опасения были во многом преодолены. Со временем вокруг носителей официальной культуры начало формироваться подражающее им социальное окружение. Не имея возможности уехать в столицу, местная образованная публика переносила столичные нормы на провинциальный уровень.

После 1861 года для этого возникли наиболее благоприятные условия. Успешная деятельность земского и городского самоуправления стимулировала как развитие системы образования, так и общественную жизнь. В дополнение к чиновникам и предпринимателям в провинции появился новый актер межкультурной коммуникации – общественный деятель. К началу XX века во внестоличном мире существовало множество добровольных обществ – кооперативных, благотворительных, литературных, пожарных, охотничьих, спортивных. Все они тем или иным образом имели отношение к межкультурной коммуникации. Быстрой трансформации подверглись медиаторы, которые издавна относились к

сфере традиционной культуры. Так, институт религиозного паломничества, имеющий многовековую историю, все более перевоплощался в антисоциальное профессиональное нищенство, у которого угасали функции межкультурной коммуникации [5].

У зажиточного любознательного человека, живущего в глубинке, исчезал познавательный интерес приглашать к себе в дом странников, живущих Христа ради. Преодоление греховности также перестало изживаться привычными способами. Ранее паломники возмещали свои нелегкие дорожные испытания приобщением к недоступной сакральной информации и получали неформальное право на ее дальнейшее устное тиражирование в очеловеченном пространстве. Теперь на смену паломничеству пришел туризм, комфортно существующий по рыночным законам. Относительная доступность мест поклонения, развитая дорожная инфраструктура и изготовленные типографским способом путеводители обесценивали добытую информацию и усилили ее носителей.

Росло количество акторов, которые действовали в сфере межкультурной коммуникации. Это означало качественное усложнение провинциального мира. От стабильного состояния он перешел к динамичным изменениям. Схематично данные изменения выглядели следующим образом:

Таблица 1

Изменения состояний отечественной провинции и акторов межкультурной коммуникации

Состояние провинции	Стабильное состояние	Сазлом стабильности	Динамичное состояние
акторы межкультурной коммуникации	священник	коробейник	работник сферы образования
	феодал	чиновник	общественный деятель
	паломник	нищий	турист

Из таблицы следует, что акторы, занятые в сфере межкультурной коммуникации, после утраты доминирующих позиций не исчезали окончательно. Происходило другое – их смещение на периферию провинциальной культуры. Необходимо также обратить внимание на то, что количественный рост культуры закономерно оборачивался неизбежным падением ее качества и отчасти нравственным упадком. Множество личностей помимо их воли были «заброшены» в крутой водоворот социальных изменений. У них неизбежно возникало чувство психи-

ческого дискомфорта. В этих условиях возрастала роль государства – основного инициатора изменений. Ощутимой компенсацией для всех профессионально причастных к межкультурной коммуникации могли бы стать стабильное материальное положение и признание их созидательных усилий со стороны государственных властей. В полном объеме это не было осуществлено, что и породило негативные последствия. Современное положение в сфере культуры также далеко не однозначно. Это порождает неизбежные аналогии с ранее произошедшими событиями в отечественной истории.

Список использованной литературы

1. Дубровский, П. С. *Офени-иконицики во Владимирской губернии* / П. С. Дубровский, С. П. Дубровский // *Рождественский сборник*. – Киров, 2008. – С. 104–109.
2. Ершов, М. Ф. *Зарождение музейного дела в городах Зауралья во второй половине XIX – начале XX вв.* / М. Ф. Ершов // *Русские: материалы VII-го Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 дек. 2004 г., Тобольск)*. – Тюмень, 2004. – С. 455–457.
3. Ершов, М. Ф. *Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX вв. : [монография]* / М. Ф. Ершов. – Ханты-Мансийск, 2010. – 299 с.
4. Карцов, В. Г. *Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России : спецкурс* / В. Г. Карцов. – Калинин, 1971. – 206 с.
5. Свирский, А. И. *История нищенства на Руси* / А. И. Свирский. – М., 2009. – 320 с.

**ВКЛАД СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ**

Основные подходы и модели государственной поддержки в сфере культуры: концепции, модели, финансовые механизмы

*Абанкина Татьяна Всеволодовна,
директор центра государственного сектора экономики
Института управления государственными ресурсами
Национального исследовательского университета –
Высшая школа экономики,
к. э. н., Москва*

В последние десятилетия во всем мире, в т. ч. и в России, заметно меняются представления о том, какова роль культуры в обществе, как устроена экономика культуры в современном мире, какие модели государственной поддержки обеспечивают необходимый приток ресурсов в сферу культуры [1, 2].

Основной концепцией, лежащей в основе государственной поддержки культуры, несомненно, является теория мериторных благ и ее дальнейшее развитие. Многие эксперты справедливо относят культуру к «смешанным благам», но ключевое значение имеет их мериторный характер, т. е. их социальная значимость и общественная заинтересованность в стимулировании их потребления. А. Я. Рубинштейн продолжил традицию общественных финансов Р. Масгрейва и разработал теорию рынков «опекаемых благ», т. е. тех, которые находятся под опекой государства [3, 4]. В рамках разработанной его научным коллективом теории «экономической социодинамики» одним из ключевых тезисов обоснования государственной поддержки культуры становится необходимость компенсировать так называемую «болезнь цен» в культуре – феномен, изученный в трудах В. Баумоля и В. Боуэна, суть которого сводится к тому, что издержки производства в исполнительских искусствах всегда растут быстрее доходов [5]. Этот феномен был проверен и подтвержден на базе эмпирического исследования всей совокупности российских театров, концертных организаций и музеев за период с 1990 по 2010 годы [6, 7].

Таким образом, первую модель государственной поддержки культуры, вытекающую из теории мериторных благ, можно условно назвать «патерналистской». Суть патерналистской модели государственной поддержки культуры – компенсировать за счет бюджетной субсидии дефицит доходов, возникающий у организаций культуры по объективным причинам, в т. ч. из-за «провалов рынка».

Финансирование культуры в рамках патерналистской модели государственной поддержки культуры осуществляется через бюджетные

ассигнования. В большинстве развитых европейских стран бюджетное финансирование остается одной из главных форм поддержки культуры и искусства. Однако затраты на эти нужды в общих расходах государственных бюджетов составляют сравнительно небольшую часть – от 0,2 % до 2,5 %. В России доля расходов на культуру в консолидированном бюджете составляла последнее десятилетие около 1,8–2,2 %, причем в последние годы она скорее немного сокращалась, чем росла [8].

Субсидиарная поддержка культуры и искусства из государственного бюджета осуществляется по нескольким каналам:

- в форме прямого финансирования;
- при помощи общих и целевых трансфертов субнациональным бюджетам;
- на основе совместного участия органов власти разного уровня в финансировании культуры и искусства.

Наряду с прямыми бюджетными ассигнованиями субсидиарная поддержка сферы культуры и искусства осуществляется косвенными мерами через налоговые преференции. Это объясняется особой общественной значимостью творческого труда и создаваемого им продукта. Система налоговых льгот обычно распространяется как на производителей товаров и услуг культурного назначения, так и на финансовых доноров культуры [2].

Новый взгляд на модели поддержки культуры связан с распространением теории человеческого капитала, которая разрабатывается фактически параллельно с теорией общественных благ [9, 10]. Ключевое отличие нового взгляда от подхода, основанного на теории мериторных благ, состоит в том, что теория человеческого капитала постепенно, но кардинально изменила отношение к государственной поддержке образования, здравоохранения, культуры и экологии: они рассматриваются не только и не столько как социально значимые потребности, нуждающиеся в «опеке» в форме государственного финансирования, сколько как инвестиции, способные принести отдачу [11]. Теоретические и прикладные исследования стоимости человеческого капитала, его вклада в социально-экономическое развитие стран и городов, оценки отдачи от инвестиций в человеческий капитал постепенно позволили включать эти понятия в политическую повестку и стратегические документы в разных странах, включая и Россию [12]. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.) культуре отводится «ведущая

роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний.

Таким образом, вторую модель государственной поддержки культуры, вытекающую из теории человеческого капитала, можно условно назвать «инвестиционной». Суть инвестиционной модели государственной поддержки культуры состоит в увеличении государственных инвестиций в гуманитарную сферу для обеспечения перехода к инновационной экономике, основанной на знаниях, и устойчивого социально-экономического развития.

Финансовое обеспечение сферы культуры в соответствии с инвестиционной моделью выходит за рамки бюджетных ассигнований, предусмотренных для культуры и искусства; они начинают финансироваться за счет более широких социально-экономических программ: программы регионального развития, увеличения занятости, помощи малому бизнесу, реконструкции городской хозяйственной инфраструктуры, профессионального обучения и переподготовки кадров. Во многих странах получило распространение государственное финансирование из внебюджетных фондов, формирование которых оправдывалось «особыми потребностями» отраслей культуры в финансовых средствах и «национальными интересами» по развитию человеческого капитала. Были существенно расширены налоговые и другие стимулы для частных доноров. В ряде стран Северной Европы и во Франции применяется такой специфический налог, как отчисление 1 % стоимости строительства государственных учреждений на приобретение произведений изобразительного искусства [2].

Во многих странах при распределении финансовых ресурсов, направляемых на развитие человеческого капитала, широко используются посреднические негосударственные организации. Стал доминировать принцип «вытянутой руки», обеспечивающий минимальное участие чиновников в оценке достоинств художественных произведений, творчества организаций и деятелей культуры. Это один из самых демократичных методов, обеспечивающий высокую эффективность государственного инвестирования в сферу культуры на конкурсной основе.

Современный подход к финансированию культуры связан с переходом к постиндустриальному типу социально-экономического развития. Некоторые из европейских стран, прежде всего, Голландия и Великобритания, выбирают курс на деиндустриализацию как ведущую стратегию развития для своих городов. Начиная с 70-х годов прошлого века, поддержка культуры становится стратегическим приоритетом политики

этих стран. Разработанные тогда проекты легли в основу программ поддержки креативного сектора экономики – творческих индустрий, которые способствуют увеличению инвестиционной привлекательности территорий, росту квалификации работников, мотивации инноваций и творчества, повышению конкурентоспособности городов и стран. Развитие творческих индустрий стало программой социальной адаптации, позволившей многим странам перейти к «новой занятости» в постиндустриальной экономике. С этого времени началась эра «креативной экономики», теорию которой стали развивать в своих, уже классических работах Ричард Флорида, Чарльз Лэндри, Джон Хокинс и многие другие исследователи и эксперты [13, 14].

Таким образом, третью модель государственной поддержки культуры, вытекающую из креативной экономики, можно условно назвать «стимулирующей». Суть стимулирующей модели государственной поддержки культуры состоит в создании условий, стимулирующих развитие творческих индустрий и приток креативного класса за счет высокой миграционной привлекательности страны для обеспечения ее международной конкурентоспособности и опережающего социально-экономического развития в глобальной экономике.

Фактически меры финансовой поддержки культуры в креативной экономике сосредотачиваются на трех основных направлениях:

- созданию благоприятной среды для творческого бизнеса;
- налоговых льготах и преференциях для творческой личности и творческой организации;
- обеспечении защиты интеллектуальной собственности и результатов творческого труда.

Стимулирующая модель поддержки культуры и искусства в европейских странах реализуется путем принятия государственных мер по улучшению материального положения артистов, художников и других творческих работников. Они обычно пользуются дополнительными льготами по вычету из налоговой базы расходов на профессиональную деятельность. С развитием коммерческой деятельности организаций культуры все более заметную роль в их финансировании стал играть банковский кредит. Государство содействует организациям культуры в получении банковских ссуд, предоставляя гарантии по кредитам. Главное, что венчурные компании стали активно работать с культурными проектами и творческим предпринимательством. Стимулирующая модель поддержки культуры стала широко использовать гранты, создающие условия встречного финансирования. Задачей подобных грантов

является не только улучшение финансового положения организаций культуры, но и содействие их адаптации к рыночной среде.

Основной формой государственной поддержки культурной деятельности становится программное и проектное финансирование. В международной практике творческие индустрии давно стали устойчивым приоритетом культурной и социально-экономической политики, вошли в повестку развития многих городов Европы, Азии и Америки. Творческие кластеры в России появились сравнительно недавно. Только сейчас нарабатывается практика устойчивых механизмов поддержки творческих индустрий в регионах и городах России.

В последние пять лет в России наблюдается заметный рост современных пространств, которые являются необходимым условием развития сектора творческих индустрий, к их числу относятся открытые общественные пространства в государственных учреждениях культуры, прежде всего, в библиотеках, парках, ДК. Москва предложила новый подход к развитию библиотек – концепцию «третьего места» после дома и работы, а также специально создаваемые коворкинги и антикафе. В 2009 году инициаторы сайта «Теории и практики» сделали обзор возможных «третьих мест» в Москве с ориентацией преимущественно на библиотеки, и тогда их список насчитывал не более двух десятков таких мест; в 2014 году проект «Третье место» представляет собой пополняемый интернет-ресурс с информацией о более чем 100 творческих рабочих пространствах и возможностью поиска в зависимости от условий и количества участников встречи/события. Заметна диверсификация и расширение спектра деятельности коворкингов: к традиционным услугам по предоставлению площади и созданию творческой атмосферы добавляются образовательные программы, лекции, консультации. Такие места становятся многофункциональными пространствами, где обсуждаются новаторские проекты, проводятся конференции и образовательные события для творческих и технологических сообществ. Увеличению творческих пространств и их сбалансированному расположению в городе способствует удобное расположение библиотек в городе и их доступность. Можно сказать, что в России значительно расширилась система поддержки творческих бизнесов, сотрудничающих с библиотеками: коворкинги с лекционным образовательными программами для предпринимателей; мастерские с необходимым оборудованием; бизнес-инкубаторы, конкурсы, акселераторы. Конечно, эта система пока находится в стадии становления, только апробируется, но уже завоевывает популярность.

Подводя итоги, можно констатировать, что выделенные модели государственной поддержки культуры – патерналистская, инвестиционная и стимулирующая – не альтернативны, они дополняют друг друга, а не исключают. В этом и заключается феномен культуры: она представляет собой гуманитарный сектор современной экономики и постепенно становится «драйвером» инновационного развития.

Список использованной литературы

1. Абанкина, Т. В. Экосистема культуры: конвергенция моделей финансирования / Т. В. Абанкина // *Общественные науки и современность*. – 2015. – № 5. – С. 48–61.
2. Абанкина, Т. В. Многоканальное финансирование культуры и искусства: зарубежный опыт / Т. В. Абанкина // *Журнал новой экономической ассоциации*. – 2014. – № 2. – С. 138–141.
3. Рубинштейн, А. Я. Экономический кризис и новая парадигма общественной поддержки опекаемых благ / А. Я. Рубинштейн // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2015. – № 2 (26). – С. 264–269.
4. Musgrave, R. A. *Public Finance and Finanzwissenschaft Traditions Compared* / R. A. Musgrave // *Finanzarchiv*. – Vol. 53. – P. 145–193.
5. Baumol, W.J. *Performing Arts: The Economic Dilemma* / W. J. Baumol, W. G. Bowen. – N. Y. : *The Twentieth Century Fund*, 1966.
6. Рубинштейн, А. Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен» / А. Я. Рубинштейн. – М. : *Ин-т экономики РАН*, 2012. – 2,5 п. л.
7. Музыкачук, В. Ю. Должно ли государство финансировать культуру? / В. Ю. Музыкачук. – М. : *Ин-т экономики РАН*. – 2012. – 60 с.
8. Государственная поддержка культуры в России / Т. В. Абанкина [и др.]. – М. : *Высш. шк. экономики*. – 2014. – 180 с. : ил.
9. Becker, Gary S. *Human Capital* / Gary S. Becker. – N. Y. : *Columbia University Press*, 1964.
10. Shultz, T. *Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences* / T. Shultz. – N. Y., 1968, vol. 6.
11. Mincer, J. *The Production of Human Capital and The Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme* / J. Mincer. – *Working Paper of the NBER*, No 4838 (Aug. 1994).
12. Капелюшников, Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р. И. Капелюшников. – М. : *Высш. шк. экономики*, 2012. – 74 с. : ил.

13. Флорида, Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее* / Р. Флорида. – М. : Классика-XXI, 2005. – 421 с.

14. Лэндри, Ч. *Креативный город* : [пер. с англ.] / Ч. Лэндри. – М. : Классика-XXI, 2011. – 399 с.

15. Хокинс, Дж. *Креативная экономика : как превратить идеи в деньги* : [пер. с англ.] / Дж. Хокинс. – М. : Классика-XXI, 2011. – 256 с.

Социально-экономическая проблематика в исследованиях библиотечной отрасли: состояние и перспективы развития

*Кожевникова Лариса Анатольевна,
главный научный сотрудник
Государственной публичной научно-технической библиотеки
Сибирского отделения Российской академии наук,
профессор, д. п. н., Новосибирск*

Библиотечная отрасль – это многокомпонентная структура, включающая практику, образование, науку, коммуникации и управление. Каждый из элементов этой структуры требует своих методов эмпирического и теоретического анализа.

Удовлетворяя важнейшие человеческие потребности в знании и образовании, библиотечная отрасль является неотъемлемой частью социально-экономической системы общества. Организуя культурную деятельность населения, библиотечная отрасль участвует в основных системах жизнедеятельности – производственной и внепроизводственной, а также в формировании социокультурного пространства. Процессы, протекающие в структуре библиотечной отрасли, по содержанию объективны, т. к. обусловлены действием объективных законов развития социума, но по форме они субъективны, т. к. реализуются в конкретной социокультурной среде [1].

Библиотека, как и знание о ней, развивалась одновременно с обществом, воплощая в себе достижения той или иной эпохи. Таким образом, библиотека – это своеобразная модель общества, поскольку ее деятельность направлена на создание условий социокультурного самоутверждения личности и различных групп в системе всех видов отношений: экономических, политических, правовых. Тем самым библиотека непосредственно участвует в формировании «индекса человеческого развития», куда входят наиболее значимые характеристики уровня и условий жизни населения. В то же время в структуре общественного про-

изводства библиотечные ресурсы занимают особый сегмент – они создают информационную инфраструктуру, прежде всего, территориального производства и одновременно обеспечивают воспроизводство трудовых ресурсов через предоставление продуктов и услуг, несущих новое знание. Таким образом, включение в структуру экономической системы системы библиотечной – это не просто создание социокультурной «надстройки», это признание ее самоценной частью процесса создания совокупного общественного продукта. Ниша, которую занимают библиотеки на рынках продуктов, услуг, трудовых ресурсов, определяется институциональным и социально профессиональным статусом библиотечной экономики [2].

С позиции институциональной теории, библиотека – это совокупность норм и культурных образцов, ключевой элемент в системе социальных связей, существующих в различных областях человеческой деятельности. Библиотека как институт выполняет главную задачу – обеспечивает предсказуемость результатов определенной совокупности действий библиотечных специалистов, привнося в их деятельность устойчивость.

С позиции культурологического подхода, библиотека – это неотъемлемая часть культуры, а в соответствии с когнитивным подходом – это компонент книговедческого и библиотековедческого знания. Следует отметить, что в процессе развития библиотеки присутствует две парадигмальных тенденции:

– мировоззренческая, обеспечивающая воспроизводство трудовых ресурсов через предоставление продуктов и услуг, несущих новые знания;

– функциональная, операционная, позволяющая изучать систему распределительных отношений, специфику движения труда в основных видах библиотечной деятельности – социокультурной, производственной, экономической.

Таким образом, социальные системы, в структуре которых функционируют библиотеки, представлены совокупностью общественных отношений, организационных форм, характеризующих взаимосвязь личности (с совокупностью ее статусов и ролей) и коллектива, базирующаяся на социокультурных нормах и санкциях.

Справедливым является утверждение известного ученого В. А. Фокеева [3], что проблема библиотеки как социокультурного института не может быть решена без определения ее места во внекультурном пространстве, а именно – в социальных и экономических системах. Это связано с тем, что основной задачей библиотеки является удовле-

ние важнейших человеческих потребностей в основных подсистемах жизнедеятельности – производственной и внепроизводственной.

Экономическая система представляет собой комплекс производственных отношений, возникающих между субъектами библиотечного производства по поводу распределения технологических функций, последовательности и времени их выполнения, производительности оплаты труда, числа работников и рабочих мест в подразделениях библиотеки.

Обе эти системы представляют собой реальность, вызванную к жизни потребностями общества. Ее сложноорганизованная система, для которой характерно многообразие социальных, экономических связей и отношений, определяет многообразие теоретических подходов и связей в понимании библиотеки как социального института. Можно утверждать, что не существует четко очерченных границ между культурными, социальными и экономическими срезами внутреннего и внешнего пространства деятельности библиотек. Все они могут существовать лишь тогда, когда вступают в обменные отношения друг с другом. Несбалансированность этих пространств, также как и неразвитость методологии их исследования, отрицательно влияет как на статус библиотеки, так и на развитие библиотековедения в постоянно меняющейся среде. Это особенно актуально в условиях выхода библиотечного сообщества за пределы профессиональной корпорации, что выразилось в проведении библиотечных исследований в междисциплинарном пространстве и в усилении их интеграции со смежными науками, что изменило структурную организацию библиотековедения, усложнило его познавательную конструкцию.

Это подтверждает тезис о том, что модели постановки проблем и их решение существуют в научном сообществе лишь в течение определенного исторического периода, а затем, с осмыслением общественных явлений и сменой внутренних осознанных потребностей субъектов библиотечной деятельности, меняются границы познавательной и практической функции исследовательских дисциплин. Это особенно видно, если проследить, как меняется статус знания в области библиотечной экономики, первоначально являющегося прикладным, имевшим практическую цель – эффективно управлять процессами библиотечной деятельности, – полноценно сформировавшегося, в когнитивную систему библиотековедческого знания – более сложную, нежели знание рациональное.

Следует заметить, что проблема статуса библиотечной экономики была в центре внимания отечественных библиотековедов еще 80-х – начале 90-х годов XX века. Именно тогда начала формироваться ленин-

градская научная библиотека, представленная работами Ж. С. Шадринной, Е. В. Небогатиковой, Н. В. Могилевер, Л. В. Куликовой, в которых с позиций экономических законов решались отдельные проблемы сбалансированного развития библиотек и их структурных подразделений.

Позднее, когда в нашей стране началась смена экономической формации и происходили трансформации социума, активно формировалась московская школа библиотечной экономики. Входившие в состав московской научной школы И. К. Джерилевская, А. И. Каптерев, В. К. Ключев, И. М. Суслова, Е. М. Ястребова внесли значительный вклад в разработку вопросов библиотечной экономики, ее функциональных аспектов, ее связей с менеджментом и маркетингом.

Совокупность внешних и внутренних факторов, участвующих в создании социально-экономической среды производства и распределения библиотечных продуктов и услуг, исследовалась в работах сибирской научной школы библиотековедения. Проведенные в ГПНТБ СО РАН масштабные исследования, такие как «Библиотечное обслуживание в изменившейся системе экономических отношений» (1993–1995), «Библиотечная деятельность в контексте концепции устойчивого развития» (1997), «Крупная научная библиотека в воспроизводственном процессе и системе общественных отношений региона» (1998–1999), а позднее – «Библиотека в структуре базовых социально-экономических процессов территории» (2000–2004), «Экономический потенциал крупных научных библиотек» (2004–2005), позволили очертить концептуальные рамки экономики библиотечной деятельности как особого исследовательского направления, дать исходную парадигмальную характеристику ее объекта и предмета, разработать терминологию.

Начало XXI века было ознаменовано разработкой методологических основ экономики библиотечного дела. Появились работы Ю. А. Горшкова, Л. А. Кожевниковой, Е. А. Фенелонова, И. Н. Басамыгиной, которые в значительной степени позволили пополнить развитие теоретического знания в области экономики библиотечного дела, преодолеть определенную гносеологическую однобокость исследований предшествующих этапов [4].

Политэкономия библиотечно-информационной деятельности как общая теория управления стала разрабатываться сравнительно недавно на базе экономической теории благосостояния и теории общественного выбора. Опираясь на концептуальные положения этих теорий, разработанных в основном зарубежными экономистами, ведущий ученый Ю. А. Горшков создал исследовательскую программу, позволяющую восполнить отдельные методологические пробелы в работах по эконо-

мике отечественных библиотековедов. С позиций политэкономического подхода автор программы выявил общественные выгоды и издержки, баланс которых позволяет определить оптимальный уровень производства библиотечно-информационных товаров и услуг. Ю. А. Горшков не обошел вниманием такие понятия, как «индивидуальные предпочтения» и «частные интересы», рассмотрел их в качестве стратегических факторов микро- и макрорешений оптимизации государственных расходов в децентрализованной экономике библиотечно-информационной деятельности. Предложенные автором методы политэкономического анализа библиотечно-информационной деятельности – это важнейший шаг в разработке функций научного анализа всего многообразия явлений, формирующих библиотечную экономику [5].

Профессиональное библиотечное сообщество высоко оценило монографии и статьи Ю. А. Горшкова, охарактеризовав их как новый этап теоретического осмысления экономики библиотечно-информационной деятельности. К великому сожалению, не все теоретические положения трудов Ю. А. Горшкова по поводу сущностных свойств и характеристик библиотечной экономики были в дальнейшем использованы. Тем не менее его вклад в формирование данной отрасли трудно недооценить: были созданы необходимые предпосылки для формирования библиотечной экономики не только на микро-, но и на макроуровне.

Социально-экономическая проблематика в исследованиях библиотековедения развивалась в последние десятилетия и была связана с обоснованием понятия «библиотечная отрасль». Новые методологические подходы к исследованию библиотечной отрасли региона были обоснованы в монографии С. Ю. Волжениной, С. С. Гузнер, Л. А. Кожевниковой. Труд получил положительную оценку библиотечных специалистов, которые считают, что пришло время перейти от анализа библиотечной отрасли к ее методологии, что позволит выявить ее место в системе других гуманитарных наук [6, 7].

Именно методология как совокупность методов и системы их упорядочивания дает возможность рассматривать теорию библиотековедения не только как отражение реальности, но и как социально-детерминированный процесс, позволяет установить, насколько он автономен в системе дисциплин книговедческого цикла, а также свести частные модели развития объекта в целостную картину.

Список использованной литературы

1. Волженина, С. Ю. Библиотечная отрасль в социально-экономической системе региона: методология и методика оценки эффективности / С. Ю. Волженина, С. С. Гузнер, Л. А. Кожевникова. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2015. – 200 с.
2. Кожевникова, Л. А. Роль библиотечных исследований в развитии библиотеки как социального института / Л. А. Кожевникова // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты : проблем.-ориентир. науч. сб. – М., 2013. – С. 155–165.
3. Фокеев, В. А. Библиография : теоретико-методологические основания / В. А. Фокеев. – СПб. : Профессия, 2006. – 352 с.
4. Кожевникова, Л. А. Проблемы экономики библиотечного дела на современном этапе / Л. А. Кожевникова // Библиотечное дело – XXI век. – Вып. 2 (20). – С. 170–184.
5. Горшков, Ю. А. Введение в политэкономия библиотечно-информационной деятельности : монография / Ю. А. Горшков. – М. : Пашков дом, 2004. – 224 с.
6. Колесникова, М. Н. О новых методологических подходах к исследованию библиотечной отрасли региона : рецензия / М. Н. Колесникова // Библиотековедение. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 235–237.
7. Ключенко, Т. И. Библиотечная отрасль в условиях рыночной экономики: в контексте управления : рецензия / Т. И. Ключенко // НТИ, Сер. I. Организация и методика информационной работы. – 2016. – № 6. – С. 41–42.

**Экономическая социология или социальная экономика –
в чем основы библиотечной деятельности?**

Макеева Оксана Владимировна,
ученый секретарь Государственной
публичной научно-технической библиотеки
Сибирского отделения Российской академии наук,
к. п. н., Новосибирск

Введение

Экономическая социология и социальная экономика – эти два понятия звучат для не специалиста почти как синонимы, но обозначают они разные явления, хотя и появились на стыке одних и тех же отраслей знания.

Увеличение количества междисциплинарных исследований, возникновение новых научных дисциплин на стыке двух-трех существующих – одна из заметных тенденций в науке в последние десятилетия. Междисциплинарность также стала одной из особенностей библиотечно-ведческих исследований, при этом подходы, положения, методы социологии в них используются гораздо чаще, чем экономические.

Социологические подходы и методы исследований в библиотечном деле исторически связаны с исследованием чтения, начало которому было положено еще в XIX веке.

Библиотечная социология

Некоторые примеры изучения чтения в указанный период встречаются не только в литературе по библиотечному делу, но и в учебниках по истории и методологии социологии. Например, это первые попытки применения метода включенного наблюдения при изучении чтения, связанные с именем С. А. Анского, комплексного исследования и эксперимента – Х. Д. Алчевской и Н. А. Корфа, программного изучения – Н. А. Рубакина и В. И. Орлова, анкетирования – Н. А. Рубакина, беседы – Л. Н. Толстого, Н. А. Корфа и т. д. Известно также, что Н. Г. Чернышевский изучал состав подписчиков «Современника», а Н. А. Добролюбов – читателей из народа.

К середине 1890-х годов на практике применялись, в т. ч. и в библиотеках, следующие методы исследований: статистическое наблюдение; беседа индивидуальная и групповая, в т. ч. «переспрос»; наблюдение; анализ письменных отзывов; анкетирование; библиографический метод; анализ книжных и читательских формуляров; анализ материалов статистического учета и отчетности библиотек; читательская автобиография.

Велись также педагогические дневники («записная тетрадь»), протоколы громких чтений и бесед о прочитанном.

Широко распространенный сегодня метод анкетирования использовался редко, т. к. грамотных людей было немного. Кроме того, не все понимали вопросы анкеты, поэтому анкетирование как метод изучения читателей активно распространился лишь в 1920-е годы.

Читателя нужно изучать в неразрывной связи с условиями, в которых он живет и работает, его социальным слоем, его трудовой деятельностью и бытом, учитывая его жизненные интересы, считая их главными – такова сформировавшаяся позиция конца XIX – начала XX века [1, с. 42].

Такое понимание, пожалуй, близко к позиции современной экономической социологии, связывающей развитие человека с его активно-

стью в экономической и социальной сферах, субъектностью и субъективностью действий.

Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что экономическое сознание и мышление индивида связывалось с развитием его социальных связей и отношений, влияющих на экономическое поведение, что было важно в указанный период, особенно в начале XX века и в первые годы советской власти.

Позднее экономическая составляющая исследовательских работ практически полностью уступила место социологической, все библиотечные изучения связывались с характеристиками социальных групп (рабочие, крестьяне, красноармейцы, молодежь), социальными связями, демографическими характеристиками населения.

В настоящее время наиболее распространенными направлениями изучения в области библиотечной социологии являются [2]:

- чтение и читатели;
- удовлетворенность деятельностью, продуктами и услугами конкретной библиотеки;
- отношение к библиотеке вообще и ожиданий от ее развития.

Библиотечная экономика

Экономические вопросы в библиотечном деле впервые начали подниматься в 1920-х годах и касались они проблем измерения эффективности библиотечной деятельности, в частности, функциональной, социальной и экономической. О важности работы в этом направлении в 1920-е годы писал А. А. Покровский, предлагая, одним из первых, введение коэффициентов эффективности. В 1930-х годах на данную тему была развернута дискуссия на страницах журнала «Красный библиотекарь», была высказана идея ввести стоимостные критерии в планы и отчеты библиотек [3].

В 1963 году, после большого перерыва, И. М. Фрумин поднял вопрос об экономическом аспекте деятельности библиотек, важности разработки экономики библиотечного дела. Его идеи были поддержаны, и публикации в области экономики библиотечного дела начали активно появляться с 1960-х годов (Ж. С. Шадрина, Е. В. Небогатикова, Н. В. Могилевер, Л. В. Куликова). В 1965 году была создана проблемная комиссия «Экономика библиотечного дела», позднее в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина – исследовательская группа экономики библиотечного дела.

Позже стали появляться работы, затрагивающие смежные темы экономики, менеджмента и маркетинга (И. М. Сулова, А. И. Каптерев, В. К. Клюев, И. К. Джерелевская, Е. М. Ястребова), а также норматив-

но-правовых аспектов экономики библиотечно-информационной деятельности (Ю. А. Горшков, Т. Л. Манилова, Е. А. Фенелонов) [4].

Разработкой вопросов экономики библиотечного дела в разные годы занималось не так много специалистов, среди наиболее известных можно указать С. В. Новикова, Ж. С. Шадрину, Ю. А. Горшкова, Н. В. Могилев, Е. А. Фенелонина, В. К. Клюева, И. Н. Басамыгину, Н. В. Бубекину, Л. А. Кожевникову, П. С. Романова [5–9].

В 1980–1990-е годы библиотечные работники начали активно пытаться заниматься хозяйственной деятельностью, внедрять хозрасчет, т. е. стараться самостоятельно зарабатывать деньги; появилось большое количество публикаций по этой теме, экономика библиотечной деятельности начала активно развиваться.

При этом одни специалисты считали [6], что библиотека – объект и субъект экономической жизни, другие – ни то и ни другое [12].

Высказывалась точка зрения, что хотя «без элементов коммерции сегодня трудно обойтись, но не она должна быть поставлена во главу угла, а столь необходимый трезвый экономический расчет не стоит гиперболизировать как «рыночное сознание» [13].

В указанные годы активно используются и развиваются понятия «экономическая культура», «экономическое сознание», «экономическое мышление».

Чуть позже, когда попытки внедрить хозрасчет в библиотеке были признаны неудачными, библиотечные услуги стали признаваться «общественным благом» (иногда «смешанным»), производство которых должно финансироваться государством.

Как полагал Е. А. Фенелонов в 2004 году, «библиотечная экономика – это наука, призванная на основе требований и методологии общей экономики изучать закономерности производственной деятельности, связанной с созданием и функционированием библиотек, складывающихся отношений людей и движения разного рода благ в процессе их производства, обмена и распределения, помогать в совершенствовании этой деятельности, предлагая свои специфические методы и способы оценки ее состояния, а также решения, касающиеся оптимизации ее будущего развития» [14].

Поток публикаций с начала 2000-х годов по экономике библиотечной деятельности стал снижаться. Сегодня новых авторов, работающих в данной области, очень мало. Новых исследований практически не появляется. Из публикаций последних лет можно отметить работы С. Ю. Волжиной, И. В. Бабченко [10, 11], сборник «Экономика библиотечного дела: от госбюджета к хозрасчету» (редактор-составитель В. К. Клюев), опубликованном издательством Либерея-Бибинформ в

2012 году, в который включены статьи специалистов по экономике библиотечного дела, написанные авторами в разные годы, начиная с 1920-х годов [16, 17], и дающие представление о ее развитии.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация связана:

- с отсутствием профессионально подготовленных специалистов в библиотеках;
- невысоким уровнем математических и экономических знаний библиотечных специалистов;
- отсутствием разработанной методологической и методической базы;
- отсутствием научно-методического и координационного центра по данной проблеме.

Таким образом, целостного представления о библиотечной экономике, единства терминологического аппарата, разработанной методологии не было как в начале 2000-х годов [6, 14], так нет и в настоящее время. Возможно, поэтому экономические методы исследования не применяются так широко в библиотечном деле, как социологические. Чаще всего в библиотечной практике используются такие методы, как диагностика, факторный анализ, стоимостной анализ и т. д.

Одной их наиболее распространенных точек зрения, получившей наибольшую поддержку в профессиональной среде, является признание библиотеки в качестве социально-экономического учреждения, субъекта социальных и экономических отношений, участвующего в процессе общественного производства. При этом библиотеки чаще всего считают некоммерческим сектором рыночной экономики или относят к общественному сектору государственной экономики, которая является частью социальной экономики⁶.

Социальная экономика

Социальная экономика – это отрасль научного знания, деятельность и сфера экономики, сознательно ориентированная на развитие личности, достижение социального прогресса. В центре ее внимания находится человек с его потребностями и интересами, отношениями с другими членами общества в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ [15].

⁶ В экономической литературе можно встретить разные подходы к выделению видов (форм) экономики и экономических систем, например, традиционная, рыночная, административно-управленческая (командная или плановая), переходная, смешанная, социальная. Виды субъектов экономики: домохозяйства, фирмы (предприятия), государство.

Социальная экономика имеет две формы: *государственная* и *общественная* (собственно социальная). Ее важными особенностями, характерными для обеих форм (различие будет заключаться в степени проявления особенностей) являются:

– функционирование на основе общественной или государственной собственности на средства производства;

– функционирование для создания благ, обеспечивающих потребности общества (социальные потребности). Чтобы потребности стали социальными, они должны удовлетворяться всеми членами общества, быть обязательными и доступными для каждого. При этом все члены общества должны иметь равные возможности для их удовлетворения (получения образования, медицинского обслуживания, занятости, роста трудовой активности, повышения квалификации, улучшения жилищных условий).

Экономической деятельностью в данном случае занимаются организации (кооперативы, объединения, ассоциации, фонды и т. д.), главная цель которых состоит в предоставлении обществу товаров и услуг, а не получение прибыли.

Различия в степени проявления особенностей:

– в государственной экономике общественная собственность используется в интересах государства – части общества, которой принадлежит власть. Такая направленность использования собственности общества ограничивает производство благ для удовлетворения потребностей всех членов общества (социальных потребностей);

– в общественной (собственно социальной) экономике такая собственность используется в интересах преимущественно самого общества. Это позволяет удовлетворять социальные потребности полнее и разнообразнее.

Поскольку культуру, к которой причисляют библиотеки, относят к неэкономическим структурам государственной социальной экономики, то вся ее деятельность должна быть подчинена интересам государства, обеспечивающего функционирование подобных структур, ставящего задачи и диктующего условия существования, что мы и наблюдаем сегодня.

Приходится констатировать, что государство и общество в целом, признавая необходимость библиотек, считают их недостаточно важными в целях развития населения, решения социальных проблем.

В этом, на наш взгляд, заключается одна из проблем библиотек – слабое позиционирование в обществе, слабость профессиональных объединений, которые должны отстаивать интересы библиотечного сооб-

щества перед обществом и государством. Являясь важной частью социальной экономики, направленной изначально на развитие личности, библиотеки не могут презентовать свою необходимость и значимость.

Для доказательств важности своего существования необходимо не только говорить о социальных функциях библиотеки, но и проводить исследования, результаты которых были бы весомыми аргументами в разговорах с представителями органов власти.

И такие аргументы можно получить, осуществляя исследования с опорой на достижения экономики и экономической социологии.

Экономическая социология

Экономическая социология – направление социальных исследований, предполагающее анализ экономической деятельности с позиций социальной теории.

В экономической социологии человек способен поступать вопреки обстоятельствам, переключаться с одной логики действия на другую, проявляя одновременно волю и гибкость. Он становится способным на формирование стратегии – последовательных и рефлексивных действий, выстраивание собственного будущего. Человек рассматривается как субъект, включенный в сплетение формальных и неформальных сетей, действующий в составе социальных групп, принадлежащий к локальным и национальным общностям.

Таким образом, в центре внимания экономической социологии оказываются сущность и специфические способности социальных механизмов, способных регулировать протекание экономических процессов. Она изучает экономическую деятельность людей с позиций социальных теорий. Пользование библиотеками тоже можно рассматривать как часть экономической деятельности людей, поскольку она неразрывно связана с их трудовой деятельностью, во многом обусловленной социальными статусами, отношениями, связями, существующими социальными нормами. Библиотечные продукты и услуги имеют, как любой товар, свои потребительские свойства, а какие механизмы влияют в конечном счете на их выбор, можно изучать с позиций экономической социологии.

Основываясь на понимании библиотеки как субъекта социальной экономики, т. е. действующего на основе хозяйственного механизма, сознательно ориентированного на решение социальных проблем, мы можем использовать или игнорировать подходы экономической социологии, если будем считать, что экономические интересы, стереотипы, мышление и т. д. индивида не оказывает в нашем случае влияния на его взаимоотношения с библиотекой.

Но, к сожалению, в настоящее время мы не можем точно утверждать, что только социальные или преимущественно экономические мотивы или стимулы регулируют отношения библиотеки с пользователями – для этого нет достоверных данных.

Мы не можем точно сказать, что является преобладающим в процессах выстраивания отношений пользователей с библиотекой: экономическое мышление как совокупность взглядов и представлений, порожденных практическим опытом людей, их участием в экономической деятельности, теми связями, в которые они вступают в повседневной жизни или их социальные связи и статусы, а также существующие социальные нормы.

К сожалению, мы не можем сегодня однозначно определить, какие причины влияют на формирование нужды, потребности и спроса на библиотечные продукты и услуги, не знаем механизмов их формирования, оценить степень влияния развитости экономической культуры на пользование библиотекой как субъекта экономических отношений, предлагающего свои продукты и услуги для потребления пользователями.

В последнее время в библиотечной теории и практике широкое распространение получает теория институтов, при этом часто экономическую теорию институтов применяют к изучению социальных явлений. На наш взгляд, все-таки правильнее было бы использовать экономические и социологические положения теории институтов в соответствии с областями их применения.

Заключение

Итак, библиотеки можно отнести к субъектам социальной экономики, но для изучения их деятельности пока недостаточно используются основы экономической социологии.

Кроме того, всплеск интереса к проблемам экономики библиотечного дела возникает в кризисные времена или обуславливается изменениями в государственной политике (как это было два раза с введением хозрасчета). Но, признавая библиотеку важной частью социальной экономики, объединяющей интересы индивидов, общества и государства, мы не имеем ясного представления о том, как работают и как должны работать механизмы взаимоотношений между этими тремя субъектами. Ответы на эти вопросы лежат в области исследований и теорий экономической социологии и экономики библиотечного дела, использование которых в библиотечной теории и практике сегодня явно недостаточно.

Список использованных источников

1. Банк, Б. В. *Избранное* / Б. В. Банк ; сост.: А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко. – СПб. : БАН : СПбГУКИ, 2011. – 427 с.
2. Трофимова, Р. А. *Библиосоциология: научный статус, методология, методика* / Р. А. Трофимова. – Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2002. – 163 с.
3. Арзуханов, А. С. *Методологические аспекты повышения эффективности обслуживания абонентов научно-технической библиотеки: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 05.25.03* / А. С. Арзуханов. – М., 1983. – 16 с. – Сведения доступны также по Интернету: <http://www.dslib.net/dokument-informacia/metodologicheskie-aspektu-povyshenija-jeffektivnosti-obsluzhivaniya-abonentov-nauchno.html> (дата обращения: 01.12.2016).
4. Кожевникова, Л. А. *Экономика библиотечной деятельности в источниках и публикациях* / Л. А. Кожевникова // *Библиосфера*. – 2006. – № 2. – С. 43–49. – Сведения доступны также по Интернету: <http://cyberleninka.ru/article/-n/ekonomika-bibliotechnou-deyatelnosti-v-istochnikah-i-publikatsiyah> (дата обращения: 01.12.2016).
5. Ключев, В. К. *Экономика библиотечно-информационной деятельности: программа и дидакт. разработка по курсу* / В. К. Ключев. – М. : МГУК, 1999. – 56 с.
6. Кожевникова, Л. А. *Экономика библиотечной деятельности* / Л. А. Кожевникова. – Новосибирск, 2001. – 128 с.
7. Могилевер, Н. В. *Экономика библиотечной деятельности* / Н. В. Могилевер // *Справочник библиотекаря*. – СПб., 2000. – С. 283–304.
8. Новиков, С. В. *Методологические основы экономики библиотечного дела* / С. В. Новиков // *Экономические аспекты библиотечной деятельности: сб. науч. тр.* – Л., 1977. – С. 32–56.
9. Шадрин, Ж. С. *Основы экономики библиотечной деятельности: учеб. пособие* / Ж. С. Шадрин. – Л. : ЛГИК, 1983. – 64 с.
10. Волженина, С. Ю. *Библиотечная отрасль в социально-экономической системе региона: методология и методика оценки эффективности* / С. Ю. Волженина, С. С. Гузнер, Л. А. Кожевникова. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2015. – 198 с.
11. Бабченко, И. В. *Экономический анализ библиотечной деятельности как основа формирования сети библиотек Пермской области и их бюджетного обеспечения [Электронный ресурс]*. – URL: http://www.library.ru/1/kb/books/regional_policy/babchenko.php (дата обращения: 01.12.2016).
12. Карташов, Н. С. *Управление. Менеджмент. Маркетинг (о спорных вопросах науки управления библиотечным делом)* [Электронный ре-

сурс]. – URL: <http://libconfs.narod.ru/1995/p6.htm> (дата обращения: 01.12.2016).

13. Матлина, С. Г. Совместимы ли понятия «библиотека и рынок» / С. Г. Матлина // *НТБ*. – 1994. – № 8. – С. 15–21.

14. Фенелонов, Е. А. Методологические основы экономики библиотечного дела как научной дисциплины / Е. А. Фенелонов // *Библиотечное дело – XXI век*. – 2004. – № 1 (7). – С. 6–15. – Сведения доступны также по Интернету: http://www.library.ru/1/kb/articles/article.php?a_uid=98 (дата обращения: 01.12.2016).

15. Юрьева, Т. В. Социальная экономика [Электронный ресурс]. – URL: http://stratonomik.ru/cgyjm/social'naja_ekonomika_-_jur'eva.html (дата обращения: 01.12.2016).

16. Столетия вестник беспристрастный : юбилейная кн. серия, посвящ. 100-летию журн. «Библиотека». – М. : Журн. «Библиотека», 2010– .

Т. 5 : Экономика библиотечного дела: от госбюджета к хозрасчету : сб. материалов. – 2013. – 479 с. – Сведения доступны также по Интернету: <http://www.prometeus.nsc.ru/acquisitions/15-07-07/cont14.ssi> (дата обращения: 01.12.2016).

17. Эволюция экономико-библиотечной мысли за сто лет : вступ. ст. [Электронный ресурс] // *Экономика библиотечного дела: от госбюджета к хозрасчету*. – URL: http://www.library.ru/1/kb/-articles/kliev/1/01_evolutia.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

К вопросу измерения ценности публичных библиотек в зарубежном библиотековедении

*Романов Петр Сергеевич,
профессор Технологического университета,
д. п. н., Королев, Московская область*

Современные методы анализа состояния библиотек дополнились последние двадцать лет инструментарием, который традиционно находился в области анализа деятельности коммерческих организаций, а также из теории политэкономических учений.

Библиотековеды США Imholz и Arns считают, что в современном обществе, где одним из главенствующих принципов управления считается всеобщий учет и подотчетность, лучшее понимание ценности публичных библиотек становится все более действенным средством сохранения социальных инвестиций [2, с. 12].

Самые разные люди по-разному оценивают значимость публичных библиотек. Влияние различных публичных библиотек на жизнь людей и в целом на общество также отличается друг от друга. Но не каждое посещение библиотеки читателем предоставляет равные возможности получения библиотечной услуги одной и той же ценности.

Подобной точки зрения придерживаются многие исследователи проблемы ценности современной библиотеки, которые в своих работах отмечают, что любые изменения в условиях работы библиотек оказывают прямое и несомненное влияние на ценность оказанной услуги.

Ценность публичных библиотек также претерпевает изменения в периоды социально-экономических кризисов, хотя библиотечное сообщество не располагает надежным инструментарием измерения ценности библиотечной услуги в такие периоды деятельности библиотеки. Зачастую подобная оценка носит весьма субъективный характер. В литературе отмечены попытки оценить стоимость оказанных библиотечных услуг в периоды военных действий, экологических катаклизмов. Но все эти попытки не завершились созданием четкой методологии определения ценности библиотечной услуги. Не существует такой лакмусовой бумаги, не существует такого теста, который мог бы точно определить ценность библиотечной услуги. Он и не может существовать, поскольку проблема определения ценности библиотеки имеет комплексный характер, каждый читатель – это уникальная во всех отношениях личность, измерение ценности конкретной библиотечной услуги имеет сущностный пространственный характер и характеризуется внешними условиями, в которых происходит измерение. Например, библиотековеды Великобритании определяют ценность публичных библиотек методами классической статистики. Это довольно часто может приводить к недооценке ряда внутренних и внешних факторов, влияющих на точность измерения [6, с. 5].

В рамках экономических наук определением ценности занимается научная дисциплина, которая носит название аксиология. Аксиология в современной философии рассматривается как философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений. Ученые-библиотековеды вносят некоторые специфические моменты в данное определение. Они считают, что в аксиологии присутствуют три основных аспекта: это несущественная ценность, системная ценность и сущностная ценность. Термин «ценность» употребляется во многих различных сочетаниях с различными категориями и понятиями науки,

например, частная ценность, эстетическая ценность, религиозная ценность, духовная ценность, этическая ценность. Отдельные авторы рассматривают как экономическую ценность, так и социальную ценность.

В зарубежных библиотеках измерение ценности проводят сами читатели, опровергая ложное расхожее мнение о бесплатном характере библиотечных услуг. В арсенале исследователей экономической ценности библиотек такие подходы, как оценка условных затрат, анализ затрат и расходов (в Российской Федерации последний используется в «Методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов» Министерства экономического развития и торговли РФ), выигрыш потребителя, анализ входных и выходных данных, а также система расчета полезности библиотеки, которая используется в основном публичными библиотеками США и некоторыми публичными библиотеками Великобритании.

Одновременно с расчетами экономической ценности библиотеки в зарубежном библиотековедении проводится расчет социальной ценности. Она измеряется качественными методами, в их числе – соотношение выходных параметров и влияния на жизненные параметры отдельных членов общества и общества в целом (например, улучшение самооценки, удовольствие, получаемое от чтения книг, стремление к улучшению условий жизни); смешанные методы оценки, которые представляют собой одновременное использование количественных и качественных методов оценки; матрица оценки качества работы публичной библиотеки, которая разработана совместными усилиями Государственной библиотеки Шотландии и Совета по информационной науке Шотландии специально для публичных библиотек страны.

Следует заметить, что многие зарубежные библиотековеды не разделяют понятия «измерение ценности» и «измерение эффективности» библиотеки. В их представлении это синонимичные категории. Отдельные исследователи, причем очень известные в мировом библиотечном сообществе, а также ИФЛА, например, немецкий библиотековед Roswitha Poll из библиотеки Мюнстера, считают, что измерение эффективности библиотеки означает измерение эффективности оказания услуги своему читателю. Причем впоследствии Roswitha Poll проявила научное мужество и принципиальность, отказавшись от некоторых суждений в области оценки деятельности современных библиотек, и приняла концепцию финансового менеджмента деятельности библиотеки, что было отражено в ее монографии [5]. Пристальное внимание зарубежных библиотековедов к вопросам эффективного ведения библиотечной деятельности трансформировалось только за последние пятна-

дцать лет в разработку и внедрение многочисленных схем или моделей оценки эффективности библиотечной деятельности, таких как Annual Library Plans (1998), Public Library Standards (2001), Public Library Position Statements (2002), Public Library Service Standards (2004), Cultural and Community Services Indicators (Scotland-only, 2007), Public Library Quality Improvement Matrix (PLQIM) (Scotland-only, 2007) и Comprehensive Area Assessments (CAA). Во всех перечисленных схемах можно выделить два основных термина, которыми оперируют библиотекведы Великобритании для обозначения индикаторов эффективности: производительность (output) и результат (outcome). Как правило, исследователи соотносят эти категории с уровнем входных параметров, уровнем затраченных ресурсов или вложенных инвестиций, что позволяет им определить финальную ценность исследуемого продукта. Статистический материал, полученный при обработке этих категорий, позволяет получить более-менее точную картину состояния целого социально-экономического сектора (в данном случае – библиотечного сектора государственной экономики), а также сектора частных библиотек. Эти цифры дают возможность проводить аналитическое сравнение результатов, подтверждают необходимый уровень оказания библиотечных услуг, обеспечивают библиотеке возможность организовывать диалог с читателем и обсуждать проблемы повышения уровня обслуживания.

Количественные оценки эффективности работы библиотек предполагают применение математических моделей в проведении библиотечных исследований. Математические модели всегда рассматриваются в библиотечном сообществе как солидные и надежные методы научных исследований. Конечным результатом количественных методов исследования всегда предстает цифровой массив, обработанный статистическими методами. Эти данные легко интерпретировать в виде специальных статистических таблиц или диаграмм. Эти выходные данные в библиотечном сообществе представляются более наглядными и надежными, если в них интерпретируются такие понятные непрофессионалам в поле экономики, статистики и математики величины как затраты и выгоды. Эти понятия широко используются при исследовании тех или иных аспектов деятельности публичных библиотек. Отдельные зарубежные библиотековеды высказывают мнение, что подобные методы исследования применялись в секторе публичных библиотек начиная с 1961 года, в том числе так называемый «метод измерения по определению» использовался Департаментом муниципального казначейства Великобритании. Сегодня он носит название «библиотечная отчетность

Королевского института государственных финансов и бухгалтерского дела».

Таким образом, исследование состояния публичной библиотеки тесно смыкается с бухгалтерской практикой, которая привносит в эту отрасль свои специфические подходы и методы оценки.

Одной из разновидностей метода оценки публичных библиотек служит ежегодный статистический отчет о деятельности публичных библиотек, подготавливаемый Общественным институтом сертифицированных аудиторов Великобритании. Несмотря на свою сравнительно легкую возможность применения и апробированность в проведении социальных исследований и государственной отчетности, метод аудита встречает возражения ряда зарубежных библиотековедов. Количественные показатели пользования библиотекой и качественные показатели эффективности ее работы, по мнению Poll и Voekhorst, не являются индикаторами удовлетворенности пользователей услугами библиотеки [3, 4]. Определение степени влияния библиотеки на деятельность читателя или другими словами показатель результативности библиотеки означает новый этап в применении теоретических разработок измерения эффективности социальных услуг. Аудит деятельности библиотек не дает возможности определить эту результативность – он позволяет лишь на основе статистического материала зафиксировать степень выполнения услуги читателю в пределах системы «библиотека-читатель». Безусловно, такие статистические показатели имеют существенное значение для управленцев библиотек в планировании расходов по обеспечению деятельности библиотеки, другими словами, для построения бюджета библиотеки как в рамках отдельной библиотеки, так и на более высоких иерархических уровнях управления. Тем не менее с помощью этих показателей эффективности невозможно определить, какими бюджетными средствами располагают публичные библиотеки благодаря финансовой поддержке своих учредителей. Также невозможно с их помощью учесть различия в географическом положении учредителей библиотек и определить вклад библиотек в социально-экономический потенциал общества.

Другим количественным методом оценки является заимствованный из теории инвестиций метод рентабельности инвестиционных вложений, а также метод затрат-эффективности (*cost-effectiveness*).

Многие зарубежные библиотековеды считают, что именно этот метод, заимствованный из теории финансового менеджмента, способен оказать существенную поддержку в ряду доказательств полезности и нужности публичной библиотеки для общества. При этом основная до-

казательная линия строится не на статистических выкладках, а на исключительно экономических терминах и расчетах. В последние два десятилетия данный метод и его различные варианты получили достаточно широкое распространение в среде практиков библиотечного дела.

Отдельно от перечисленных экономических методов оценки следует выделить подход публичной библиотеки города Сент-Луис. Эта библиотека – крупнейшая в штате Миссури (США): ее фонды насчитывают более 2,7 млн томов, она располагает 16 филиалами. Основная идея этого подхода заключается в расчете выгоды, которую получают налогоплательщики от вложенных в библиотеку бюджетных денег. Этот подход постоянно используется библиотекой для определения эффективности ее работы. Механизм действия данного подхода – это тема отдельного исследования и самостоятельной публикации. Упомянем только, что аналогичной системой расчетов пользуется Британская Библиотека [6].

Значительное место среди методов определения ценности библиотеки занимают качественные методы, которые тесно смыкаются с проведением социальных исследований. В последнее время прослеживается тенденция применения гибридных подходов к определению стоимости библиотеки, которые объединяют как количественные, так и качественные методы анализа.

Отчетливо прослеживается стремление зарубежных исследователей создать универсальную комплексную систему оценки деятельности публичной библиотеки. Но о результатах такой работы говорить преждевременно. Можно говорить о стоимости или ценности библиотеки для общества не в прямом, а в переносном смысле. Это тот вклад, который библиотеки добавляют в социально-экономический и духовный потенциал общества. В отдельных случаях возможна количественная оценка этого вклада при помощи имеющихся в наличии подходов к определению эффективности работы некоммерческих организаций и государственных учреждений. Но она скорее нужна не столько самим библиотекарям и библиотековедам, сколько для организаций-учредителей в рамках современных рыночных отношений, а также прямых критиков концепции вечного существования библиотеки в цивилизованном обществе, подвергающих сомнению полезность библиотеки. В этом аспекте возможно заменить термины «ценность» или «стоимость» библиотеки термином «полезность».

Список использованных источников

1. Романов, П. С. *Эффективность работы зарубежных библиотек: методы расчета и оценка : монография / П. С. Романов.* – М. : Россельхозакадемия. – 2008. – 262 с.
2. Imholz, S., Arns, J. W. *Worth Their Weight: An assessment of the evolving field of library valuation. Americans for Libraries Council.* – 2007 [Электронный ресурс]. – URL: www.bibliotheksportal.de/fileadmin/0themen/Management/dokumente/WorthTheirWeight.pdf.
3. Poll, R. *Measuring Quality: Performance Measurement in Libraries. 2nd edition / R. Poll, P. Boekhorst.* – IFLA Publications : The Hague, 2007. – 267 p.
4. Poll, R. *Bibliography: Impact and Outcomes of Libraries. IFLA. 2007* [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.ifla.org/VII/s22/Impact_and_outcome_of_libraries_07-12-01.pdf.
5. Poll, R. *Financial management in libraries / Roswitha Poll, Phillip Ramsdale, Michael Hansen.* – American Libraries Association, Facet Pub. – 2012. – 192 p.
6. Rooney-Browne, Ch. *Methods for demonstrating the value of public libraries in the UK: a literature review / Ch. Rooney-Browne // Library and Information Research. University of Strathclyde, 2011.* – Vol. 35, N. 109. – 39 p.

**Публичная библиотека как фактор формирования
социального капитала**

Волженина Светлана Юрьевна,
заместитель директора по научно-методической деятельности
Государственной библиотеки Югры, к. п. н., Ханты-Мансийск

Введение

Общественные науки сегодня для объяснения влияния культуры на социально-экономическое развитие часто используют концепцию социального капитала [10, 13]. Понятие, введенное П. Бурдьё в 1980 году для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод, в дальнейшем значительно обогатилось представителями разных наук: социологами, экономистами, политологами и психологами (хотя в авторской концепции социальный капитал рассматривался только как групповой ресурс). Общепринятая в настоящее время структура понятия была предложена Р. Патнэмом и включает, помимо

социальных связей, социальные нормы и доверие, которые являются индивидуальным, а не групповым ресурсом.

Тем самым социальный капитал пронизывает все уровни социально-экономической системы: макроуровень, микроуровень, мезоуровень (модель структуры социального капитала И. М. Мачеринскене, Р. В. Минкуте-Генриксон, Ж. Й. Симанавичене).

Рис. 1. Модель структуры социального капитала

Многочисленные исследования продемонстрировали корреляцию крайне медленно меняющихся характеристик обществ (наций), входящих в структуру социального капитала, и социально-экономических показателей стран. Всемирное исследование ценностей (2005–2007 гг.) определило наибольшее значение показателя уровня доверия – 74 % – в стране, занимающей первое место по интегральному показателю Индекса человеческого развития – Норвегии.

Использование в понятии слова «капитал» обосновывается его способностью сохраняться и накапливаться. Ярким примером, подтверждающим историческую обусловленность социального капитала, являются результаты исследования черты оседлости в Российской империи (результаты опросов жителей современной России, Украины, Литвы, Латвии, Белоруссии и Молдавии, живущих на территории исторической черты оседлости, – линии на карте, по одну сторону которой (западную) евреям, которые стали подданными российской короны после очередного раздела Польши, разрешалось селиться. Несмотря на то, что этнический состав населения по обе стороны черты оседлости сегодня абсо-

лютно идентичен (евреи либо погибли во время Холокоста, либо уехали), культурные различия очень отчетливые: по западную сторону люди менее демократичны, менее либеральны, но сильнее доверяют друг другу) [12].

РФ по уровню доверия занимает невысокие позиции (27,4 %), как и по показателю Индекса человеческого развития (50 место). По мнению многих исследователей (А. Белянин, А. Аузан) в России слом доверия произошел в 1990-е годы («разрушение доверия, скорее всего, произошло очень быстро, за один-два года, в 1991–1993 годах, между двумя путчами. Этого времени с запасом хватило, чтобы люди поняли: теперь другая жизнь, другая страна, другая ситуация, и полагаться надо преимущественно на себя, а не на ближнего своего») [2].

Интересным представляется оценка уровня доверия граждан к социальным институтам государственного устройства. По данным отчета по международному исследованию уровня доверия (GfK, 2011 г.), в России наибольшее доверие у ее граждан вызывают церковь (1 место), армия (2 место), 3-е делят СМИ и Интернет [3]. Если говорить о профессиях, то в большей степени (82 %) россияне доверяют работникам почты. Общемировые лидеры: работники пожарной охраны, врачи (1 место); работники почты и учителя (2 место). Очевидно, что во всем мире среди институтов и представителей институциональных структур, вызывающих доверие, отсутствуют библиотеки и библиотечные работники.

Библиотеки и социальный капитал

В то же время жизненно важным является понимание сотрудниками библиотек механизмов формирования доверия (к библиотеке как социальному институту) и участия библиотек в накоплении социального капитала (лучшие библиотеки в мире созданы и работают в странах с высоким Индексом человеческого развития, который отражает и состояние социально-экономической системы государств). Однако, такие категории отечественным библиотечным сообществом не исследуются и практически не используются (далеким от социально-экономической трактовки понятия) [7].

В контексте данной позиции в настоящей публикации будет сделана попытка ответить на следующие вопросы:

1. Вызывает ли библиотека как социальный институт доверие?
2. Является ли библиотека социальным институтом, участвующим в формировании общественных норм и доверия в обществе?

3. Является ли библиотека социальным институтом, участвующим в социальных сетях и формирующим социальные сети?

Для ответа на данные вопросы следует, с нашей точки зрения, рассмотреть такие аспекты функционирования библиотеки, как ее восприятие обществом (на котором базируется доверие к социальному институту), социальная зрелость (определяющая участие в формировании норм и доверия в обществе) и социальные функции (формирование социальных сетей). В то же время рассматривать указанные аспекты следует в совокупности, учитывая их взаимообусловленность, что подтверждают слова Э. Дюркгейма: «доверие и сотрудничество возникает в результате того, что поведение другого человека становится предсказуемым, людей объединяют общие ценности и нормы».

Однако рассмотрим отдельно каждую составляющую социального капитала. По П. Штомпке, доверие включает: ответную доверительность (результат оценки того, заслуживает ли ваш оппонент доверия), основное доверие (свойство личности, обычно создаваемое в детстве и последующих взаимоотношениях с окружающими), культуру доверия (связана с историческим опытом, традициями доверия и современной атмосферой доверия в обществе). Очевидно, что библиотека в своей повседневной работе может, наряду с семьей, формировать качество доверительности, воспитывать культуру доверия, толерантность. И, в какой-то степени, библиотека с этой задачей работает (в сфере межнациональных отношений, формировании толерантности), однако неочевидно, основана ли эта работа на глубоком понимании такого сложного психологического понятия, как доверие, и педагогическом умении его воспитания.

Участие в формировании норм (правил) – еще более сложная задача, исходя из того, что это самые трудноизменяемые институциональные структуры, которые имеют глубокие исторические корни. В институциональной экономике иначе они называются надконституционными правилами, включают неформальные правила, ценности, религиозные представления и т. д. – то, что формирует нацию, национальные особенности. Мало того, при решении этой задачи возникает масса наиболее сложных вопросов: какие нормы библиотека должна транслировать, кто будет определять те ценности, которые следует «внедрять» в общественное сознание? Это не роли библиотеки – однако чьи?

В дореволюционной России такие надконституционные правила были сформулированы графом С. Уваровым («Самодержавие. Православие. Народность»); в современной России идут нескончаемые поиски национальной идеи. Важность «обнаружения» надконституционных правил объясняют неохумптерянцы, которые считают, что стать ус-

пешной страной (выйти на путь социально-экономического развития) можно только отказавшись от надконституционных правил. Однако необходимо их «обнаружить».

Среди многочисленных попыток выявить национальные особенности русской нации есть «версия» А. А. Аузана, который предлагает следующие национальные особенности русских: креативность, неуважение к стандартам; недоговороспособность; культура – национальное достояние, но не повседневная практика [1]. Экономист утверждает, что важным в изменении вектора развития страны является развитие общества потребления, что сформирует более рационального, экономически образованного гражданина, уважающего законы и нормы. Если исходить из данной теории, библиотекам стоит обратить внимание на формирование грамотного потребителя, культуры потребления, финансовой, экономической, правовой грамотности, обучение договороспособности и воспитание повседневной, а не высокой культуры.

Следует обратить внимание на то, что эти ценности в большей степени относятся к индустриальному этапу развития общества, на котором у граждан на первый план выходят обеспечение безопасности и экономические накопления. В то время как ценности граждан более развитых государств носят более «общественный характер», их волнуют качество жизни, проблемы экологии, культуры [9].

В той или иной степени библиотеки этим занимаются, так же как и участвуют в развитии и поддержании социальных сетей. Исходя из основных характеристик социальных сетей – горизонтальных взаимодействий, наличия длительных связей и прямого информационного обмена между субъектами, сокращения неравномерности владения информацией – важным фактором их развития является высокая гражданская культура, в формировании которой библиотеки также принимают участие, взаимодействуя с некоммерческими негосударственными организациями, создавая неформальные объединения и поддерживая волонтерское движение.

Оценивая участие библиотек в формировании социального капитала, следует еще раз признать, что работа ведется, вопрос в другом – системности и осмысленности этой деятельности.

Доверие общества к библиотеке

Попытаемся ответить на вопрос: вызывает ли сама библиотека как социальный институт доверие? Следует сказать, что многочисленные исследования доверия к социальным институтам не оценивали уровня доверия к библиотекам, что может быть следствием их незначительно-

сти в общественном сознании. По данным библиотековеда М. Ю. Матвеева, в нашей стране не проводились и исследования, оценивающие образ (имидж) библиотеки, что также позволило бы судить о доверии к библиотекам. Поэтому попытаемся косвенно оценить доверие к библиотекам.

Общероссийский опрос 2009 года оценивал факторы дифференциации доверия к различным государственным и социальным институтам [6]. Полученные данные позволили оценить уровень доверия к социальным институтам, к которым относятся и библиотеки, выше среднего и сформировать портрет наиболее лояльного гражданина – женщина с невысоким уровнем образования, проживающая в сельской местности.

Таблица 1

Данные о факторах дифференциации доверия к социальным институтам (2009 г.)

Характеристики доверия	Социальным институтам
Уровень доверия	Выше среднего
Возраст как фактор дифференциации	Волнообразные колебания
Гендер	Слабая обратная зависимость (у женщин выше)
Регион проживания	Существенная зависимость (самые высокие показатели – УФО)
Образование	Существенная обратная зависимость (выше у людей без среднего образования)
Уровень жизни	Существенная прямая зависимость (при высоком уровне доходов – выше)
Тип населенного пункта	В городах ниже, чем на селе

Однако такой глобальный уровень обобщения не дает повода к самоуспокоению. Мало того, проведенное нами изучение дискурса библиотеки в 2014 году позволило сделать выводы о сформировавшейся в библиотечном профессиональном пространстве высокой самооценке, закрытости и отсутствии стремления к диалогу [4]. Помимо этого, анализ показал то, что библиотеки воспроизводят образцы советского прошлого (что демонстрирует библиотечный дискурс, формы работы и т. д.). В то же время библиотековед М. Ю. Матвеев пишет о значительном влиянии закрытости библиотеки на ее имидж [11]. Исследователь М. А. Вахтина приводит дополнительные (помимо степени открытости)

критерии оценки институционального доверия: эффективность, человечность (справедливость) [3]. Готовы ли (и умеют ли) библиотеки доказать свою эффективность гражданам страны, получив взамен доверие?

В данном случае, в силу, с нашей точки зрения, вступает фактор социальной зрелости института (следует подчеркнуть, что понятие «социальная зрелость» принят в педагогике, психологии, но не в экономике, но, по нашему мнению, уместен по отношению к социальным институтам). Если социальная зрелость личности трактуется как ответственность, способность к активной жизни в обществе, эффективному использованию своих знаний и способностей, забота об окружающих людях, то зрелость социального института возникает на этапе зрелости его жизненного цикла – когда он реализует себя как активный, эффективный и ответственный участник социально-экономических процессов. Это означает, что библиотека, наряду с такими признанными «производителями» неформальных институтов, как семья и школа, берет на себя ответственность за формирование социального капитала общества. Отдельно следует подчеркнуть важнейшую роль в этом процессе детских, школьных и юношеских библиотек, учитывая, что изменения ценностей происходят с приходом новых поколений («formative years» по К. Мангейму).

Заключение

В завершение следует попытаться ответить на вопрос: есть ли сегодня запрос на такие социальные функции институтов, которые формируют социальный капитал? Ответить на него помогут исследования социологов, которые ставят диагноз российскому обществу – «постсоветский синдром», который, по оценке Н. Зубаревич, не будет преодолен в ближайшие 10–15 лет [8] (получим ли мы новое поколение, которое принесет новые ценности, и, следовательно, новый импульс развития страны?). В этом ключе, библиотеки, продолжающие воспроизводить образцы советского прошлого, тормозят социально-экономическое развитие страны. Л. Гудков характеризует такой уклад жизни, как «антимодернизм» – смесь опыта существования и инерции советского образа жизни [5].

Именно поэтому сотрудникам библиотек необходимы не только профессиональные знания, но и обширные социально-экономические, которые позволяют вывести библиотеки на уровень социальной зрелости и участвовать в важнейших социально-экономических процессах, в частности – формировании социального капитала.

Список использованных источников

1. Аузан, А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / А. А. Аузан. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 160 с.
2. Белянин, А. В. Доверие в экономике и общественной жизни / А. В. Белянин, В. П. Зинченко. – М. : Либерал. миссия, 2010. – 164 с. – Сведения доступны также по Интернету: http://www.liberal.ru/upload/files/Doverie_v_ekonomot.pdf (дата обращения: 24.10.2016).
3. Вахтина, М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности / С. Ю. Волженина // Журнал институциональных исследований. – 2011. – Том 3, № 3. – С. 57–65. – Сведения доступны также по Интернету: http://hjournal.ru/pdf/JIS_3_3_2011/JIS-3.3-5.pdf (дата обращения: 15.10.2016).
4. Волженина, С. Ю. Дискурс библиотеки: институциональный и бытийный аспекты / С. Ю. Волженина // Библиотечное дело. – 2014. – № 19. – С. 30–34.
5. Гудков, Л. Социальный капитал и идеологические ориентации / Л. Гудков // Pro et Contra. – 2012. – Май-июнь. – С. 6–31.
6. Давыденко, В. А., Ромашкин, Г. С. Факторная структура параметров личностного и институционального доверия в современной России [Электронный ресурс]. – URL: <http://neweconomist.ru/wp-content/uploads/2013/01/a62.pdf> (дата обращения: 30.10.2016).
7. Иванова, Е. В. Проектная деятельность как эффективный инструмент построения системы доверия / Е. В. Иванова // Методическая служба современной публичной библиотеки: от теории к практике. – СПб., 2014. – С. 116–122.
8. Зубаревич, Н. Четыре России отменяются [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.novaya-gazeta.ru/articles/2014/12/20/62443-natalya-zubarevich-chetyre-rossii-otmenyayutsya> (дата обращения: 04.10.2016).
9. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–32.
10. Лебедева, Н. М. Культура как фактор общественного прогресса / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : Юстицинформ, 2009. – 408 с. : рис., табл.
11. Матвеев, М. Ю. Имидж библиотеки и «вечные» проблемы библиотечной профессии / М. Ю. Матвеев // Вестник СПбГУКИ. – 2004. – № 1. – С. 12–28. – Сведения доступны также по Интернету: <http://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-biblioteki-i-vechnye-problemy-bibliotечноy-professii> (дата обращения: 12.10.2016).

12. Полищук, Л. *Исторические корни социального капитала* [Электронный ресурс]. – URL: <https://post-nauka.ru/video/65827#> (дата обращения: 20.10.2016).

13. Фукуяма, Ф. *Социальный капитал* / Ф. Фукуяма // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* – М., 2002. – С. 129–148.

Сравнительная оценка моделей сбалансированной системы показателей

*Дрешер Юлия Николаевна,
директор Республиканского медицинского
библиотечно-информационного центра
Республики Татарстан, Казань;*

*Косолапова Евгения Александровна,
заведующая сектором координации деятельности подразделений
в системе менеджмента качества отдела качества
Республиканского медицинского библиотечно-информационного центра
Республики Татарстан, Казань*

Введение

Как известно, основная деятельность организации определяется такими категориями, как стратегия, миссия и видение. Реализуемость стратегии закладывается на этапе разработки. Для того чтобы стратегия работала, она должна быть:

сфокусированной – вытекать из достижения целей организации, миссии и ценности учреждения, видения, реализации видения (создание потенциала, определение условий и ограничений, достижение социальных целей, стоимостных целей, материальных целей);

дифференцированной – направленной на достижение потребительских ценностей целевых сегментов клиентов, развитие производства продукции и/или освоение новых рынков;

формализованной – превращать бизнес-идеи, имеющиеся у заинтересованных сторон и руководителей компании, в сбалансированную и реализуемую стратегию развития.

Систем реализации и контроля стратегии организаций много, но наиболее эффективной и практически используемой на сегодня является сбалансированная система показателей (ССП). ССП как стратегический инструмент характеризуется тем, что все действия организации

взаимоувязаны, имеют четкие индикаторы, которые показывают, как осуществляется план, какими темпами идет достижение целей.

Библиотеки, как и все другие организации, также имеют свои стратегические планы, но механизм реализации на основе ССП для информационно-библиотечной деятельности, как показывают исследования, не проработан, а точнее – отсутствует.

Выявление основных методов (подходов) реализации стратегических планов и обеспечение качества информационно-библиографической продукции и услуг требуют анализа как существующих, так и моделей ССП в ретроспективном аспекте в условиях действующей системы менеджмента качества. Сбалансированная система показателей рассматривается как стратегический инструмент обеспечения устойчивого развития информационно-библиотечной деятельности, направленный на достижение оптимальной сбалансированности социальных, производственных, научно-практических факторов, обеспечивающих библиотечное производство и должный компромисс между существующими приоритетами.

Среди подходов к созданию сбалансированной системы показателей (моделей) выделяются следующие авторские точки зрения: Р. Каплана и Д. Нортон [1–3]; Х. Фридага и В. Шмидта [4]; Н. Горана, Ж. Роя и М. Веттера [5]; Х. Рамперсада [6], П. Р. Нивена [8].

Несмотря на многообразие форм ССП, все они основываются на шести обязательных функциональных элементах. Среди них: перспективы – компоненты, обеспечивающие декомпозицию стратегии с целью ее реализации; стратегические цели – направления осуществления стратегии; показатели – определенные действия, необходимые для достижения целей; целевые значения – количественные выражения уровня, которому должен соответствовать показатель; стратегическая карта – график, отражающий причинно-следственные связи между отдельными стратегическими целями; стратегические инициативы – проекты или программы, способствующие реализации выбранных ориентиров [1, 2, 5, 7, 8].

На практике существует большое многообразие форм сбалансированной системы показателей, способствующих преобразованию стратегий в конкретные действия. Принципиальные различия подходов определяются следующими критериями: формат участия производственных единиц в разработке и внедрении стратегии; формат представления самой стратегии; процесс каскадирования (декомпозиции) ССП; очередность этапов построения системы показателей [8].

Различия в практическом применении сбалансированной системы показателей основываются на трех критериях [8]:

1. Каким образом сбалансированная система показателей интегрируется в стратегию организации?
2. Каким образом сотрудники участвуют в разработке и внедрении стратегии?
3. Как интегрировать сбалансированную систему показателей в общую деятельность и отчетность компании?

Далее рассмотрим особенности некоторых подходов к реализации ССП.

Данный подход к построению сбалансированной системы показателей связан с Р. Капланом и Д. Нортон – родоначальниками данной концепции. Отправной точкой, согласно их методологии, являются: миссия организации, базовые ценности, видение и стратегия, которая описывает ее «программу», а сбалансированная система показателей – ее реализацию. Цели заинтересованных сторон согласуются с общими целями. Цели сотрудников, в соответствии с занимаемыми ими должностями, подчинены целям организации. Осознание общности целей облегчает перевод миссии учреждения в конкретные задачи отдельных исполнителей. Наряду с этим Р. Каплан и Д. Нортон подчеркивают, что «...приведение индивидуальных целей и задач в соответствие с общей концепцией и стратегией... – процесс длительный и сложный» [1, с. 183]. В связи с этим они предлагают использовать для этих нужд несколько взаимосвязанных механизмов: а) информационные и образовательные программы; б) программы постановки целей; в) взаимосвязь системы вознаграждения со стратегией учреждения.

В центре внимания данной методологии находится финансовый капитал. Его увеличение – самая главная цель, а финансовая перспектива, соответственно, самый верхний уровень иерархически организованной сбалансированной системы показателей.

Клиентская перспектива определяет предложения, представленные на рынке и обладающие необходимой ценностью.

Перспектива внутренних бизнес-процессов обеспечивает создание добавленной стоимости и включает все виды деятельности.

Нижний уровень представляет перспектива обучения и развития сотрудников. Она определяет нематериальные ценности, необходимые для подъема производственной деятельности и взаимоотношений с клиентами на более высокий уровень.

В данном подходе финансовые и нефинансовые индикаторы интегрируются с учетом причинно-следственных связей между результирующими показателями и ключевыми факторами, под влиянием которых они формируются [1].

Анализируя процедуру построения ССП в рамках подхода Каплана – Нортонa, мы видим, что формирование общекорпоративной системы показателей осуществляется преимущественно в одностороннем порядке, является обязанностью ведущих сотрудников и высшего руководства организации.

Концепция Р. Каплана и Д. Нортонa была развита Х. Фридагом и В. Шмидтом. Эти авторы ставят в центр внимания интеллектуальный капитал, под которым понимается сумма духовных и материальных потенциалов (возможностей и способностей) в распоряжении организации. Этот потенциал имеют: сотрудники (речь идет о знаниях и навыках сотрудников, а также культуре общения); партнеры (способ установления взаимоотношений и общения с партнерами – клиентами, поставщиками, инвесторами, доступ к их знаниям и навыкам); кроме того, потенциал содержится в структурах организации (машины, оборудование, материалы, средства связи и организационные структуры); в общественных ресурсах, используемых организацией (например, системе образования, Интернете или окружающей среде) [4].

Согласно подходу Фридага – Шмидта, личные цели участников становятся отправной точкой функционирования ССП учреждения. Базовые ценности и личные цели посредством достигнутых договоренностей приводят к установлению взаимопонимания между всеми заинтересованными сторонами по общим ориентирам, стратегическим темам, а также в области развития потенциалов учреждения, обеспечивающих реализацию выбранных направлений концепции развития организации [4].

Процесс построения ССП в рамках подхода Фридага – Шмидта в основном включает семь этапов, соответствующих позициям всех заинтересованных сторон. При их реализации неизменным остается положение «расходы не должны превышать доходы».

Итоговым результатом этих этапов, безусловно, является формирование единого направления действий, когда каждый несет персональную ответственность за совместно выработанные, согласованные стратегические проекты, направленные на общую цель, предполагающую долговременную успешную деятельность организации.

Из сказанного следует, что процесс каскадирования ССП (согласно подходу Фридага – Шмидта) до уровня отдельных партнеров (в нашем случае – подразделений) не предполагается.

Основная особенность данного подхода – то, что не требуется создания иерархических структур, подчиненных целям участников: подход

базируется на учете интеллектуального потенциала организации и личных ССП сотрудников.

На наш взгляд, отсутствие иерархии перспектив, как в подходе Каплана – Нортон, является недостатком данной модели, т. к. затрудняется контроль за деятельностью организации.

Третий подход к построению ССП связан с именем доктора философии Х. Рамперсада [6], который разработал и предложил научному сообществу новую, целостную концепцию управления развитием и переменами, называемую универсальной системой показателей (Total Performance Scorecard – TPS). Ее можно определить как систематический процесс непрерывного, последовательного и регулярного совершенствования, развития и обучения, направленный на устойчивый рост результатов деятельности сотрудников и организации.

Данный подход является дальнейшим развитием подходов Фридага – Шмидта и Каплана – Нортон. Во-первых, точкой отсчета считаются цели личности и восприятие человеком своей собственной индивидуальности: «Действительно, если целям личности придается первоочередное значение, сотрудничество людей будет более осознанным, они будут лояльны и преданны организации, что, в свою очередь, усилит их мотивацию и вселит чувство удовольствия и вдохновения от выполняемой работы» [6, с. 15]. Этот этап автор считает жизненно необходимым «...для достижения устойчивого организационного и стратегического развития» [6, с. 31], поскольку способствует максимизации уровня ответственности и преданности персонала. При этом заметим, что в данном направлении Х. Рамперсад продвинулся несколько дальше, чем Х. Фридаг и В. Шмидт. Если последние не настаивают на создании личной ССП, то в концепции Х. Рамперсада она занимает одно из ведущих мест. В личной ССП акцент сделан на «...личной жизни человека, его психологических установках, навыках и поведении в обществе» [6, с. 127]. Личная ССП работы воспринимается как часть профиля компетенций заинтересованных лиц, где внимание сосредоточено на выполнении ими заданий на конкретном рабочем месте. Во-вторых, этапы разработки и формат представления ССП учреждения идентичен варианту Р. Каплана и Д. Нортон.

Автор определяет свою систему как «систематический процесс непрерывного, последовательного и регулярного совершенствования, развития и обучения, который направлен на устойчивый рост результатов деятельности сотрудников и организации. Совершенствование, развитие и обучение – три базовые составляющие данной целостной теории менеджмента. Они тесно связаны друг с другом, между ними должен

поддерживаться баланс» [6]. Данная концепция представляет собой синтез тесно связанных друг с другом концепций менеджмента, вместе создающих единое и гармоничное целое.

Согласно подходу Х. Рамперсада, при формировании ССП соблюдается следующая иерархия: на первом, стратегическом уровне разрабатываются личные ССП для высшего руководства учреждения; на тактическом – личные ССП для прочих участников производственных отношений и ССП. На наш взгляд, такая процедура является достаточно сложной и негибкой. Более того, от каждого подразделения требуется постоянный самоанализ своей жизни, психологических установок, их фиксация и пр.

Система сбалансированных показателей Д. Парментера. Опираясь на классическую ССП, Д. Парментер предлагает дополнить ее двумя перспективами: «удовлетворенность сотрудников» и «окружающая среда / сообщество».

Автор модели считает, что «наличие отдельной составляющей, посвященной удовлетворенности работников, позволяет сделать акцент на важности оценки таких ключевых факторов мотивации, как частота и регулярность признания заслуг персонала».

Составляющая «окружающая среда / сообщество» поможет отделу управления человеческими ресурсами в создании актива первостепенной важности – образа привлекательного работодателя. Кроме того, исключительно высоко ценятся устойчивые долгосрочные связи с сообществом как на региональном, так и на государственном уровне.

Особенностями ССП по Д. Парментеру являются: концентрация внимания на ключевых показателях эффективности; четкое разделение показателей результативности, производственных показателей. Недостатком данной модели, по нашему мнению, является большое количество показателей каждого вида [9].

Модель стратегических карт Л. Мейселя. В целом модель стратегических карт Л. Мейселя почти не отличается от модели Р. Каплана и Д. Нортон. В рамках сравнения оценке подлежат инновационная деятельность, обучение и подготовка персонала, совершенствование продукции, формирование базисной компетенции фирмы и корпоративной культуры.

Л. Мейсель утверждает, что менеджеры обязаны уделять первостепенное внимание эффективности деятельности организации в целом, так и ее сотрудников, должны уметь ее оценивать. Поэтому вместо аспекта обучения и экономического роста Мейсель использует более широкое понятие – аспект трудовых ресурсов.

И наконец, рассмотрим еще одну концепцию – П. Р. Нивена, который определил принципы создания ССП для государственных и неприбыльных организаций [8]. Основными признаками, отличающими его подход от подхода Каплана – Нортон, являются:

1. Миссии отведена главенствующая роль в системе. Если представить систему в графическом виде, миссия займет свое место на ее вершине. Она обеспечивает ориентацию на клиентов организации, а не на лиц, заинтересованных в ее финансовом успехе.

2. Финансовые показатели не являются самоцелью государственной организации, хотя и осуществляется отчетность по рациональному распределению средств. Финансовые показатели лучше всего рассматривать либо как движущие силы успешного обслуживания клиентов, либо как ограничения, в рамках которых должна работать организация.

3. Стратегия сохраняет свое положение в центре сбалансированной системы показателей. После разработки стратегии сбалансированная система показателей становится механизмом ее эффективного преобразования и реализации.

4. Клиентская перспектива располагается в верхней части сбалансированной системы показателей, поскольку миссия государственной организации направлена на потребителей, на то, как лучше всего удовлетворять их требования.

5. Внутренние процессы способствуют созданию стоимости, удовлетворяющей клиентов. Секрет успеха сбалансированной системы показателей заключается в отборе и оценке именно тех процессов, которые ведут к улучшению результатов для клиентов, а в итоге позволяют работать над выполнением миссии.

Анализ рассмотренных подходов позволяет сформулировать достоинства и недостатки основных моделей ССП (табл. 1) с точки зрения разработки данной системы для организации, производящей информационно-библиографическую и издательскую продукцию, предоставляющей информационно-библиотечные услуги в рамках государственного заказа (бюджетные организации) и работающей в условиях сертифицированной системы менеджмента качества. Экстраполяция результатов исследования возможна с учетом того, что анализировалась работа бюджетной организации, предоставляющей информационно-библиотечные услуги, численностью состава до 100 человек и не имеющей дочерних организаций.

Таблица 1

Достоинства и недостатки некоторых моделей (подходов к работе) сбалансированной системы показателей

Достоинства	Недостатки	Пояснения
Подход Р. Каплана и Д. Нортонa		
<p>Формирование миссии, видения, политики в области качества и общекорпоративной системы показателей осуществляется в одностороннем порядке высшим руководством учреждения – отражает основную концепцию ИСО 9001:2015 (раздел 5 «Лидерство» и раздел 6 «Планирование»). Традиционная структура ССП легко модифицируется и может быть дополнена другими важными перспективами. Концентрированность и качество предоставления информации по выбранным перспективам</p>	<p>Ориентация на финансовую составляющую деятельности</p>	<p>Это противоречит формату бюджетной организации</p>
Подход Х. Фридага и В. Шмидта		
<p>1. В центре внимания – интеллектуальный капитал. 2. Движущей силой развития служит уже не финансовый капитал, а знания и умение его использовать. 3. Не требуется иерархизации структур. 4. Нет методических различий для сбалансированной системы показателей коммерческих и некоммерческих организаций. 5. Необходимость обсуждать стратегические цели. 6. Готовность разделить ответственность. 7. Сбалансированное вовлечение всех действующих лиц. 8. Достижение прозрачности благодаря показателям</p>	<p>1. Личные цели, как правило, не согласуются со стратегическими целями организации</p> <p>2. Процессы в бюджетной организации – не бизнес-процессы; в ССП и прочих новшествах персонал не заинтересован ни в материальном, ни в социальном плане, т. к. все определяется бюджетом, за рамки которого организация выйти не может. Отсюда и барьеры, и нежелание что-либо изменять</p>	<p>Личностная ССП не может служить отправной точкой формирования ССП бюджетного учреждения</p> <p>Данный подход не даст для бюджетного учреждения положительных результатов, особенно в условиях ориентации организации на качество. Здесь необходима поддержка правительства (местного, регионального, национального и т. п.)</p>

	3. Концепция «открытых структур»	Бюджетное учреждение работает по госзаданию; кроме того, технологические процессы регламентированы и не допускают никакой самодеятельности и требуют измерения
Подход Х. Рамперсада		
Систематические процессы непрерывного, последовательного и регулярного совершенствования, развития и обучения тесно связаны друг с другом – это соответствует требованию международного стандарта ИСО 9001:2015 (раздел 7 «Средства обеспечения» и раздел 10.3 «Постоянное улучшение»)	Ориентация на финансовую составляющую деятельности	Это противоречит формату бюджетной организации
	Формулирование личной ССП сотрудников является обязательной процедурой	Процедура является достаточно сложной и негибкой, не обеспечивает достижения миссии и целей бюджетной организации
Система сбалансированных показателей Д. Парментера		
Концентрация внимания на ключевых показателях эффективности; четкое разделение показателей результативности, производственных показателей	Ориентация на финансовую составляющую деятельности	Большое количество показателей каждого вида, направленных на формирование основных финансовых показателей деятельности
Модель стратегических карт Л. Мейселя		
Выделение отдельной проекции трудовых ресурсов, включающей: инновационную деятельность, обучение и подготовку персонала, совершенствование продукции, формирование базисной компетенции фирмы и корпоративной культуры – это соответствует положениям раздела 10.3 «Постоянное совершенствование», раздела 7.1.2 «Человеческие ресурсы»,	Ориентация на финансовую перспективу организации	Повышенная трудоемкость использования системы

раздела 6.2 «Компетентность», раздела 8.6 «Выпуск продукции и услуг» международного стандарта ИСО 9001:2015		
Подход П. Р. Нивена		
ССП для государственных и не- прибыльных организаций	Не учитывает такие аспекты, как интеллек- туальный капитал ор- ганизации, процесс не- прерывного, последо- вательного и регуляр- ного совершенствован- ия, развития и обуче- ния, четкое разделение показателей эффектив- ности, результативно- сти и производствен- ных показателей	Не соответствует требованиям раз- делов 7.1.6 «Зна- ния организации»; раздела 10 «Улуч- шения»; разделов 7.2, 7.3 «Компе- тентность, осве- домленность»; раз- дела 9 «Оценка ре- зультатов деятель- ности» междуна- родного стандарта ИСО 9001:2015

Анализ рассмотренных моделей ССП показал, что в представленной их совокупности для информационно-библиотечной деятельности наиболее подходит модель П. Р. Нивена, отличающаяся стратегической направленностью и потенциальной жизнеспособностью. Но, на наш взгляд, необходимо учесть достоинства и других моделей, в частности, тех из них, в которых делается акцент на интеллектуальном капитале персонала организации. Это концепция Фридага – Шмидта, постулирующая положение о том, что количество перспектив может быть увеличено в зависимости от специфики деятельности учреждения.

Каждая из представленных концепций имеет свои преимущества, но не лишена и недостатков. Преимущество классической ССП состоит в ее целостности и системности, а недостаток – в недостаточном фокусировании на интеллектуальном капитале организации государственного и некоммерческого сектора, что важно для информационно-библиотечной деятельности.

Поскольку в условиях предоставления информационно-библиотечной услуги осуществляется межличностное и коммуникативное взаимодействие персонала с потребителем, необходимо выделить показатели эффективности управления персоналом в отдельный блок оценки, как это сделано в модели стратегических карт Л. Мейселя. Однако он включает инновации в человеческий капитал, а качество продукта – в перспективу бизнес-процессов, хотя более логичным и практически

применимым решением выглядит выделение двух различных аспектов оценки – «продукция и инновации» и «обучение и человеческий капитал».

Рассмотренные модели представляют собой многоаспектные системы управления эффективностью деятельности учреждения, позволяющие отслеживать, анализировать и регулировать критически важные стороны развития деятельности и добиваться максимального результата по направлениям, обеспечивающим ожидания потребителей в отношении качества продукции и услуг, а также устранение возникающих противоречий.

Основные положения проектирования концептуальной модели ССП информационно-библиотечной деятельности.

В нашем случае необходимо дополнить проекцию «потребитель» положением: «взаимоотношения с потребителями и партнерами» и ввести новые проекции: «средства обеспечения и знания организации», «процессы и система менеджмента качества», «лидерство и приверженность высшего руководства к совершенствованию и развитию». В проекции «потребитель» необходимо рассматривать аспекты, связанные со стратегическими партнерами. Введение этих дополнительных проекций соответствует процессу обеспечения устойчивого развития учреждения и отражает ориентацию учреждения на потребителя и формирование знаний организации – самообучающаяся организация. Проекция «процессы и система менеджмента качества» связана с совершенствованием деятельности на основе менеджмента качества. Что касается финансовой составляющей, то в рамках статуса «бюджетное учреждение» организация не имеет возможности влиять на эту составляющую ССП, но тем не менее она не может быть исключена из рассмотрения проектируемой ССП.

На наш взгляд, существует возможность построения специализированной для учреждения с информационно-библиотечной деятельностью модели ССП, учитывающей специфику этой деятельности. Считаем, что синергетический подход позволит построить необходимую модель ССП и обеспечит тонкую и правильную настройку стратегии, КРІ (показатель достижения устойчивого успеха в деятельности или в реализации поставленных целей), целевых значений и инициатив, что, в свою очередь, даст возможность высшему руководству учреждения успешно вести организацию по пути заданного вектора развития. Это даст нам основание в настоящем исследовании сформулировать наше собственное видение КРІ синергетической модели ССП для информационно-библиотечного центра, предварительно решив вопросы адаптации логи-

ки данной модели в контексте их устойчивого развития на основе системы менеджмента качества.

Заключение

Исходя из приведенного анализа существующих моделей, мы предлагаем новую модель ССП для государственного автономного учреждения, поскольку она обладает определенным потенциалом, – по мнению [1], «потенциал системы показателей по совершенствованию управления государственными и некоммерческими предприятиями еще выше [по сравнению с негосударственными коммерческими предприятиями]» [1]. Очевидно, что государственные организации должны дополнить (по сравнению с негосударственными коммерческими предприятиями) задачи стратегии в соответствии с целями высшего уровня, назначением этих организаций, планируемыми результатами. Кроме того, при разработке своей ССП, реализующей свою миссию, следует руководствоваться следующими принципами:

1. Именно миссия определяет четкую границу между государственными и частными организациями: миссия государственной организации никогда не направлена на лиц, заинтересованных в ее финансовом успехе.

2. В общем случае, кроме стратегии, необходимо выделить еще несколько концептуальных компонентов, на основе которых строится эффективная ССП.

3. Наряду с миссией, которая раскрывает причину существования организации, П. Р. Нивен предлагает выделить «основные ценности», определяющие руководящие принципы для выполнения миссии, и «видение будущего». Он считает, что ССП должна переводить миссию, ценности, видение и стратегию в конкретные цели и показатели. «Если ценности не определены, то культура компании зависит от капризов ее лидера».

4. Очень важно, чтобы эти ценности были доведены до каждого сотрудника организации и осознаны им.

5. Весьма существенным является принцип, приведенный П. Р. Нивеном: «...если лидеры руководствуются в своих действиях личными интересами, так же будут поступать и все работники организации. Однако если у лидера высокая сознательность, то и вся организация будет работать ради общего блага».

6. Видение позволяет прогнозировать перспективу развития организации и определять переход от неизменных миссии и ценностей к динамичной и гибкой стратегии.

7. Декларация видения должна основываться на реальности и четко соответствовать миссии и ценностям.

8. Мотивация обязательно должна быть составляющей кадрового обеспечения любой государственной организации.

9. Согласно Д. Нортону и Р. Каплану, формулируя цели верхнего уровня ССП, нужно придерживаться некоторых правил – в частности, необходимого и достаточного числа целей в каждой проекции (3–4 в финансовой, 5–7 – в остальных проекциях), соответствия поставленных целей выбранной стратегии, разумности, соотношения целей между собой во времени и их сбалансированности – как горизонтальной (в рамках одной проекции), так и в вертикальной – между всеми проекциями стратегической карты.

Список использованных источников

1. Каплан, Р. С. *Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию* / Роберт С. Каплан, Дейвид П. Нортон. – 2-е изд., испр. и доп. ; пер. с англ. М. Павловой. – М. : Олимп-Бизнес, 2008. – 320 с.

2. *Измерение результативности компании* [пер. с англ.]. – 2-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 220 с.

3. *Разработка сбалансированной системы показателей : практ. рук. с примерами* / под ред. А. М. Гершуна, Ю. С. Нефедьевой. – 2-е изд., расшир. – М. : Олимп-Бизнес, 2007. – 128 с.

4. Фридаг, Х. Р. *Сбалансированная система показателей* / Хервиг Р. Фридаг, Вальтер Шмидт ; пер. с нем. М. В. Лапишинова. – М. : Омега-Л, 2006. – 144 с.

5. Рой, Ж. *Оценка эффективности деятельности компании : практ. рук. по использованию сбалансированной системы показателей : [пер. с англ.]* / Жан Рой, Магнус Веттер, Ольве Нильс-Горан. – М. : Вильямс, 2004. – 304 с.

6. Рамперсад, К. Х. *Универсальная система показателей деятельности : как достигать результатов, сохраняя целостность : [пер. с англ.]* / Х. К. Рамперсад. – 3-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. – 352 с.

7. *Внедрение сбалансированной системы показателей : [пер. с нем.]* / Horvath & Partners. – 2-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. – 478 с. : ил.

8. Нивен, П. Р. *Сбалансированная система показателей для государственных и неприбыльных организаций : [пер. с англ.]* / Пол Р. Ни-

вен ; под ред. О. Б. Максимовой. – Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2005. – 336 с.

9. Чернышев, И. А. Методологические особенности применения систем комплексной оценки деятельности предприятия в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://nsu.ru.jspui/bitstream/-nsu/2612/1/03.pdf> (дата обращения: 28.09.2016).

**БИБЛИОТЕКА И ЧИТАТЕЛЬ:
ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИХОТОМИИ**

Культурно-капитальный подход к пользователю библиотеки как императив гуманизма ее деятельности

*Астахова Людмила Викторовна,
заместитель декана факультета
«Компьютерные технологии, управление и радиоэлектроника»
Южно-Уральского государственного университета,
д. п. н., Челябинск*

Период современной постнеклассической (неонеклассической) науки характеризуется стратегической направленностью на человека и потребности человеческой деятельности, а также новой идеологией рациональности – гуманитарным антропоморфизмом [1, с. 65–87]. Изменилась форма самосознания науки – теперь это методологизм – форма, переакцентирующая внимание со связок «Объект – Знание» и «Объект – Субъект» на связку «Субъект – Знание», а затем – на весь познавательный треугольник «Объект – Субъект – Знание» в органическом единстве всех трех связок [2, с. 76].

В библиографическом познании также произошли коренные изменения. К бумажным информационным ресурсам как объекту познания добавились мировые электронные информационные ресурсы. Их доступность позволила пользователю библиотеки, наряду с библиотечным специалистом, стать вполне самостоятельным субъектом библиографического познания. Библиографическое знание, оперативно им полученное, максимально релевантно и соответствует его потребностям.

Библиографическое знание как выражение влияния социокультурных потребностей субъекта на процесс библиографического познания информационных ресурсов субъектом – вот основа методологизма как новой формы библиографической деятельности, являющейся научным феноменом в постнеклассический период ее развития.

Согласно ст. 1 Закона РФ от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле», «библиотека – информационная, культурная, просветительская организация или структурное подразделение организации, располагающая организованным фондом документов и предоставляющая их во временное пользование физическим и юридическим лицам». Следовательно, законодательно установлены информационная, культурная и просветительская функции библиотеки. Библиотечное дело, согласно этому же закону, – «отрасль информационной, культурно-просветительской и образовательной деятельности» (ст. 1.), т. е. культурная и просветительская функции объединены и выделена образовательная функция.

Однако у библиотеки в новых условиях появляются новые функции. Так, благодаря исследованиям последних десятилетий [3–7 и др.] управление знаниями признается новой функцией библиотек. Е. А. Шиббаева показывает, что не только знания пользователя становятся знаниями библиотеки, но и библиотека управляет пользователем в процессе трансформации знания. Она «насыщает имеющиеся в ней формализованные знания дополнительными скрытыми знаниями, перенимая которые пользователь получает новые возможности и импульс для трансформации своего знания» [6, с. 38].

Управленческий подход к пользователю заставляет нас обратить внимание на эволюцию подходов к управлению человеком. Ресурсный подход к управлению человеком в производственном процессе сменился управлением персоналом, затем – управлением человеческим капиталом. В настоящее время доминирует подход к управлению людьми как культурным капиталом [8].

В последние годы понятие культурного капитала заняло устойчивое место в научном дискурсе. Впервые он был выделен в качестве отдельной формы капитала П. Бурдьё. Он определил культурный капитал как капитал, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций [9]. Культурный капитал – это не только совокупность социокультурных характеристик и индивидуально-психологических качеств индивида, его мотивация и потенциальная способность приносить социальный и экономический доход. Это все используемые им культурные ресурсы, которые они накапливают (базовые ценности, нормы, принципы, интеллектуальные, морально-нравственные и социальные качества, ценностно-ориентированные модели поведения), позволяющие им получать дополнительные социально-экономические выгоды. Именно в этом заключается главная гуманистическая ценность культурно-капитальной функции библиотеки. Поэтому логично предположить, что библиотеке в процессе работы с пользователями необходима не узко культурно-просветительская, а именно эта, культурно-капитальная функция, способная к максимально полной реализации его культурного капитала – его способностей и возможностей.

Для реализации гуманистической миссии библиотеки и культурно-капитальной функции информационная и образовательная функции также трансформируются. Библиотека призвана сегодня выполнять не только информационно-поисковую, но и информационно-когнитивную функции. Для самореализации пользователя недостаточно найденной в мировом информационном потоке литературы. С позиций развития

культурного капитала его информационные потребности простираются до самостоятельного познания найденных ресурсов и создания собственного нового знания на основе этого познания.

Очевидно, что переход на уровень культурного капитала в процессе управления пользователями библиотеки подразумевает реализацию и развитие их духовных потребностей. Известно, что «информационная потребность – абстрактное понятие, обозначающее потребность в информационной деятельности, устраняющей дисбаланс информационной сферы субъекта» [10, с. 19]. Полагаем, что дисбаланс информационной сферы пользователя может быть устранен в высшей точке информационной деятельности – информационно-созидательной. Безусловно, это должно учитываться и в реализации образовательной функции библиотеки.

Гуманистическая сущность реализации культурно-капитальной функции библиотеки заключается в использовании библиотечным специалистом социокультурных характеристик и индивидуально-психологических качеств пользователей для развития их мотивации и способностей к информационной деятельности; в использовании культурных ресурсов библиотечного специалиста и пользователя (базовые ценности, нормы, принципы, интеллектуальные, морально-нравственные и социальные качества, ценностно-ориентированные модели поведения), позволяющие личности и обществу получать дополнительные социально-экономические выгоды; в удовлетворении информационных потребностей пользователя в знаниях не как в цели, а как в средстве решения его проблем.

Для обеспечения гуманистической миссии культурно-капитальной функции библиотеки, выражающейся в реализации и развитии культурного капитала пользователя, необходим ряд условий. К таким условиям отнесем пять универсалий культуры, названных А. В. Соколовым применительно к библиотечно-библиографическому социальному институту: фонды и библиотечные работники, образующие гуманистические ресурсы библиотечного института; свободный доступ читателей к библиотечным фондам, отсутствие цензуры и каких-либо формальных ограничений; гармонизация библиотечного пространства, включая архитектуру, дизайн, интерьеры, а также произведения письменности и печати как предметы искусства книги; культуроцентризм, в соответствии с которым библиотека служит для читателей центром книжности, информационной культуры и непосредственного общения; толерантный диалог работников библиотеки с читателями и коллегами [там же, с. 19].

Таким образом, императивом деятельности современной библиотеки является гуманизация. Ядром гуманизации библиотеки выступает

трансформация ее культурной функции в культурно-капитальную, которая видоизменяет и информационную, и образовательную функции. Расширение культурной функции библиотеки до культурно-капитальной функции позволяет достигнуть пользователю максимальной реализации и развития его культурного капитала.

Список использованной литературы

1. Ильин, В. В. *Теория познания. Эпистемология* / В. В. Ильин. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 136 с.
2. Пыхтин, В. Г. *Наука как социальный и гносеологический феномен* / В. Г. Пыхтин, Т. Ф. Пыхтина. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. – 143 с.
3. Дворкина, М. Я. *Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде* / М. Я. Дворкина. – М., 2009. – С. 208–219.
4. Крымская, А. С. *Управление знаниями – перспективная технология для библиотечно-информационных работников* / А. С. Крымская // *Научные и технические библиотеки*. – 2005. – № 9. – С. 10–16.
5. Никонорова, Е. В. *Инновационные перспективы методологии постнеклассического библиотековедения* / Е. В. Никонорова // *Библиотечные исследования в системе постнеклассической науки: пробл.-ориентир. сб.* – М., 2008. – С. 25–31.
6. Шибаева, Е. А. *Управление знаниями как новая функция библиотек* / Е. А. Шибаева // *Библиотековедение*. – 2009. – № 5. – С. 34–39.
7. Webster, M. *The Role of the Library in Knowledge Management // Knowledge Management: Social, Cultural and Theoretical Perspectives* / M. Webster. – Oxford, 2007. – P. 77–91.
8. Тихомирова, О. Г. *Организационная культура: формирование, развитие и оценка* / О. Г. Тихомирова. – СПб. : Изд-во ИТМО, 2008. – 154 с.
9. Бурдые, П. *Формы капитала* / П. Бурдые // *Экономическая социология* / пер. М. С. Добряковой ; науч. ред. В. В. Радаев. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 60–74. – Сведения доступны также по Интернету: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601> (загл. с экрана).
10. Соколов, А. В. *Информатические опусы. Опус 11. Явления и сущность информационной потребности* / А. В. Соколов // *Научные и технические библиотеки*. – 2013. – № 4. – С. 7–20.

Библиотека в информационном пространстве культуры

*Тикунова Ирина Петровна,
начальник Управления научной и методической деятельности,
заведующая Центром по исследованию проблем развития
библиотек в информационном обществе
Российской государственной библиотеки, к. ф. н., Москва*

Введение

Проблематика развития библиотеки как необходимого современному обществу социального института занимает значительное место в корпусе библиотековедческих исследований в течение последних полутора десятка лет. Р. С. Мотульский и А. С. Чачко анализировали библиотеку как культурно-цивилизационный феномен, способный играть важную общественную роль. Е. Ю. Гениева изучала и моделировала библиотеку как центр межкультурных коммуникаций. В трудах Е. А. Плешкевича, Ю. Н. Столярова и В. В. Скворцова библиотека представлена с позиций информационно-документального подхода, а в работах А. В. Соколова – с точки зрения информационно-коммуникационной парадигмы. Глубокое исследование библиотеки как элемента информационного пространства провела Т. Ф. Берестова. В. Н. Маркова и И. П. Тикунова исследовали социальные функции библиотеки, которые должны получить свое развитие в формирующемся обществе, а О. Л. Лаврик, Я. Л. Шрайберг, И. Г. Юдина акцентировали свои исследования на развитии информационной функции библиотеки.

Цель данного исследования – выявить сильные и слабые стороны социального института библиотеки, возможности для ее дальнейшего развития, а также реальные и потенциальные внешние угрозы существованию библиотеки как необходимого элемента информационной инфраструктуры культурного пространства.

Основная часть

Содержание понятия «культура» многомерно, оно включает в себя не только совокупность накопленных человечеством ценностей как материальных, так и духовных, но и способы их создания и сохранения, предоставления и трансляции, освоения и использования для дальнейшего развития человечества.

Культура возникла в результате изменения человеком окружающей природной и социальной среды с целью приспособления к этой среде. Способность человека собирать информацию об окружающем мире, обрабатывать ее и хранить в своей памяти обеспечила его видо-

вое выживание. Интеллектуально-социальное развитие социума привело к постепенному формированию информационного пространства, основными компонентами которого являются информационные ресурсы, средства информационного взаимодействия и информационная инфраструктура, обеспечивающая возможность сбора, передачи, хранения, обработки, распространения информации и знаний во времени и пространстве [1]. На протяжении нескольких столетий одним из значимых элементов инфраструктуры информационного пространства культуры была библиотека.

Современный этап развития социума характеризуют как период формирования информационного общества. Производство и потребление информации становится одним из важнейших видов деятельности, информация признается наиболее значимым ресурсом, а информационная среда наряду с социальной и экологической – новой средой обитания человека [2]. Какое место занимает библиотека в современном информационном пространстве культуры? Библиотека остается в числе немногих социальных институтов, которые участвуют и организуют основные, наиболее важные социокультурные процессы, обеспечивающие существование и развитие информационного пространства: осуществляют аккумуляцию документированного общественного знания и его систематизацию, организуют его хранение и сохранение, распространение и воспроизводство.

Собирая и сохраняя документальные источники, зафиксировавшие духовные достижения человеческой цивилизации, библиотека является воплощением «памяти человечества», хранителем культурных кодов [3], обеспечивает семантическую стабильность документированной информации, хранящейся в библиотечном фонде, с помощью метаинформации направляет информационный поток к целевой аудитории [4]. Собирая печатную книгу, библиотека сохраняет знание и культуру в наиболее надежном для хранения виде, апробированном в течение нескольких столетий. Это обеспечивает устойчивость общественной жизни, позволяет обществу сохранить необходимый запас прочности во время техногенных аварий и социальных потрясений, чтобы через определенное время восстановить производство, социальные отношения и выйти на новый уровень общественного развития.

В ситуации плохо контролируемого и неуправляемого потока несистематизированной информации, особенно электронной, библиотека, обладающая большей устойчивостью, чем остальные структурные компоненты виртуальной информационной среды, обеспечивает достоверность предоставляемой информации, гарантирует соблюдение долго-

временных стандартов электронных публикаций и поддержание стабильности электронной среды [5].

Обеспечивая бесперывное количественное накопление информации, библиотека служит гарантом появления новых качеств социальной памяти. Осуществляя систематизацию, хранение и распространение культурного наследия, она организует навигацию в мире культуры, в мире информации и знаний и этим способствует обращению накопленного знания и его дальнейшему воспроизводству. В рамках процесса анализа и обработки документированного знания библиотека генерирует поток вторичной информации, отражающей метазнания, кодирует его и хранит.

Протекающие в библиотеке процессы социокультурной коммуникации носят универсальный характер и приобретают различные формы. В библиотеке происходят межличностные коммуникации: между читателем и автором, читателем и библиотекарем, между 2 читателями или 2 библиотекарями. Библиотека организует взаимодействие между социальными группами, различающимися по возрастному, интеллектуальному, культурному, профессиональному, конфессиональному и другим признакам. В библиотеке возможен информационно-знаниевый обмен между представителями разных культур и эпох, отдельной личностью и всем человечеством. Современная библиотека организует процесс социальной коммуникации как в реальном, так и виртуальном пространстве, в т. ч. в сети Интернет [6].

Вместе с тем библиотека как учреждение в состоянии выполнять функции структурного элемента современной инфраструктуры информационного пространства культуры лишь в рамках поставленных перед ней социальных целей и задач и только при соблюдении баланса и полноты взаимосвязанных структурных элементов библиотеки как информационной системы, представляющей собой организационно упорядоченную совокупность человеческих и информационных ресурсов, а также материально-технических и технологических возможностей для организации доступа к накопленным информационным ресурсам и для обеспечения их сохранности.

Требования, предъявляемые к составным компонентам библиотечно-информационной системы, становятся ее ограничениями. Современная библиотека требует значительных финансовых вложений. Ей нужны средства на постоянную актуализацию информационных ресурсов, на организацию и хранение библиотечных фондов, на обеспечение нормативных условий для хранения документов, приобретение и обновление оборудования, строительство и обслуживание специальных

зданий, подготовку профессиональных кадров, на организацию обслуживания пользователей. При этом инвестиции в развитие библиотечной сферы не приносят сиюминутной экономической выгоды или яркого, запоминающегося в обществе событийного эффекта.

Следует также отметить, что библиотека как социальный институт выполняет функции посредника информационной коммуникации, пока в социуме существуют потребности в чтении, знаниях и образовании. В обществе, где низкий уровень престижа чтения и образования, где власть предрасполагает не считать необходимым обеспечивать реализацию культурных и образовательных прав широких слоев населения, снижается и роль библиотеки в сохранении и развитии современного информационного пространства культуры.

К счастью, мировое сообщество осознает значение и глубину современных гуманитарных проблем. В документах, принятых на Всемирном саммите по информационному обществу, предлагается построить общество, в котором «каждый мог [бы] воспользоваться возможностями, которые могут предоставить информационные и коммуникационные технологии (ИКТ)» [7]. Это позволит сузить цифровую пропасть, усиливающую неравномерность общественного развития, лишаящую целые социальные группы и страны преимуществ, предоставляемых знанием и информацией. Библиотекам отводится роль публичных пунктов доступа к ИКТ, т. к. это «может служить эффективным способом обеспечения универсального доступа к инфраструктуре и услугам» [7]. Обеспечение доступности к библиотечным ресурсам рассматривается как гарантия интеллектуальной свободы человека и как неперемное условие для непрерывного образования и самообразования в течение всей жизни, поэтому в документах ЮНЕСКО провозглашается бесплатность библиотечных услуг как основа общедоступности общественно значимой информации и знания [8].

В России возможности существования и развития библиотек гарантированы, прежде всего, Конституцией Российской Федерации, в которой закреплено право каждого гражданина на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44). Другим важным законодательным актом является Федеральный закон «О библиотечном деле», гарантирующий право всех граждан на библиотечное обслуживание, которое обеспечивается созданием государственной и муниципальной сети общедоступных библиотек, бесплатно осуществляющих основные виды библиотечного обслуживания, многообразия видов библиотек. В этом же законе декларирован основной принцип государственной политики в области биб-

лиотечного дела – создание условий для всеобщей доступности информации и культурных ценностей, собираемых и предоставляемых в пользование библиотеками. В федеральном законодательстве определены обязанности органов государственной и муниципальной власти по организации библиотечного обслуживания и развитию библиотечного дела, а также закреплены преимущества библиотек в свободном использовании произведений науки, литературы и искусства, являющихся объектами интеллектуальной собственности [9–12]. В России де-юре библиотека является общественным благом – самым распространенным и самым доступным социальным институтом культуры и информации с правом легитимного многократного использования объектов интеллектуальной собственности.

В нашей стране на развитие библиотек как важного элемента информационной инфраструктуры культурного пространства влияет и множество негативных факторов. Среди них:

- отсутствие государственной библиотечной политики, нацеленной на системное решение проблем, препятствующих выполнению библиотеками функций структурного элемента современной информационной инфраструктуры;

- недофинансирование библиотечной сферы, что приводит к разрушению сети общедоступных библиотек и сокращению их количества, к моральному устареванию библиотечных фондов и технологий, а значит – к снижению доступности и привлекательности библиотечных услуг;

- низкий социальный статус библиотечной профессии, что, в том числе, препятствует притоку молодежи в библиотеку;

- разрушение системы непрерывного профессионального библиотечного образования, затрудняющее развитие кадрового потенциала.

Анализ практики показывает, что преодоление этих факторов зависит не только от политической воли государственных деятелей, но во многом от самих библиотечных работников – от их желания работать с местным сообществом и органами власти в решении социальных проблем, от их умения удовлетворять современные потребности в информации и знаниях.

Заключение

Современная библиотека, включенная в сложную систему социальных коммуникаций, обеспечивающая создание, обработку, хранение и распространение документированных знаний и социально значимой информации, может быть включена в качестве важного элемента в ин-

формационную инфраструктуру культурного пространства. Обеспечивая непрерывность коммуникативных процессов, библиотека представляет собой один из важнейших факторов культурного развития, распространения, обновления и приращения культурного достояния стран и народов, преемственности мирового культурного достояния. Наряду с широкими возможностями библиотечного развития, социальный институт библиотеки испытывает влияние целого ряда негативных факторов, преодоление которых зависит как от политической воли представителей государственной и муниципальной власти, так и от активности профессионального сообщества.

Список использованных источников

1. Зыкова, И. В. *Культура как интегрированное социально-информационное пространство* / И. В. Зыкова // *Сервис plus*. – 2010. – № 2. – С. 23–29.
2. Хомерики, О. Г. *Образование, наука, культура в глобальном информационном пространстве : информ.-аналит. обзор* / О. Г. Хомерики. – М. : Перспектива, 2008. – 380 с.
3. Генцеева, Е. Ю. *«Когда я думаю о рае, я представляю библиотеку»* / Е. Ю. Генцеева // *Национальная библиотека*. – 2015. – № 3 (06). – С. 27–29.
4. Плешкевич, Е. А. *Социальная миссия библиотеки в контексте информационного направления документального подхода* / Е. А. Плешкевич // *Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты: проблем.-ориентир. науч. сб.* – М., 2013. – С. 59–77.
5. Тикунова, И. П. *Библиотека как инструмент реализации культурных прав* / И. П. Тикунова // *Библиотеки и просвещение в области прав потребителей*. – М., 2015. – С. 18–24.
6. Маркова, В. Н. *Функциональная модель библиотеки* / В. Н. Маркова // *Библиосфера*. – 2013. – № 1. – С. 13–19.
7. *Всемирный Саммит по информационному обществу : информ. издание [Электронный ресурс]*. – URL: <http://www.ifap.ru/library/book193.pdf> (дата обращения: 25.09.2016).
8. *К обществам знания : Всемирный доклад ЮНЕСКО за 2005 г. [Электронный ресурс]*. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 25.09.2016).
9. *О библиотечном деле : федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 1994 г., № 78-ФЗ // [КонсультантПлюс : сайт]*. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5434/ (дата обращения: 30.09.2016).

10. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 06.10.1999, № 184-ФЗ // [КонсультантПлюс : сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 30.09.2016).

11. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 06.10.2003, № 131-ФЗ // [КонсультантПлюс : сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 30.09.2016).

12. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4 (от 18.12.2006, № 230-ФЗ) // [КонсультантПлюс : сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=-LAW;n=200850/> (дата обращения: 30.09.2016).

Социальный лифт для молодежи: новое прочтение библиотечных функций

*Михнова Ирина Борисовна,
директор Российской государственной библиотеки
для молодежи, к. п. н., Москва*

Когда-то, в туманные советские годы, я попала в обычную районную школу. На стене коридора рядком висели два стенда. Один рассказывал о поэзии рабочих профессий и рекомендовал всем идти в ПТУ. На стенде под названием «Ими гордится школа» расположились портреты выпускников, поступивших в вузы. Мне, юной выпускнице пединститута, было тогда не понять всей стратегической глубины (или западни?) этого соседства. Но, как оказалось, противоречие в целеполагании было присуще всей советской профориентационной работе: страна испытывала потребность в рабочих кадрах, но декларируемой ценностью было получение высшего образования.

Понятие «социальный лифт» отсутствовало в лексиконе советского человека, однако по факту эти стенды как раз и предлагали молодежи версии движения по разным социальным лифтам.

Ибо что такое социальный лифт? Нечто, что позволяет с разной скоростью и разной степенью успешности перемещаться по социальной лестнице. В идеале – вверх, хотя на лифте можно и вниз спуститься... Сказки про Золушку и пушкинских трех девиц, что «под окном пряли поздно вечерком», – это все истории про то, как умело воспользовались героини своими социальными лифтами (лифтом для Золушки была

волшебница, отправившая ее на бал, где она смогла продемонстрировать свои лучшие качества, а девицы предложили свои «бизнес-планы», которые были «приняты и профинансированы»). А вот для лесковской Леди Макбет Мценского уезда усилия по организации вертикального социального лифта для своего любовника, жаждавшего купеческого звания, обернулись катастрофическим нисходящим лифтом...

Иными словами, социальный лифт – это возможность перемещения из одного социального слоя в другой (это еще называется вертикальной мобильностью) или в пределах одного и того же социального слоя (горизонтальная мобильность). А для молодого человека, находящегося на низком старте («широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек»), такая возможность передвижения по пространству жизни становится определяющей.

Сегодня о социальных лифтах для молодых россиян, точнее, об их несовершенстве или даже полном отсутствии, говорят многие политики, экономисты, предприниматели: «...сейчас у людей очень силен и при этом практически не воплощается в жизнь запрос на самореализацию. Особенно трудно „пробиться“ молодежи. Если раньше так называемые „социальные лифты“ были переполнены, но кое-как еще ходили, то сейчас человек нажимает на кнопку, а дверь даже не открывается, все забито. Все ниши заняты, молодым людям негде себя применить...» (акад. РАН М. Горшков).

Социологи констатируют, что на первое место у активной части молодежи выходит не достижение сиюминутной материальной составляющей, а нацеленность на профессиональный рост, успешную карьеру. При этом молодые люди в большей степени, чем, например, 20 лет назад, рассчитывают на свои силы, т. к. справедливо полагают, что их материальное положение зависит, прежде всего, от них самих.

Для реализации амбиций, устремлений, надежд необходима благоприятная среда. Что чаще всего относят к социальным лифтам? Прежде всего, это образование, политическая деятельность, семья и брак, СМИ, армия, коммерческие организации...

Здесь нужно иметь в виду один дополнительный фактор (важный для разговора о библиотеке): необходимость закрепления в новом социальном слое, в который молодой человек стремится. Потому что, попав в новую среду, можно сохранить прежние навыки поведения, общения, систему ценностей и т. п. И если не приспособишься, не изменишь себя, не скорректируешь свои поведенческие навыки, то звание «белой вороны», «чужака» и, вообще, «чуждого элемента» тебе обеспечено. Есть такое понятие: тестирование «ситом» – это когда человека, пришедшего

устраиваться на работу, оценивают по критериям, важным для той должности и той среды, где он хотел бы оказаться.

Одним словом, стать действующим субъектом системы организации социальных лифтов для молодежи (а это граждане в диапазоне 14–35 лет) сегодня едва ли не самая актуальная задача для всех организаций, работающих с этой социально-возрастной категорией. Скажем более: это одна из важнейших социально-экономических задач государства: «Социальная политика... – это обеспечение работы социальных лифтов, „равного старта“ и продвижения каждого человека на основе его способностей и таланта» (В. В. Путин); «...задача обеспечения „социального лифта“ для талантливой молодежи в условиях изменчивой и конкурентной экономики становится приоритетной» («Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов», утвержденная Президентом Российской Федерации 03.04.2012 г.).

Все это крайне важно для общедоступных библиотек, работающих с молодежью, поскольку делает актуальными и приоритетными те направления и функции, которые всегда присутствовали в их деятельности, но внимания им как со стороны общества и СМИ, так и со стороны нашего профессионального сообщества в последнее десятилетие уделялось крайне мало.

Когда в апреле этого года Российская государственная библиотека для молодежи в рамках соглашения о сотрудничестве с Федеральным агентством по делам молодежи организовала Всероссийский семинар «Возможности библиотек в реализации системы социальных лифтов для молодежи», лишь несколько библиотек приняли участие в нем. Потому что понятие «социальный лифт» пока напрочь отсутствует в актуальной библиотечной лексике.

Между тем неподдельный интерес к этой теме проявили представители самых разных типов организаций. Как правило, все начинали выступления с признания, что никогда не воспринимали библиотеку в качестве социального лифта. Но, задумавшись на эту тему, они вдруг обнаружили, что у нее есть очень многое для того, чтоб стать таковым.

И действительно, в университет идут за образованием, в молодежные партии и движения – за общественной деятельностью, в субкультурные сообщества – чтобы войти в группы со сходными интересами, в спортивные секции – за физическим здоровьем и спортивными успехами, в кружки научно-технического творчества, драматические и прочие – дабы реализовать и отточить свои творческие способности... Везде молодые люди могут добиться определенных успехов и получить

пропуск в ту или иную социальную и профессиональную среду, подняться по ступенькам вверх (а желаемые вершины у каждого свои).

Однако именно библиотека – единственное место, куда молодежь приходит не с одной, а с несколькими целями. Объективно, библиотека являет собой концентрированное, систематизированное знание, столь необходимое для социального, профессионального роста молодого человека. Ее специалисты способны оказать ему квалифицированную помощь в ориентации в этом океане знания. Библиотека является площадкой для общения на основе и в связи с этим знанием. Таких совокупных признаков, способных помочь молодежи безболезненно встроиться во взрослую жизнь, практически нет ни у одной другой организации.

У каждой библиотеки есть некие услуги и работы, которые позволяют ей в разной мере служить для молодежи социальным лифтом. Мы попробовали под этим углом рассмотреть то, что предлагает своим пользователям Российская государственная библиотека для молодежи.

И вот что получилось.

Во-первых, в наших читальных залах молодые люди готовятся к учебным занятиям, используя печатные и электронные фонды (включая доступ к интернет-ресурсам). Здесь отличное место для фрилансеров, которые пока не обзавелись офисами и не имеют возможности платить за рабочее место в коворкинге. Да и для репетиторов и их учеников библиотека удобна: рядом с книгами, да и плата за обучение меньше. Тем же, кто готов делиться своими знаниями и намерен расширить свой общекультурный кругозор, явно подходят разнообразные лектории (исторические, философские, страноведческие, языковедческие, естественнонаучные).

Для молодежи, ищущей работу, крайне полезны психологические тренинги «Мой профессиональный старт»: здесь и резюме научат составлять, и как обратить на себя внимание работодателей. Кстати, исчерпывающую информацию о профессиях и вакансиях (да еще с помощью опытного консультанта) можно получить в информационной службе по проблемам молодежи.

Вспомним о том, что, продвигаясь по социальной лестнице, человек должен осваивать и новую систему отношений, проявлять некие качества, соответствующие той среде, в которую он стремится попасть. Для этого ему будут полезны занятия по ораторскому искусству, которые, кстати говоря, часто проводятся в РГБМ людьми, добившимися в этом успеха. И высшим пилотажем здесь будет участие в студенческих дебатах, когда каждый должен найти убедительные аргументы в пользу той проблемы, важность которой ему предложено отстаивать.

Вообще навыки общения, коммуникации очень важны для будущего молодых людей. Не для всех это просто. И в этом им помогают психологи: от индивидуальных консультаций до групповых занятий в рамках клуба «ПростоПсихология». И современный поворот: общение на английском языке по жизненно важным проблемам («Как дожить до 100 лет», «Как проблемы вдохновляют на творчество» и т. п.) и общение на языке жестов.

О последнем необходимо сказать подробнее.

В течение года группа, в которую входили неслышащие и слабослышащие, обычные (слышащие) и «колясочники», обучалась общению на жестовом языке. У каждой категории были свои задачи: одни учились быстро и спокойно общаться между собой; другие хотели получить возможность общаться с неслышащими родственниками и друзьями и просто научиться говорить на «тайном» языке; «колясочники» пытались освоить новую профессию, способную их в будущем «кормить».

Для ребят с проблемами здоровья неоценимым подспорьем являются тренинги в рамках проекта «Развитие лидерских качеств у подростков и молодежи с инвалидностью через культуру и искусство», которые проводятся совместно с РОО «Перспектива».

Наконец, для молодежи, настроенной на практическую реализацию своих способностей в области научно-технического и художественного творчества, на разработку и представление своих стартапов, РГБМ предлагает разнообразные возможности для самовыражения в МедиаLAB (лаборатории для реализации проектов в области НТТМ и молодежного предпринимательства), в звукозаписывающей студии, на мастер-классах по рисованию комиксов.

К изложенному выше можно добавить и курсы иностранных языков, и использование библиотеки как площадки для написания Тотального диктанта, и студенческие конференции «Мой первый доклад»...

Одним словом, каждая библиотека, если попробует посмотреть на свою работу сквозь призму «социального лифта», найдет много разного, интересного и полезного. Того, что сегодня работает на решение важнейшей государственной социально-экономической задачи: развитие «человеческого капитала» молодежи, означающего потенциальную способность молодежи – с учетом способностей, таланта, полученного образования и приобретенной квалификации – развивать экономику страны, тем самым повышая благосостояние общества.

И если взять это за ориентир, то станет более понятным, в каком направлении предстоит двигаться библиотекам, работающим с молодежью, в ближайшие годы.

В рыночной экономике есть понятие «диверсификация», или «расширение ассортимента выпускаемой продукции и переориентация рынков сбыта, освоение новых видов производств с целью повышения эффективности производства, получения экономической выгоды».

В нашем случае это означает, что нельзя связывать судьбу библиотеки только и преимущественно с книгой (особенно бумажной) и чтением, как это отчетливо наблюдается сейчас. Потому что все проблемы, которые могут возникнуть со временем на книжном рынке, неминуемо выльются в еще большие проблемы для рынка библиотечных продуктов и услуг. «Не стоит класть все яйца в одну корзину», – гласит английская пословица.

Чем шире спектр социальных задач и актуальных потребностей населения, на реализацию и удовлетворение которых ориентирована библиотека, тем она как система устойчивее во времени и в пространстве.

Публичные библиотеки и их посетители в социологических исследованиях за рубежом

*Чудинова Вера Петровна,
главный научный сотрудник отдела социологии,
психологии и педагогики детского чтения
Российской государственной детской библиотеки,
к. п. н., Москва*

Библиотеки в контексте новых Целей тысячелетия ООН 2030

Бурное развитие глобального информационного общества, происходящее в последние десятилетия, предъявляет все новые вызовы для структур и организаций, связанных с развитием Homo Sapiens как Человека Разумного, его человеческого потенциала. Страны мира все полнее включаются в новые идеи и цели развития человечества. Так, в сентябре 2015 страны – члены ООН приняли итоговый документ повестки дня в области развития на период после 2015 года – «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка ООН 2030)».

Новая Повестка дня ООН 2030 – это комплексная программа, которая включает 17 Целей устойчивого развития, охватывающих социальное, экологическое и социальное развитие. Международная Федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) уверена, что рост доступа к информации и знанию во всех общественных группах с помощью доступных ИКТ поддерживает устойчивое развитие и улучшает качество жизни людей. С точки зрения ИФЛА, библиотеки входят в

число ключевых учреждений, которые могут помочь в достижении этих целей [1].

В этом документе сделан акцент на следующие положения. Доступ к информации был признан в Целях устойчивого развития важной задачей в рамках реализации 16-ой цели. Подчеркивается, что общественный доступ к информации позволяет людям принимать взвешенные решения, которые могут улучшить их жизни. Сообщества, имеющие доступ к актуальной и нужной информации, находятся в выгодном положении для искоренения нищеты и неравенства, усовершенствования сельского хозяйства, предоставления качественного образования, поддержки здравоохранения, культуры, науки и инноваций. Культура (задача 11.4) и ИКТ (задачи 5b, 9c, 17.8) также включены в Цели устойчивого развития. Отмечено, что половина населения мира не имеет доступа к информации онлайн. И именно библиотеки в обществе знаний предоставляют доступ и возможности для всех.

В этом документе отмечено, что «общество знаний – это нечто большее, чем просто интернет-связь. Сегодня в мире 320 000 публичных библиотек и более миллиона парламентских, национальных, университетских, научных и исследовательских, школьных и специальных библиотек делают все возможное, чтобы информация и навыки, необходимые для ее использования, были доступны каждому, что делает библиотеки крайне необходимыми для всех учреждениями в цифровую эпоху. Библиотеки предоставляют инфраструктуру для информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), помогают людям развивать свой потенциал для эффективного использования информации и хранят информацию, чтобы обеспечить постоянный доступ к ней будущим поколениям. Библиотеки предоставляют готовую надежную сеть локальных учреждений, которая может охватить все группы населения».

Эти утверждения отнюдь не голословны, поскольку опираются на данные статистики и результаты многочисленных и разнообразных социологических и других исследований, в которых изучается не только поведение посетителей библиотек, но и самые различные аспекты деятельности разных типов библиотек, профессии библиотекаря и др. В последнее десятилетие развивается также область изучения трендов развития библиотек, построенная на прогнозах будущего, опросах экспертов, данных различных аналитических материалов, которая помогает понять «вызовы будущего» и «вызовы настоящего» для библиотек.

Обратим также внимание на то, что сегодня существуют и другие инициативы по обсуждению будущего библиотек (например, в Велико-

британии и в США этому уделяется большое внимание). В качестве примера приведем деятельность Американской библиотечной ассоциации. Здесь создан ряд ресурсов, на которых собираются идеи, материалы, инициируется обсуждение новых процессов и тенденций, влияющих на библиотеки сегодня и в будущем. «Центр будущего библиотек» ведет работу по выявлению тенденций, влияющих на развития библиотек. Главная задача – помочь библиотекам и библиотекарям понять, как тенденции развиваются и почему они имеют значение [2]. Тенденции организованы в семи категориях: общество, технологии, образование, охрана окружающей среды, политика и правительство, экономика, демография. Существует также классификация по отдельным темам, таким, например, как интернет вещей, анонимность, старение рабочей силы и мн. др. Здесь собираются и анализируются материалы, публикации, связанные с этими тенденциями, в социальных сетях идет их обсуждение и работают группы библиотечарей. Новые тенденции добавляются по мере их разработки.

Результаты многочисленных следований, проводимых в последние десятилетия во многих странах мира, свидетельствуют о том, что сегодня, в эпоху Интернета, библиотеки продолжают активно посещаться населением.

Изучение результатов масштабных социологических исследований о роли библиотек разных странах мира, регулярно проводимых в развитых и интенсивно развивающихся странах мира, свидетельствует о понимании значимой роли в развитии общества, в т. ч. их значительной роли в качестве организаций, в полной мере возвращающих вложенные в них инвестиции.

Большую роль в изучении работы библиотек играют библиотечные ассоциации разных стран, которые инициируют проведение таких исследований социологическими агентствами, а также проводят свои библиотечковедческие и маркетинговые «библиотечные» исследования (например, собирают мнения экспертов на различные темы, важные для развития отрасли, изучают те или иные аспекты деятельности библиотек).

Эти исследования говорят о тенденциях адаптации библиотек как активного и гибкого социального института к «вызовам» современного мира. Вначале, на этапе развития какой-либо новой информационной технологии библиотеки могут терять посетителей, но затем они к ней адаптируются, модернизируются, и далее – продолжают успешно работать, наверстывая упущенное, о чем свидетельствует статистика посещений библиотек (фиксирующая как физические, как и удаленные

посещения библиотек). Ниже мы остановимся на результатах ряда масштабных социологических исследований, проведенных в последние годы.

США: «библиотеки на перепутье»

В США государство уделяет большое внимание библиотекам, поскольку они играют важную роль в жизни рядовых американцев. Уже в 2008 г. более 99 % американских библиотек были подключены к Интернету. В эти годы в 100 % сельских и других библиотек в районах, где проживает население с высоким уровнем бедности, был обеспечен общественный доступ в Интернет; 66 % филиалов публичных библиотек предлагали беспроводной доступ в Интернет; при этом 73 % филиалов библиотек были единственным источником свободного доступа населения к компьютерам и Интернету в своих общинах [3]. Сегодня во многих публичных библиотеках есть беспроводной Интернет, разнообразные базы данных, а также ридеры.

Здесь ежегодно публикуются данные национального доклада о положении библиотек страны (доклад готовится Американской библиотечной ассоциацией), а также проводится много различных исследований о роли библиотек.

В докладе Американская библиотечная ассоциация (АБА) представила общественности очередной ежегодный отчет «Состояние библиотек Америки», в котором обобщаются статистические данные различных исследований, свидетельствующие о современном уровне и тенденциях развития библиотечного дела в стране. Эти данные базируются на национальных социологических опросах населения страны.

Приведем данные нескольких последних исследований. Систематически работу библиотек изучает такая организация как Исследовательский центр Пью (Pew & American Life Project). В 2013 году этот центр опросил 6 224 американцев в возрасте от 16 лет и старше, опрос был проведен с 18 июля года по 30 сентября 2013 года [4]. Телефонные интервью были взяты на английском и испанском языках, через стационарные и мобильные телефоны. Согласно этому, 48 % американцев побывали в физической библиотеке или посетили библиобус (Bookmobile) лично в прошлом году. 30 % американцев побывали на сайте библиотеки в прошлом году (по сравнению с 25 % в 2012 году). Около 90 % американцев в возрасте от 16 лет и старше сказали, что закрытие их местной публичной библиотеки будет иметь влияние на их общины. 94 % американцев заявили, что наличие публичной библиотеки улучшает качество жизни в общине.

Кроме того, 56 % американцев, которые используют Интернет, но не имеют подключения к нему у себя дома, говорят о доступе к библиотечным компьютерам, Интернету и принтерам, что это «очень важно» для них и их семей (по сравнению с 33 % всех опрошенных респондентов). Для 49 % безработных и пенсионеров была «очень важна» роль библиотекаря помощь им в поиске информации (против 41 % работающих респондентов). 44 % граждан возрастом от 16 лет и старше посетили вебсайт публичной библиотеки. Среди родителей с несовершеннолетними детьми, 70 % из них сказали, что их ребенок посетил публичную библиотеку или библиобус за прошедшие 12 месяцев. Роль библиотек особенно велика для семей с детьми, что фиксируется во многих исследованиях.

В докладе Американской библиотечной ассоциации за 2015 год приведены следующие данные: недавно проведенное исследование показало, что почти все публичные библиотеки (97,5 %) предлагают бесплатный беспроводной доступ в Интернет [5]. Обучение технологиям предлагается практически во всех публичных библиотеках (98,0 %), и почти все из них предлагают программы образования и обучения (99,5 %) и летние программы чтения (98,4 %). Почти 80 % библиотек предлагают программы тем, кто ищет работу (работа с приложениями, заполнение заявок, навыки для прохождения собеседования и составления резюме). Три четверти библиотек предлагают программы для местного сообщества, развития гражданской активности, работы с электронным правительством. Почти все библиотеки предлагают помощь в заполнении государственных электронных форм.

Новый опрос Центра Пью был проведен весной 2015 года [6].⁷ В этом исследовании были проанализированы не только вопросы относительно роли и мнения населения о библиотеках, но рассмотрена динамика посещений библиотек, изменений при использовании их услуг за последние три года. Результаты исследования показывают, что сегодня библиотеки находятся в сложной ситуации – «на перепутье», – что обусловлено многими причинами.

В США библиотеки посещает около половины населения страны. И только в последние годы число физических пользователей стало несколько уменьшаться. В 2015 году библиотеку или мобильную библио-

⁷ Репрезентативный опрос граждан старше 16 лет проведен 17.03. – 12.04.2015 г.; интервью брались по телефону (обычному и сотовому) на английском и испанском языках. Опрошено 1 718 чел. Погрешность выборки составляет 2,4 %. – См.: Horrigan J. B. Libraries at the Crossroads. The public is interested in new services and thinks libraries are important to communities. – URL: <http://www.pewinternet.org/2015/09/15/libraries-at-the-crossroads/>

теку (физически) посетило 46 % граждан страны. Как и какие показатели обслуживания меняются? Что сегодня хотят получить от библиотек граждане США? В исследовании были названы следующие виды услуг, которые предложили оценить по степени нужности («нужны», «возможно нужны», «не нужны»; ниже приводятся ответы респондентов в %):

- предложение программ, чтобы научить людей, в том числе детей и пожилых граждан, тому, как использовать цифровые инструменты, такие как компьютеры, смартфоны и приложения (78 % – 16 % – 3 %);

- предложение программ для обучения посетителей относительно защиты своей частной жизни и безопасности в Интернете (76 % – 18 % – 4 %);

- создание сервисов или программ для военнослужащих и ветеранов (74 % – 20 % – 3 %);

- предоставление более комфортных мест для чтения, работы и отдыха в библиотеке (64 % – 25 % – 7 %);

- создание служб или программ для иммигрантов и американцев первого поколения (59 % – 29 % – 9 %);

- создание служб или программ для местных предприятий и предпринимателей (52 % – 36 % – 8 %);

- приобретение 3D-принтеров и других цифровых инструментов для того, чтобы люди смогли узнать, как ими пользоваться (45 % – 36 % – 17 %).

Отдельный вопрос звучал следующим образом: «Нужно ли переместить некоторое количество печатных книг и книгохранилищ из зон общественного доступа для того, чтобы освободить в библиотеках больше места для работы технических центров, читальных залов, комнат для совещаний и культурных мероприятий?».

С 2012 по 2015 год цифры изменились: «полностью согласны» – от 20 % в 2012 году до 30 % в 2015 году; доля тех, кто полагает, что это «возможно», почти не изменилась (с 39 % до 40 %), при этом существенно выросла доля тех, кто «не согласен» – с 36 % до 25 %. Несмотря на то, что около трети опрошенных на хотят менять пространство библиотек, стало существенно больше тех, кто считает иначе. Библиотеки должны и могут адаптироваться к новым потребностям своих пользователей.

Количество тех, кто берет из библиотеки бумажные книги, уменьшилось с 2012 года с 73 % до 65 % в 2015 году, уменьшилось также и количество тех, кто пользуется помощью библиотекаря (с 49 % до 42 %), библиотечными каталогами посещает классы, программы или лекции (с 23 % до 17 %), во встречах сообществ с 23 % до 16 %. Однако

стало несколько больше тех, кто проводит время в библиотеке, предпочитая сидеть и работать, читать учиться, смотреть и слушать медиа, их количество выросло с 49 % до 53 %.

Есть изменения в поведении тех, кто посещает сайты библиотек и использует их электронные ресурсы. Так, довольно значительно снизилась доля использующих электронные каталоги для поиска информации, чтобы получить книги, CD, DVD (с 82 % до 66 %), сократилась доля заказов книг, аудиокниг, электронных книг и других информационных ресурсов через сайт (с 62 % до 55 %), срока продления книг и других медиа через сайт библиотеки (с 51 % до 47 %), несколько увеличилась частота обращения к онлайн-базам данных (с 62 % до 66 %).

Посетители библиотек все больше осознают, что они могут получать электронные книги из библиотек. Сегодня об этой услуге библиотек знает уже 38 % пользователей. Больше других об этом знают выпускники колледжей (52 %), родители (44 %), и читатели с высоким уровнем дохода (44 %). Однако все еще около половины пользователей (46 %) не знают, что их библиотеки предоставляют эти виды услуг (отмечают 90 % публичных библиотек). Те, кто знают, стали чаще заказывать электронные книги (получать их или скачивать); эту услугу отметили 22 % опрошенных в 2012 году и 27 % в 2015 году. Несколько больше пользователей стало читать обзоры книг и получать рекомендации библиотекарей (с 30 % до 33 %).

подавляющее большинство американцев считают образование базовой миссией библиотек. Около 85 % считают, что нужна координация и более тесное сотрудничество библиотек с местными школами, а также предлагать бесплатные программы начальной грамотности, чтобы помочь подготовить детей к школе. Кроме того, 78 % считают, что библиотеки в своих общинах являются эффективными организациями в продвижении грамотности и привлечении к чтению среди населения.

Преобладающее большинство тех, кто идет в библиотеку, делают это для получения образования. Среди тех, кто пошел в библиотеку в течение последних 12 месяцев и использовали библиотечные компьютеры, Интернет или Wi-Fi, 60 % использовали эти инструменты по заданию школы или для работы, 17 % посещали лекции и другие занятия. Большинство американцев считают, что библиотеки играют важную роль в развитии у них цифровой и информационной грамотности. 65 % опрошенных считают, что библиотеки помогают оценить информацию, узнать можно ли ей доверять. Таким образом, роль библиотекарей в качестве навигаторов и экспертов, как мы видим, в целом оценивается довольно высоко.

Сегодня возрастает роль библиотекарей как консультантов. Часть посетителей все чаще используют публичную библиотеку как «ресурс для цифровых приложений». Так, те из них, кто за последние 12 месяцев посетил сайт библиотеки или использовал с этой целью мобильное приложение, пользовались также следующими сервисами библиотеки: 14 % использовали библиотечные ресурсы, когда им было необходимо узнать, как скачать и использовать электронные книги или другой контент; 10 % – чтобы научиться использовать приложения на смартфонах или планшетах; 9 % – чтобы узнать, как пользоваться социальными сетями; 8 % – чтобы узнать, как создавать цифровую музыку или видео и др.

Автор не рассматривает в этой статье данные о роли библиотек в развитии гражданского общества, помощь посетителям в поиске работы и организации своего бизнеса, работу библиотек с иммигрантами и многое другое. Так же как и в предыдущих исследованиях, рядовые американцы говорят о том, что закрытие библиотек нанесло бы большой урон обществу (65 % опрошенных считает, что закрытие ближайшей библиотеки будет иметь серьезные последствия для их сообщества, и особенно это значимо для семей с детьми).

Таким образом, можно сказать, что, находясь «на перепутье», библиотеки меняются и адаптируются к новой информационной среде. Обратим внимание, что последние исследования показывают, что, наряду с изменениями в традиционных видах работы, возросла роль библиотек в просвещении, консультировании пользователей, а также в предоставлении своим посетителям благоприятного для работы и досуга библиотечного пространства.

В ряде стран мира были проведены исследования, где изучалась роль библиотек в качестве организаций, приносящих выгоду обществу. В 1980-е годы в США возникла «новая экономическая социология», а также появилось множество новых направлений в европейской экономической социологии. В 1990-е годы экономическая социология стала одним из развитых направлений в мировых социологических исследованиях. Изучение роли библиотек как социальных институтов, приносящих общественное благо, в т. ч. и экономическую выгоду, стали проводиться в различных странах. В 1990-е и в 2000-е годы такие исследования проводились в Норвегии, США, Великобритании [7]. Затем такого рода исследования были проведены в Австралии и Республике Корея. В Великобритании они проводятся и сегодня.

Эти исследования базируются на новых экономических подходах, и при их проведении обычно проводятся социологические опросы насе-

ления, разрабатываются методики опросов, принятые в социологических исследованиях. Таким образом, эти исследования проводятся «на стыке» экономики и социологии, и их можно считать социально-экономическими (либо экономико-социологическими). В начале второго десятилетия XXI века эти исследования проводятся в Великобритании и в Австралии, а также в других странах. Ниже приведены некоторые результаты этих исследований.

Австралия: публичные библиотеки возвращают инвестиции

О востребованности публичных библиотек населением свидетельствуют следующие статистические данные. Публичные библиотеки Австралии предоставляют качественные информационные услуги, которые поддерживаются на протяжении всей жизни в австралийском обществе, значительно влияют на культурную и информационную индустрию. Здесь также проводятся различные социологические и другие исследования работы библиотек, делаются опросы экспертов относительно будущего библиотек. Ниже приведены данные результатов последнего экономического (точнее, социоэкономического) исследования относительно вклада библиотек в экономику страны, проведенного в 2013 году [8].

Здесь работает 1 530 публичных библиотек (из них – 75 мобильных библиотек), которые посещают 8,6 млн чел., что составляет примерно 37 % населения страны; более 112 миллионов посещений в год (или более чем 9 миллионов посещений в месяц).

Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что библиотеки очень выгодны обществу. Они являются организациями, улучшающими общее благосостояние и вносящими значительный вклад в экономику страны. Этот вклад измеряется путем вычитания затрат на предоставление услуг библиотеки за вычетом затрат, которые оценивались в исследовании с помощью трех отдельных методов измерения (экономия финансовых средств, транспортные расходы и затраты, посчитанные с помощью метода условной оценки). Общая ежегодная стоимость публичных библиотек по всей Австралии составляет \$ 1,03 млрд. Согласно данным исследования, выгоды от использования библиотек австралийцами составляют около \$ 3 млрд. Это означает, что ежегодные выгоды, создаваемые библиотеками, превышают ежегодные затраты на них в 2,9 раза. Таким образом, библиотеки возвращают вложенные в них инвестиции: на 1 затраченный доллар публичные библиотеки возвращают 2,9 доллара.

Великобритания: граждане любят свои библиотеки

В Великобритании роль библиотек в обществе регулярно изучается с помощью анализа данных статистики, проведения различных исследований, а также опросов экспертов, изучения прогнозов развития общества с точки зрения развития библиотечного обслуживания и проч. В марте 2016 года Департамент культуры, медиа и спорта Великобритании инициировал обсуждение нового документа «Библиотеки добиваются желаемого: амбициозные цели для публичных библиотек Великобритании на 2016–2021 гг.» (Libraries Deliver: Ambition for Public Libraries in England 2016–2021).

Документ был подготовлен группой лидеров из различных организаций, занимающихся развитием библиотек (Leadership for Libraries Taskforce), и правительство страны поддержало подготовку этого документа. В этом документе излагается видение ценности и влияния публичных библиотек – национальной сети, которая обеспечивает преобразование и прогресс для людей, общины и нации. В первую очередь предназначен для улучшения понимания роли библиотек в обществе и использования его властными структурами. Приведем (в переводе автора) отдельные положения и факты о посещении библиотек из этого документа.

Люди в Англии любят библиотеки. Более половины населения Великобритании имеет библиотечную карточку. В 2015 году публичные библиотеки физически посещали 225 млн раз, а также было 96 млн посещений веб-сайтов.

Согласно результатам проведенных исследований, библиотеки приносят выгоду обществу и возвращают вложенные в них инвестиции в соотношении затраты/выгоды как 5:1.

Живая сеть публичных библиотек поддерживает сильное и устойчивое демократическое общество и предоставляет широкий спектр преимуществ для людей, общин и нации в целом. Цель сети публичных библиотек в качестве вклада в 7 областей: чтение и грамотность, цифровая грамотность, здоровье и благополучие, экономический рост, культура и творчество, сообщества, обучение.

Публичные библиотеки имеют три основных «ингредиента»: безопасное свободное творческое пространство, которое является приятным и легким в использовании, как физически, так и виртуально; отличный выбор качественных книг, цифровых ресурсов и другого контента; хорошо обученные приветливые люди, которые работают для того, чтобы помочь пользователям найти то, что они хотят самостоятельно или с поддержкой. Библиотекари и другие сотрудники библиотек преобразу-

ют библиотеки путем адаптации к местным потребностям и предоставляют широкий спектр высококачественных услуг.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что публичные библиотеки имеют огромное положительное влияние на своих пользователей и сообщества, которые они обслуживают. Библиотеки обеспечивают прогресс в целом ряде областей. По данным исследований, публичные библиотеки обеспечивают положительный экономический эффект в трёх смежных областях: как экономические субъекты (экономическое воздействие); как социальные институты, которые способствуют созданию экономической ценности в смежных областях и для местной экономики; как организации, которые обеспечивают широкий спектр услуг, большинство из которых оцениваются как пользователями, так и теми, кто таковыми не являются. Это может быть показано при сопоставлении общей стоимости обеспечения работы библиотеки (соотношение выгод и затрат). Кроме того, библиотеки помогают трудоустроиться, повысить свой уровень образования, помогают бизнесу, а также обеспечивают более безопасные и более сильные сообщества, борьбу с бедностью и социальной изоляцией. Вклад в экономический рост страны за 2013–2015 годы был подсчитан Британской библиотекой и составляет £ 38 млн в добавленной стоимости для экономики Великобритании.

Библиотеки: стимулируют стремление к новому, открывая для людей доступ к новым идеям и возможностям и давая им инструменты, навыки, информацию и уверенность, необходимую для достижения успеха; строят знание и понимание, помогая взаимодействовать с культурой и творчеством, в целях содействия диалогу и построить крепкие сообщества; обеспечивают безопасное, пространство, где люди могут встречаться, думать, учиться, создавать и др. Так, например, в 2015 году 786 547 детей приняли участие в программах летнего чтения (Summer Reading Challenge), проводимых в библиотеках Великобритании.

В отношении улучшения цифровой грамотности у населения библиотеки обеспечивают: улучшенные цифровые навыки; уменьшенное цифровое исключение; более широкое использование государственных услуг в Интернете; доступ к высокоскоростному широкополосному Интернету и др. В 2014–2015 годах библиотекари обеспечили своим пользователям 26 млн часов доступа в Интернет.

Повышение компьютерной грамотности поддерживает общественность в использовании онлайн государственных услуг. Квалифицированные сотрудники библиотеки помогают путем предоставления ин-

формации и услуг в таких областях, как бизнес, здоровье и благополучие.

Мы привели лишь некоторые идеи, подходы и цифры этого доклада. Библиотеки делают гораздо больше, их роль в Великобритании очень велика и высоко оценивается как обществом, так и властью.

Заключение

Выше были обозначены проблемы, связанные и «перезагрузкой» – пересмотром роли библиотек в ракурсе их подготовки к меняющему миру сегодняшнего и завтрашнего дня. Сегодня роль библиотек и их актуальные задачи обсуждаются в различных странах мира как в обществе, так и самими библиотекарями.

В России за последние десятилетия не было ни одного всероссийского исследования, где бы фундаментально и всесторонне изучалась роль и деятельность библиотек. Опросы, проводимые некоторыми службами изучения общественного мнения, не могут служить аргументами относительно роли и задач библиотек в современной ситуации. Они дают примерное и далеко не точное видение проблемы (именно в связи с тем, что в них изучается именно общественное мнение по этому поводу). Глубокие и развернутые исследования необходимы, поскольку в результате множатся мифы о том, что библиотеки мало посещаются и «уходят в прошлое». Приведенные выше данные свидетельствуют об обратном: библиотеки играют большую роль в жизни общества, и эта роль может быть усилена, если библиотеки станут более «видимым» социальным институтом. Библиотеки – это организации, приносящие общественное благо, и в случае их модернизации и полноценного финансирования они полностью возвращают вложенные в них инвестиции. Именно об этом свидетельствуют исследования, проведенные в развитых и интенсивно развивающихся странах мира.

Обсуждая происходящие изменения и тенденции развития библиотек в мире и в России очень хочется, чтобы эти изменения и программы развития библиотек в нашей стране опирались на грамотно проведенные масштабные, а также региональные и локальные социологические, экономические и другие исследования, как это делается сегодня во многих странах мира.

Список использованных источников

1. *Доступ и возможности для всех. Вклад библиотек в реализацию повестки дня ООН до 2030 года [Электронный ресурс].* – URL: <http://www.ifla.org/files/assets/-hq/topics/libraries-development/documents/access-and-opportunity-for-all-ru.pdf> (дата обращения: 27.09.2016).
2. *ALA Trends. The Center for the Future of Libraries [Электронный ресурс].* – URL: <http://www.ala.-org/transforminglibraries/future/trends> (дата обращения: 27.09.2016).
3. Чудинова, В. П. Изучение американских публичных библиотек и их пользователей / В. П. Чудинова // Библиотечное дело – XXI век. – 2009. – № 2 (18). – С. 68–85.
4. *Zickuhr Kathryn, Rainie Lee, Purcell Kristen, Duggan Maeve. How Americans Value Public Libraries in Their Communities [Электронный ресурс].* – URL: <http://libraries.pewinternet.org/2013/12/11/libraries-in-communities/>-http://libraries.pewinternet.org/files/legacy-pdf/PIP_Libraries_in_communities.pdf (дата обращения: 27.09.2016).
5. *The State of America's Libraries Report. Special Issue April 2015 [Электронный ресурс].* – URL: <http://www.ala.org/news/state-americas-libraries-report-2015> (дата обращения: 25.09.2016).
6. *Horrigan, J. B. Libraries at the Crossroads. The public is interested in new services and thinks libraries are important to communities [Электронный ресурс].* – URL: <http://www.pewinternet.org/2015/09/15/libraries-at-the-crossroads/> (дата обращения: 29.09.2016).
7. Чудинова, В. П. Измерение ценности и критерии эффективности деятельности библиотек: зарубежный опыт : учеб.-практ. пособие / В. П. Чудинова ; пер. с англ. К. О. Чудиновой, В. П. Чудиновой. – М. : Литера, 2011. – 256 с.
8. *National Welfare & Economic Contributions of Public Libraries. Final Report. Australian Library and Information Association. March 2013 [Электронный ресурс].* – URL: <https://www.alia.org.au/sites/default/files/Contribution%20of%20Australian%20Public%20Libraries%20Report.pdf> (дата обращения: 27.09.2016).
9. *Libraries Deliver: Ambition for Public Libraries in England 2016-2021. 23.03. 2016 [Электронный ресурс].* – URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/libraries-deliver-ambition-for-public-libraries-in-england-2016-2021> (дата обращения: 27.09.2016).

«Mobilis in Mobile».
**Как мобильные устройства меняют
 информационную среду библиотеки:
 ближняя и дальняя перспективы**

*Пурник Антон Александрович,
 начальник отдела управления проектами
 Российской государственной библиотеки для молодежи,
 к. э. н., Москва*

Одной из основных примет современности является повсеместное проникновение мобильных устройств (смартфонов, планшетов). Если раньше смартфоны были приметой либо обеспеченного человека, либо техногика, то сейчас их могут позволить себе практически все. Это будут устройства, безусловно, разного ценового сегмента, но при этом со схожими базовыми технологическими возможностями. Работа с электронной информацией у современного молодого человека в половине случаев ведется на телефоне, поэтому было бы странным, если бы библиотека не пыталась оказать ему информационные услуги именно в этой, мобильной, форме, т. е. посредством его же собственных смартфонов и планшетов.

Российская государственная библиотека для молодежи (РГБМ) была одной из первых в стране, кто в 2007 году предложила своим читателям возможность беспарольного открытого доступа к сети на всей своей территории. За почти десять лет мы собрали довольно обширный массив информации о том, кто и с какими устройствами к нам приходит, какие у читателей бывают типы запросов, задачи. На основе этой информации мы сформировали как общую политику оказания мобильных информационных услуг, так и выработали определенный набор услуг.

Рассылки по электронной почте

Самое простое и очевидное, с чего стоило бы начать, – взаимодействие по электронной почте. Раньше настройка почты на мобильных

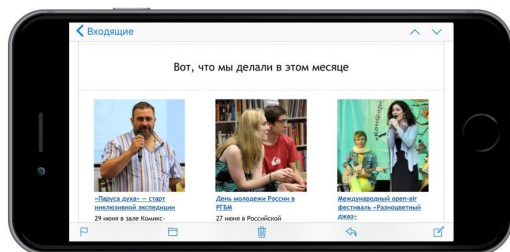

Письмо о задолженности

устройствах представляла определенную сложность, но с появлением в 2007 году первого iPhone стандарты простоты использования смартфонов сильно поменялись, а, соответственно, иметь в своем телефоне доступ к электронной почте стало признаком хорошего тона.

Поскольку в РГБМ в «Личном кабинете» на сайте зарегистрировалось порядка 10 тыс. читателей, у нас есть очень большое количество подтвержденных адресов электронной почты, которые мы используем для рассылки информационных писем о наличии задолженности за взятые на дом издания либо о том, что через 2 дня наступит срок возврата. Рассылка этой информации полностью автоматизирована: каждое утро робот проверяет читателей на предмет долга и отправляет «письмо счастья». Отправка писем одному человеку производится один раз в неделю.

Несколько другой вариант нашей работы в формате электронного письма – ежемесячные рассылки информации о предстоящих мероприятиях, интересных событиях, прошедших в библиотеке, других новостях. Дело это вроде бы очевидное и давно всеми взятое в практику делового оборота, но при этом – требующее большой тщательности. Все адреса, по которым ведется рассылка, должны, с одной стороны, быть получены «честным» путем, т. е. человек должен выказать свое желание получать ваши материалы, а с другой – у него обязательно должна быть прямо указанная в письме возможность от нее отписаться. Еще один важный момент: рассылка не должна быть сухим пресс-релизом «черное на белом», который в 99 % случаев отправляется в корзину без прочтения. Она должна быть краткой, но емкой, не претенциозной, но и не фамильярной, с фотографиями, но так, чтобы они были исключительно по делу.

Пример информационной рассылки

В целом она должна быть такой, чтобы ее можно было окинуть одним взглядом и сразу увидеть все нужные и интересные детали. И все это должно одинаково хорошо отображаться и в почтовой программе, и при чтении почты через браузер, и, разумеется, на экране мобильного

телефона. Хочется обратить внимание, что согласие на массовую неперсонифицированную email-рассылку необходимо обязательно получать в явной письменной либо электронной форме. Если с письменной формой все более-менее понятно, то в электронной необходимо не только получить сам адрес через специальную форму, но и отправить на этот адрес запрос с просьбой подтвердить желание подписаться на рассылку. Причем информацию о согласии необходимо будет в какой-то форме сохранить.

SMS-информирование

Использование SMS также является удобным способом донести до читателя ту или иную информацию. Но надо понимать, что в отличие от массовых email-рассылок, для которых достаточно получить согласие человека на ее получение, неперсонифицированные рассылки посредством СМС должны быть согласованы с операторами связи:

«Рассылка по сети подвижной радиотелефонной связи по инициативе заказчика рассылки осуществляется на основании договора, заключенного с оператором подвижной радиотелефонной связи, абоненту которого предназначена рассылка. Предметом указанного договора являются услуги по осуществлению рассылки оператором связи» (Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 272-ФЗ).

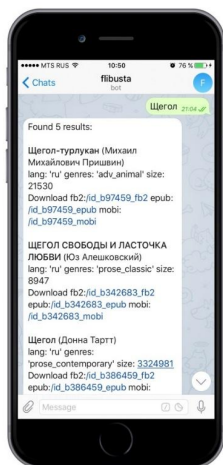
В РГБМ в форме СМС на данный момент рассылаются только персонифицированные служебные данные для привязки читательского билета к личному кабинету на сайте.

Также при планировании коммуникаций с читателем посредством СМС необходимо обязательно учитывать, что отправка их в «товарных» количествах не может быть бесплатной, соответственно, эти затраты должны быть заранее учтены в бюджетах соответствующих проектов.

СМС является самым универсальным и максимально гарантированным способом донести ту или иную информацию до абонента, т. к. не существует на данный момент телефонов, которые бы эту технологию не поддерживали, с одной стороны, а с другой – всегда в обязательном порядке присутствует возможность получить подтверждение о доставке абоненту. Несмотря на это, поскольку исходящие СМС по-прежнему небесплатны для абонентов сотовой связи и очень ограничены по возможному к передаче контенту, сами молодые (и не только) пользователи библиотек в повседневной жизни намного активнее используют разнообразные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram, Skype и т. д.), т. к. они раскрывают намного большие возможности для

общения и не предполагают оплату за использование сервиса, кроме затрат на интернет-трафик. Кроме того, они в большинстве случаев являются кроссплатформенными, т. е. не зависят от того, на какой именно операционной системе работает телефон. Таким образом, можно сказать, что СМС – это в первую очередь канал взаимодействия именно библиотеки с читателем, а не наоборот.

Мессенджеры как новое слово в построении коммуникаций с пользователями

Бот в мессенджере Telegram

Если самый популярный в мире мессенджер WhatsApp (более 1 миллиарда активных пользователей) пока не может предложить своим абонентам полноценную, не привязанную к телефонному аппарату версию для настольного компьютера, то идущие за ним Viber и Telegram сделали это уже довольно давно. Поэтому одним из удобных форматов, помимо широко используемых модулей онлайн-консультирования на сайте, для непосредственного общения с читателем в режиме чата, может быть приглашение задавать свои вопросы через удобные ему сервисы. Желательно, конечно, чтобы в этой ситуации их было несколько, т. к. тогда одна из необходимых программ точно окажется на телефоне у читателя.

Еще одним интересным вариантом работы являются так называемые боты в мессенджере Telegram. Общий принцип их работы состоит в том, что вы вроде как общаетесь в обычном окне чата, но ваш собеседник – не живой человек, а робот, который может отвечать на правильно поставленные вопросы. Одни из самых популярных ботов – бот торрент-трекера (сайта, позволяющего обмениваться людям файлами напрямую) и одной, откровенно говоря, пиратской, электронной библиотеки. Оба эти сайта в обычной своей ипостаси заблокированы на территории РФ, но при этом они прекрасно функционируют в качестве ботов. Смысл их работы прост: пользователь в окне чата пишет запрос, например, название книги или фамилию, а в ответ сразу получает прямые ссылки на скачивание файлов. Не одобряя в целом подобные подходы к распространению контента, защищенного авторским правом, подобные боты могут быть весьма полезны в библиотечной практике. Например, библиотека может создать свою программу, которая будет в ответ на

запрос книги давать не ссылку на файл, а информировать о наличии ее в фонде. В настоящий момент в РГБМ готовится к запуску именно такой бот.

Использование сетей беспроводного доступа

Чуть выше было уже сказано о том, что в нашей библиотеке зона Wi-Fi существует довольно давно. Изначально она была беспарольной, но поскольку текущее законодательство запрещает иметь публичные точки доступа, не позволяющие точно идентифицировать пользователя, мы были вынуждены добавить функционал авторизации для выхода в Интернет. Авторизоваться могут только те, у кого есть читательский билет, поэтому, хоть изначально это воспринималось нами как негативный момент, часть наших читателей вышла из серой зоны, зарегистрировалась и наконец-то персонализировалась. Чему мы, безусловно, рады.

Не секрет, что Wi-Fi в библиотеке – это не только способ предоставить бесплатный доступ к сети, но и хорошая возможность дать доступ к подписным ресурсам библиотеки на мобильном устройстве читателя. Наличие формы авторизации позволяет напрямую перенаправить читателя на эти ресурсы, тем самым повысив их посещаемость и использование.

Мобильная или полноценная версия сайта

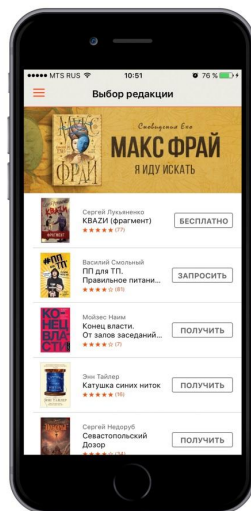
Также неплохим адресом для перенаправления со страницы авторизации в беспроводной сети является сайт библиотеки. В этой связи особо важным становится то, как страница будет отображаться на экране мобильного устройства. Существует два варианта, как может быть решена эта задача – специальная мобильная версия и правильная верстка обычной версии, которая не «адекватно отразит информацию на экране телефона». В пользу мобильной версии говорит то, что она будет быстро грузиться, в ней должны присутствовать большие элементы для возможности простого перемещения по страницам с помощью пальцев. Но при этом мобильная версия в подавляющем большинстве случаев является все-таки усеченным вариантом полной версии сайта. На мой взгляд, гармоничный подход – это открытие на телефоне по умолчанию мобильной версии с обязательным сохранением возможности для переключения на полную.

Не менее тщательным и внимательным стоит быть, когда на сайте используются технологии, которые не могут быть воспроизведены на большей части мобильных устройств. Например, технология Flash. В частности, на сайте РГБМ часть книг в ознакомительных целях выложена с возможностью анимированного пролистывания, реализованной именно на Flash. Для того чтобы у пользователей не возникало проблем с просмотром, был использован довольно простой подход: при входе с мобильного устройства им показывается не «листалка», а pdf-версия, которая, на наш взгляд, в любом случае полезнее, удобнее и универсальнее для работы на неполноценном компьютере, чем пусть и красивая, но все-таки игрушка.

Мобильные приложения

Одним из важных отличий мобильных устройств от десктопов является не только размер экрана, но и гораздо большее количество специализированных приложений, который пользователь устанавливает на свой гаджет. В этот момент у библиотеки может возникнуть, казалось бы, вполне закономерная мысль – сделать свое, родное, библиотечное приложение. Но тут возникает целый букет проблем: большая дороговизна разработки, необходимость делать версии для разных платформ, поддержка обновления и самое главное – полное отсутствие реальной необходимости пользователю его ставить. Связано это с тем, что пользователи ставят себе хоть и много программ, но большинство из них занимают верхушки рейтинга и либо обладают действительно уникальным функционалом, из-за чего задерживаются на рабочих столах мобильных на годы, либо стираются после первого же запуска. Библиотечному приложению сложно предложить действительно интересный контент. А любые попытки строить социальную сеть в миниатюре оказываются утопией.

Как мне кажется, намного более продуктивным подходом будет продвижение в читательские массы приложений от поставщиков электронных ресурсов, на которые подписана библиотека. В их ряду хотелось бы особо выделить приложение для iOS «Читай!» от компании Литрес. Оно объединяет огромную подборку книг (к слову, самую

Приложение «Читай!»

крупную в стране, если рассматривать именно свежие издания), хороший поисковый функционал, приятный глазу интерфейс и замечательную читалку. Последнее особенно важно, т. к. мне лично до недавнего времени было не сильно удобно пользоваться другим их специализированным «библиотечным» приложением. Но после того как в их основное приложение была добавлена возможность присоединить библиотечный аккаунт, все встало на свои места, и теперь это уже однозначно полезное приложение.

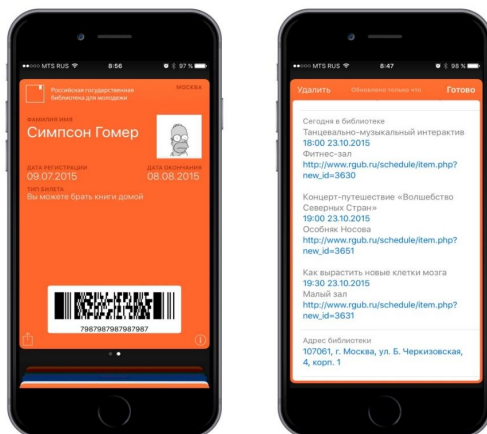
Так неужели библиотеке не стоит совсем ничего делать для того, чтобы закрепиться в телефоне пользователя? Как раз наоборот. В августе 2015 года РГБМ запустила в эксплуатацию первый в стране настоящий электронный читательский билет.

Электронный читательский билет в формате Passbook

Суть его состоит в том, что во всех телефонах iPhone есть встроенная программа Wallet (ранее Passbook), в которой можно хранить электронные дубликаты различных карт, пропусков, купонов, билетов и т. д. Эта карта при необходимости выводится на экране телефона, и вы можете получить необходимую услугу, не предъявляя реальный пластик. Карты для Wallet также могут быть прочитаны, сохранены и воспроизведены на устройствах с Android, Windows Phone.

РГБМ разработала свой вариант читательского билета в формате Passbook и предоставила возможность скачать его из личного кабинета всем своим читателям. На самом билете помимо очевидного (штрих-кода, фотографии, имени-фамилии), т. е. того, что нужно библиотекарю для выдачи книг, владелец карты сможет увидеть информацию о взятых книгах и сроке их возврата, актуальных мероприятиях, вовремя получить важные объявления.

Все обновляется автоматически напрямую из АБИС и сайта библиотеки, без участия пользователя. Карта выводится на экран сама в тот момент, когда читатель приближается к зданию биб-

Электронный читательский билет

лиотеки. Электронная карта является не заменителем, а дополнением к обычному пластиковому билету.

Преимущества у этого подхода перед отдельным приложением следующие: на порядок меньшая цена разработки, простота установки на телефон пользователя, отсутствие лишних элементов, лаконичность и удобство пользования.

В заключение хотелось бы упомянуть о таком, на первый взгляд, не совсем имеющем отношении к непосредственному оказанию библиотечных услуг моменте, как любовь посетителей фотографировать себя в библиотечных интерьерах. Делают они это только в том случае, если окружающая действительность соответствует их представлениям о том, на фоне чего стоит засветиться. И тут есть два варианта: либо фон приятен во всех отношениях, либо столь ужасен, что так и тянет сфотографироваться. На основе этих фотографий, хочет этого библиотека или нет, будет складываться впечатление о ней в молодежном сообществе.

Поэтому, безусловно, хотелось бы, чтобы вся библиотека могла быть хорошим, удобным, красивым, гостеприимным пространством, куда хотелось бы прийти одному либо с друзьями и отложить уже, наконец, опостылевший мобильник в сторону.

Базовые характеристики профессионального сознания библиотекарей и их влияние на реализацию коммуникативной функции библиотек

*Долгополова Елена Еремеевна,
заместитель директора
Национальной библиотеки Беларуси,
к. п. н., Минск*

*«Профессия – это заговор специалистов
против непосвященных»
Б. Шоу*

Категория «профессиональное сознание» может рассматриваться как субъективная составляющая профессионализма индивида и как проекция специализации трудового опыта конкретных профессиональных групп. Каждый аспект представляет обширное поле для самостоятельных исследований. В первом случае внимание будет акцентироваться на психологических составляющих трудовой деятельности профессионала, а во втором – на социальном статусе профессиональной

группы и ее роли в осуществлении социально значимых функций. Попытка рассмотреть оба аспекта в рамках одной статьи, а также проследить влияние профессионального сознания на реализацию важнейшей – коммуникативной – функции библиотек, достаточно рискованна. И все же автор берет на себя смелость решить данную задачу. Отправной точкой наших рассуждений станет анализ содержания профессии «библиотекарь».

В наиболее общем контексте профессия рассматривается как особая форма организации трудоспособных членов общества, объединенных общим видом деятельности и профессиональным сознанием [1, с. 122]. Каждый тип профессий отличается между собой производственно-техническими, социально-экономическими, технологическими и иными условиями организации трудовой деятельности. Соответственно, отличаются и психофизиологические требования к работникам, занятым в различных сферах профессиональной деятельности.

В дифференциальной психологии можно найти множество классификаций профессий. Наиболее распространенной является типология, в основе которой лежит объект труда [1, с. 130], который может быть представлен широким спектром предметов, веществ, явлений, людей, живых организмов и т. д. [1, с. 122].

В соответствии с этим признаком выделяются такие группы профессий, как «человек – живая природа», «человек – техника», «человек – человек», «человек – знаковая система», «человек – художественный образ».

Следует отметить, что рассматриваемая типология носит контурный характер. Поскольку большинство профессий характеризуется признаками разных типов и в разной мере, рекомендуется учитывать факт нечеткости границ профессии и ориентироваться на главные группы признаков.

Анализ литературы по данной проблематике позволяет утверждать, что библиотекарь/библиограф относится к числу профессий, для которых сложно определить конкретный и специфический предмет труда. Дело в том, что среди ученых нет единства относительно того, к какому из перечисленных типов относится библиотечная профессия. Одни специалисты включают ее в группу «человек – человек», другие причисляют к числу профессий «человек – знаковая система». Более того, некоторые психологи склонны проводить четкую грань между содержанием труда библиотекаря (тип «человек – человек») и библиографа («человек – знаковая система») [2, с. 69; 3, с. 203]. Учеными также предпринимались попытки провести определенную градацию библио-

течного труда в пределах типа «человек – человек». Так, например, в книге Р. Д. Кавериной «Опыт психологической классификации некоторых профессий в целях профконсультирования» [4, с. 69–70] библиотекарь детской районной библиотеки и библиотекарь районной массовой библиотеки отнесены к разным подтипам на основании различий в уровне содержательности общения.

Очевидно, что специалисты в области дифференциальной психологии в одном случае в качестве объекта труда выбирали читателя (хотя точнее было бы говорить о его информационных потребностях), в другом – документы. Объект служит основой для составления профессиограммы, т. е. «сводки знаний о профессии и о системе требований, предъявляемых к человеку той или иной специальностью, профессией или их группой» [5, с. 123]. Это обусловлено тем, существование в логике объекта деятельности «формирует особенности сознания субъекта, в том числе и его профессиональное сознание. Особенность предмета труда неизбежно оказывает свое влияние на психику человека, формирует или деформирует субъекта профессиональной деятельности» [6, с. 46].

Как разительно отличаются психологические характеристики людей, занятых в таких группах профессий, как «человек – человек» и «человек – знаковая система»? Попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на положения, изложенные в работе Е. А. Климова [7, с. 176–186]. Представим в виде таблицы психологические характеристики разнотипных профессионалов:

№ п/п	Объекты восприятия	Психологические характеристики типа «человек – человек»	Психологические характеристики типа «человек – знак»
1.	Образ мира	В центре сознания – целостности, характеризующие умонастроение, поведение, образ жизни и формы активности людей	В центре сознания – целостности в виде систем, формул, моделей и схем
2.	Предметная область	Духовные потребности в сфере досуга, отдых и настроение стороннего человека	Документопотоки, данные, формат, библиографический поиск, контроль исполнения документов
3.	Внешние проявления работы	Собственное поведение и поступки, мероприятия	Порядок и четкость, отлаженная технология

4.	Субъектное в работе	Собственные эмоции и настроение, духовный мир, внимание	Сосредоточенность, ответственность за каждый документ, внимательность
5.	Нормативное в работе	Закон, требования морали	Детализированные нормы и правила, требование единообразия
6.	Люди в работе	Подчиненные	Лица, которых нужно документально удостоверить
7.	Обстоятельства работы	Психологический климат, необходимость переключаться с одного вида деятельности на другой	Информация большого объема, в которой надо разобраться

На первый взгляд, мы видим существенные противоречия между требованиями, предъявляемыми к психологическим характеристикам людей, занятым в одной профессиональной сфере. Но это не так, если рассматривать трудовую деятельность библиотечных специалистов на отдельно взятых производственных участках.

Дело в том, что к методологическим требованиям, позволяющим точно определить объект деятельности, относятся следующие:

1) объектом деятельности является лишь тот предмет, над которым производятся операции, действия по преобразованию его в другое состояние;

2) объект деятельности должен быть чувственно доступен субъекту деятельности, т. е. видимым, слышимым или воспринимаемым (тактильно либо с помощью специальных средств) [6, с. 56–57].

Например, для работников, связанных с комплектованием, обработкой и хранением фондов объектом деятельности будет выступать документ. Над ним проводятся процедуры регистрации, библиографического описания, расстановки, и, как результат, получают организованный информационный ресурс. Для сотрудников же подразделений обслуживания объектом труда выступают читательские запросы (устные, письменные, оформленные к электронной форме, т. е. чувственно воспринимаемые), а результатом является удовлетворенная информационная потребность.

Различиями в объекте труда на разных производственных участках и объясняется сосуществование в пределах библиотеки как социального института разнотипных профессионалов. Для одних в центре сознания – целостности в виде систем, формул, моделей и схем; для других – цело-

тности, характеризующие умонастроение, поведение, образ жизни и формы активности людей (см. табл., п. 1). Как это отражается на коллективном профессиональном сознании библиотекарей? Ведь именно в нем закрепляются доминирующие представления профессиональной группы о предметной области профессии, ее общественном назначении, целях, правилах и нормах. По мнению автора, библиотечное сообщество в своем большинстве склонно связывать предметную область своей профессии с типом «человек – знаковая система» (см. табл., п. 2).

Может ли документ выступать объектом труда, если анализировать библиотечную работу, не расчлняя ее на отдельные производственные процессы? Однозначно нет. В противном случае организованный фонд (ресурс) представлял бы конечный результат труда. Безусловно, четыре с половиной тысячи лет назад, когда возникла библиотечная профессия, именно так и было. Библиотеки представляли собой элитарные собрания, доступные лишь их владельцам или ограниченному кругу лиц, а сам библиотекарь был в первую очередь хранителем. Но профессии не могут оставаться статичными институциональными образованиями, поскольку сами общества постоянно меняются. Как отмечает Абрамов Р. Н., «современные профессии имеют не более чем символическую преемственность с профессиональными группами, носившими ту же номинацию в прошлом» [8, с. 51].

В настоящее время основная миссия библиотеки как социального института – обеспечение максимально широкого доступа к документам (ресурсам). Следовательно, только информационные потребности читателей могут рассматриваться в качестве объекта, а их удовлетворение – в качестве результата труда такой профессиональной группы, как библиотекари.

Безусловно, в каждой профессии формируются традиции и установки, которые сложно поддаются корректировке. Следует помнить, что в исторической перспективе книга не так давно утратила роль базового источника знаний и средства организации досуга. Великие умы воспевали книгу и чтение: «Большая часть человеческого знания во всех отраслях существует лишь на бумаге, в книгах – этой бумажной памяти человечества. Поэтому лишь собрание книг, библиотека является единственной надеждой и не уничтожаемой памятью человеческого рода» (А. Шопенгауэр) [9].

Возведению книги на высочайшее место в шкале духовных ценностей способствовали особенности политического, социального и экономического уклада Российской империи и Советского Союза, в состав которых входила современная Беларусь. В начале XIX века, когда был

введен запрет на ввоз в российскую империю некоторых книг и издан цензурный указ, начала формироваться завышенная литературность общественной жизни, которая сохранялась до конца 1980-х гг. и представляла собой попытку общества «найти универсальный канал социальной коммуникации, возмещающих отсутствие нормальных форм взаимодействия» [10, с. 40].

На фоне гипертрофированной значимости книги и художественного слова в общественной жизни в библиотеках формировалось кардинально противоположное отношение к читателю.

В период появления на территории современной Беларуси первых общедоступных библиотечных учреждений в конце XVIII века, подавляющая часть населения была безграмотной. Это создало предпосылки для формирования просветительской традиции, ориентированной на широкое распространение знаний и приобщение к чтению [11]. К сожалению, позднее она трансформировалась в диктат библиотекаря над читателем. Так называемое руководство чтением, а по сути – манипуляция сознанием читателя и игнорирование его реальных потребностей, доминировало более семидесяти лет в библиотечном обслуживании. Представление о некоем интеллектуальном превосходстве над читателем бытует в нашем профессиональном сообществе до настоящего времени. Мы также не хотим отказаться от мысли, что книги (документы/ресурсы) не обеспечивают априори особый статус библиотек и библиотечарей в обществе.

Пустующие читальные залы, падение книговыдачи, снижение спроса на электронные ресурсы – реальная проблема для большинства библиотек. На этом фоне мы продолжаем рассуждать о роли библиотеки в контексте, несколько не способствующем улучшению ситуации. Приведу несколько примеров, характеризующих общую тональность нашего профессионального дискурса.

«Библиотеки испокон веку являются сокровищами культурных ценностей человечества, распространителями знаний, очагами просветительства во всех сферах жизнедеятельности человека. Библиотека – это сердце обучающего процесса» [12].

«Библиотека как социальный институт вовлечена во все сферы деятельности человека. Несомненно, она способна удовлетворять потребность в каком-либо виде деятельности, но и формировать сами потребности в самостоятельном, избирательном реагировании на жизненно важные условия, в которых находится пользователь библиотеки» [13].

«Современная библиотека – это адаптивная многофункциональная открытая культурно-цивилизационная инстанция. Она собирает, орга-

низует и сохраняет документированное знание, гарантируя устойчивость общественной жизни в случае социальных потрясений. Организуя доступ к накопленным информационно-знаниевым ресурсам, она формирует и удовлетворяет информационные, образовательные и культурные потребности людей, обеспечивая устойчивое развитие человеческого общества» [14].

Только требования к объему статьи не позволяют продолжить цитирование. Но и приведенные выдержки наглядно свидетельствуют о том, что старательно поддерживаемый профессиональным сообществом образ библиотеки сохраняет некий символический, почти сакральный характер. В свое время на этот феномен обратила внимание В. Д. Стельмах в своей работе [15], указав, что образы библиотеки-Храма и библиотекаря-«священнослужителя» прочно вошли в общественное сознание. При этом исследователь справедливо отмечала полярность ценностной модели библиотеки и читательской оценки ее реальной работы: «Подобно храмам, библиотеки взяли на себя миссию хранения и демонстрации тех ценностей, которые отбирались веками и приобрели статус классических образцов... Полки с произведениями великих... это своего рода «библиотечный иконостас», почитаемый читателями. Но, ритуально поклонившись, они проходят мимо него к далеко не столь совершенным, но более жизненно необходимым и интересным книгам» [15, с. 19].

Между тем желания читателей выбирать ту литературу, которая им нравится, работать с книгой в удобном для них режиме отнюдь не встречает поддержки библиотечных работников. Специалист, работающий, по ее словам, «в культурном центре, занимающемся пропагандой книги и чтения», поясняет, что «проблема с книжками на дом тоже вполне понятна: наши люди не умеют возвращать вовремя литературу, поэтому никто домой ничего не выдает!» [16].

Сама логика размещения книжных фондов в большинстве случаев подчиняется требованию сохранности документов, а не установке на их активное использование. Открытый доступ для белорусских библиотек – явление не слишком распространенное. Наиболее востребованные книги находятся либо в фондохранилище, либо в подсобных фондах читальных залов за спиной библиотекаря. При отсутствии возможности работать с документами «от полки», читателю необходимо воспользоваться справочно-поисковым аппаратом библиотеки для выявления необходимых источников. Насколько это удобно и просто?

Проведем небольшой эксперимент. Предположим, читателя интересует тема «концепция обучения в течение всей жизни». Набираем данное словосочетание в поисковой строке Google. Через 0,40 секунды

получаем 390 000 результатов. Просмотр полных текстов по всем ссылкам на первой странице занимает 10 минут. Из двенадцати просмотренных источников – сама концепция и шесть вполне авторитетных работ, раскрывающих тему.

Проводим аналогичный поиск по пяти электронным каталогам крупнейших библиотек Беларуси. Результат отрицательный – не найдено ни одного источника. Справедливости ради надо указать, что поиск по словосочетанию «непрерывное образование» дал некоторые результаты: от 3-х до 10-ти записей в каждом из каталогов. Минимальное время поиска составило 2 минуты, максимальное – 7 минут. При этом следует не забывать, что библиографическое описание не всегда позволяет оценить релевантность источника.

В этом контексте хочется привести еще одну развернутую цитату из статьи Стельмах В. Д.: «язык библиотеки... доступен лишь узкому кругу посвященных – достаточно образованных и приобщенных к библиотечному знанию людей. Остальные нуждаются в специальном обучении и руководстве. Отсюда постоянная потребность в организации уроков библиотечно-библиографической грамотности, курсов, консультаций и т. д., цель которых – научить читателя пользоваться библиотекой или хотя бы ориентироваться в чуждом ему библиотечном мире» [15, с. 18–19].

Насколько библиотекари стремятся «породнить» читателя с этим миром свидетельствует пример с одного из интернет-форумов. Мнение читателя: «Архитектура архитектурой, но главная проблема библиотеки в том, что в ней нет книг. А если есть, то достать их сложно». Аргумент специалиста: «Похоже, комментарии ТУТ пишут те, кто в... библиотеке НИКОГДА не был... или те, кто НЕ УМЕЕТ библиотеками пользоваться, не знает их возможностей». И, наконец, контраргумент читателя: «А как человек может научиться пользоваться библиотекой? Наверное, ему в этом должны помочь библиотекари, объяснить, что где» [17].

В этом контексте представляется весьма справедливым утверждение Матвеева М. Ю., что основе библиотечной коммуникации лежит «фундаментальное непонимание библиотекарями и читателями друг друга: каждый из них занимается своим делом, но вынуждены они это делать по непонятным для сторон причинам на одной территории. Но два этих дела разнятся по содержанию: библиотекари видят свою основную задачу в собирании и хранении книг, а читатели – в получении и обработке информации (книги как носители этой информации оказываются лишь случайной формой)» [18].

К чему приводит подобное противостояние свидетельствуют результаты социологических опросов⁸. Например, нашими российскими коллегами было установлено, что библиотекарь нервнует 35 % читателей Бурятии и Якутии своим негативным отношением к делу, профессии. На 19 % читателей нагнетают страх взгляд, выражение лица, внешний вид, интонации библиотекаря [18].

В иных регионах среди негативных качеств библиотекарей читатели выделяют: занудство, закомплексованность, крикливость, недоверчивость, недовольство, неразговорчивость, неулыбчивость, тяжелый взгляд («что-то объединяет библиотекарей, какая-то ущербность») [19].

Любопытен сравнительный анализ профессиональных стереотипов, бытующих среди читателей и библиотекарей. Профессиональное сознание последних сильно гипертрофировано. Они считают себя в первую очередь хранителями знаний (81 %), образованными интеллигентами (80 %), обаятельными и элегантными людьми (64 %). Читателей же, придерживающихся такого мнения вдвое меньше. При этом почти половина из них причисляет библиотекаря к «незаметным людям», «серым мышкам» [19].

Автором этих строк была предпринята попытка найти некий обобщающий термин, характеризующий особенности профессионального сознания библиотекарей в трудах по психологии труда и социальной психологии. С сожалением приходится констатировать, что библиотечная специальность не входит в число профессий, вызывающих интерес психологов и социологов. О рисках профессиональной деформации медиков, педагогов, юристов написаны многочисленные монографии. Так, например, к негативным последствиям трудовой деятельности в педагогике относят дидактогению, в медицине – ятрогению, в судебной системе – обезличивание человека [6, с. 44].

В связи с тем, что подобных исследований относительно библиотечного профессионального сообщества выявить не удалось, пришлось обратить внимание на труды более широкой тематики. Так, в литературе по социальной психологии обратил на себя внимание такой термин, как «огруппление мышления». Под ним понимается «режим мышления, возникающий у людей в том случае, когда поиски консенсуса становятся настолько доминирующими для сплоченной группы, что она склонна

⁸ Поскольку в Республике Беларусь подобных исследований не предпринималось, в статье используются данные опросов, проводившихся в России. Учитывая схожесть социокультурной ситуации в наших странах, данные можно экстраполировать с достаточной степенью объективности.

отбрасывать реалистические оценки альтернативного способа действий» [20, с. 384].

К симптомам данного феномена относятся:

- завышенная оценка членами группы своих возможностей и прав;
- излишний оптимизм, который не дает увидеть признаки опасности;
- неоспариваемая вера в этичность и добродетель группы;
- рационализация (объяснение и оправдание) своих решений вместо их обдумывания и пересмотра;
- стереотипный взгляд на противника (злонамеренный либо слабый и неразумный);
- давление конформизма (отпор сомневающимся членам группы не с помощью аргументов, а при помощи насмешек, задевающих личность);
- самоцензура (сокрытие разногласий, видимость консенсуса, сравнительная изоляция группы от противоречащих мнений) [20, с. 383–387].

Еще один термин, который привлек автора в ходе анализа – «коллективный аутизм» [21]. В русскоязычной литературе по психологии он используется крайне редко. Возможно, потому, что труды Гарднера Мерфи, который ввел данное понятие в научный оборот, не издавались на русском языке. Суть «коллективного аутизма» состоит в том, что определенная группа людей чаще всего сознательно и целенаправленно навязывает и длительное время настойчиво культивирует в обществе некие убеждения, которые ни в малейшей степени не соответствуют окружающей действительности.

Цель аутистического мышления – прекращение доступа всякой критической информации, отказ от активных действий и разумного выбора лучшего варианта с учетом всех доступных познанию «за» и «против». Тот, кто находится во власти коллективного аутизма, всячески избегает какого бы то ни было действия и ни при каких обстоятельствах не желает слышать трезвых рассуждений [22].

Значительная часть приведенных выше характеристик огруппленного мышления и коллективного аутизма присуща профессиональным воззрениям и поведению библиотекарей. Однако оба описанных феномена имеют общую специфическую черту: искусственная замена реальности некоей выдуманной моделью, как правило, находится в чьих-то вполне конкретных интересах и реализуется с помощью воздействия на население средствами манипулирования массовым сознанием. Представить, что за попытками приписать библиотекам роль Храма Знаний стоит некая третья сила, довольно сложно. В любой стране в любой ис-

торический период библиотеки выступали и выступают носителями официальной государственной идеологии. Соответственно, государство заинтересовано в поддержке позитивного отношения общества к данному социальному институту. Однако устойчивую систему взглядов на библиотеку как институциональное образование, имеющее некое высшее предназначение в духовной жизни общества, культивирует само профессиональное сообщество. И если два десятилетия назад данное мировоззрение еще поддерживалось обществом, то сегодня ситуация коренным образом изменилась. Более того, библиотекарям стали предвещать надвигающуюся профессиональную смертность [23].

В социологии труда существует термин «профессиональная мобильность», который означает перемещение индивида или профессиональной группы в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса [24, с. 1]. Среди факторов групповой профессиональной мобильности – социальные реформы, развитие информационных технологий, структурные и институциональные изменения экономики [там же]. Они могут привести как к рассогласованию социального статуса определенной профессиональной группы (нисходящая мобильность), так и открыть для нее новые возможности для конструирования новых позиций на рынке труда (восходящая мобильность).

Стратегия сохранения либо улучшения социальной позиции профессиональной группы включает среди прочих мероприятий поддержание определенного образа группы в глазах общественности. Как отмечается в «Социологии профессий: становление дисциплины и перспективы ее развития» В. А. Мансурова [25, с. 30], «наиболее важным элементом на данном этапе становится принятие группы обществом как достойной высокого статуса». Индикатором же этого принятия являются потребители услуг, которые «посредством спроса или его отсутствия, накладывают существенный ограничитель на социальные полномочия группы» [там же].

Если отталкиваться от данного утверждения, то состояние спроса на библиотечные услуги свидетельствует если не о нисходящей профессиональной мобильности, то о пошатнувшемся социальном статусе библиотек и библиотекарей. Помимо объективных факторов – развития Интернета, изменения государственной политики в библиотечной отрасли, реформы системы образования и др., – на сложившуюся ситуацию в немалой степени повлияла профессиональная ментальность библиотекарей.

В рамках данной статьи автор не берется давать некие рекомендации по корректировке профессионального сознания. Данный материал – скорее призыв к размышлению, к поиску ответа на вопрос: «Что ждет общество от библиотек и что готовы предложить библиотекари?».

Список использованных источников

1. Зеер, Э. Ф. *Психология профессий : учеб. пособие / Э. Ф. Зеер. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Акад. проект : Фонд «Мир», 2008. – 329 с.*
2. *Мир профессий. Человек – знаковая система : сборник / сост.: С. Н. Левиева, В. С. Шнейдеров ; науч. ред. В. В. Шапкин. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 351 с.*
3. *Мир профессий: человек – человек / сост. Р. Д. Каверина. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 300 с.*
4. *Каверина, Р. Д. Опыт психологической классификации некоторых профессий в целях профконсультирования / Р. Д. Каверина // Вопросы психологии. – 1978. – № 4. – С. 64–72.*
5. *Вайнштейн, Л. А. Психология труда : курс лекций / Л. А. Вайнштейн. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2008. – 218 с.*
6. *Безносков, С. П. Профессиональная деформация личности / С. П. Безносков. – СПб. : Речь, 2004. – 270 с.*
7. *Климов, Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях : учеб. пособие / Е. А. Климов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 224 с.*
8. *Абрамов, Р. Н. Социологические интерпретации профессий Р. Дингуэлла: к пониманию англо-саксонской традиции исследования занятий [Электронный ресурс] // Профессиональные группы: динамика и трансформация / Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Рос. о-во социологов ; под ред. В. А. Мансурова. – М., 2009. – URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Mansurov.%20Professionalnye%20gruppy.pdf> (дата обращения: 27.07.2016).*
9. *Высказывания и афоризмы о чтении [Электронный ресурс] // Методист МБ. – URL: <https://sites.google.com/site/metodistmb/dla-vasbibliotekari/o-ctenii-knigah-i-literaturnyh-geroah/vyskazyvania-i-aforizmy-o-ctenii> (дата обращения: 27.07.2016).*
10. *Стельмах, В. Д. Трансформация мифа / В. Д. Стельмах // Читающая Россия: мифы и реальность : по материалам рос. науч.-практ. конф., Москва, дек. 1996 г. / ред. совет: Е. Ю. Гениева [и др.]. – М., 1996. – С. 37–43.*
11. *Жукова, Т. Д. Профессиональное сознание библиотекаря: теоретический анализ проблемы [Электронный ресурс] // Единая коллекция*

Цифровых образовательных ресурсов. – URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/e5213c94-b612-468c-b896-819791b1f085/209.pdf>. (дата обращения: 27.07.2016).

12. Киришина, Ю. А. Что мы делаем не так? : эссе : материалы на участие в респ. науч.-практ. конф. «Библиотеки системы образования в условиях реализации ФГОС» [Электронный ресурс]. – URL: www.kriroipk.com/docs3/kirshina_ju.a.doc_ (дата обращения: 27.07.2016).

13. Кокорина, С. В. Современная библиотека и ее гуманистический потенциал: роль библиотек в формировании культуры межнационального взаимодействия [Электронный ресурс] // РБА : Рос. библиотечная ассоциация. – URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/17-a/publ/konf_2012/3.php?parpa=17-a&id_sec=41 (дата обращения: 27.07.2016).

14. Какова роль библиотеки в современном мире?? [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – URL: http://vk.com/topic-59440680_28737742 (дата обращения: 27.07.2016).

15. Стельмах, В. Д. Библиотека – храм или мастерская? Мнения, представления, ожидания / В. Д. Стельмах // Библиотека и чтение: проблемы и исследования. – СПб., 1995. – С. 9–27.

16. Нужны ли библиотеки в современном обществе? Почему да??? Почему нет??? [Электронный ресурс] // Toluna : онлайн-сообщество. – URL: <https://ru.toluna.com/opinions/62822> (дата обращения: 27.07.2016).

17. Национальная библиотека Беларуси вошла в список из 28 красивейших библиотек мира [Электронный ресурс] // TUT.BY : белорусский портал. – URL: <http://news.tut.by/culture/406741.html>. (дата обращения: 27.07.2016).

18. Бобровников, В. Роль библиотек в современном мире [Электронный ресурс] // Lib.ru : журнал «Самиздат». – URL: http://zhurnal.lib.ru/-b/bobrownikow_walerij_nikolaewich/rolxbibliotek.shtml. (дата обращения: 27.07.2016).

19. Матвеев, М. Ю. Социологические исследования восприятия деятельности российских библиотек населением и читателями в 1990–2000-е гг. [Электронный ресурс] // Издат. Совет Рус. Православной Церкви. – URL: <http://www.izdatsovet.ru/proc/detail.php?ID=45418> (дата обращения: 27.07.2016).

20. Майерс, Д. Социальная психология : учеб. пособие : пер. с англ. / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 1997. – 684 с.

21. Жмуров, В. А. Аутизм коллективный // Большая энциклопедия по психиатрии / В. А. Жмуров. – 2-е изд. – М., 2012. – Сведения доступны также по Интернету: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/autizm-kollektivnyy> (дата обращения: 27.07.2016).

22. *The Rain People* (http://telegraf.by/in_belarus/blog/35166.html) [Электронный ресурс] // *LiveJournal*. – URL: <http://lekar1971.livejournal.com/84347.html>. (дата обращения: 27.07.2016).

23. Юрик, И. В. *Новые форматы работы библиотек в XXI веке: тренды и прогнозы* / И. В. Юрик // *Бібл. свет.* – 2016. – № 1. – С. 6–8.

24. Ковалева, А. И. *Профессиональная мобильность* [Электронный ресурс] // *Знание, понимание, умение.* – 2012. – № 1. – URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/1/Kovaleva_Professional-Mobility/52_2012_1.pdf. (дата обращения: 27.07.2016).

25. Мансуров В. А., Юрченко О. В. *Социология профессий: становление дисциплины и перспективы ее развития* [Электронный ресурс] // *Профессиональные группы: динамика и трансформация* / *Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Рос. о-во социологов*; под ред. В. А. Мансурова. – М., 2009. – URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Mansurov.%20Professionalnye%20gruppy.pdf> (дата обращения: 27.07.2016).

Деятельность библиотек как фактор повышения уровня информационной культуры населения региона

*Скульмовская Любовь Григорьевна,
преподаватель кафедры культурологии и социокультурных технологий
Тюменского государственного института культуры, д. п. н., Тюмень*

С позиций социологического подхода регион рассматривается как территория, объединяющая социальные институты: с одной стороны, совокупность социальных институтов региона структурирует и упорядочивает его социальное пространство, с другой стороны, регион как целостная система дает возможность социальным институтам реализоваться на своей территории. Мы разделяем точку зрения Е. В. Каргаполовой в том, что о России, как территориально большой и регионально дифференцированной стране, не представляется возможным утверждать о сложившемся на ее территории едином социокультурном пространстве [1, с. 25].

Одним из важных и наиболее развитых социальных институтов в сфере культуры являются библиотеки, которые объединяют информационное и социокультурное пространство городских и сельских поселений, обеспечивая доступ граждан к информации и знаниям. Миссию и деятельность библиотек обычно связывают со сферами культуры, науки, образования и просветительства. Тем не менее терминология деятельности библиотек представлена множеством понятий, например, таких, как «непроизводственная сфера», «нематериальное производст-

во», «духовное производство», «нематериальная сфера экономики» и др. Кроме того, предлагается использовать в отношении деятельности библиотек термины «сфера услуг», «сфера обслуживания» или «сервисная деятельность». Важность сервиса как индикатора уровня жизни населения потребовала активизации научных исследований в данной области. Термин «обслуживание читателей» не ассоциировался ранее со сферой сервиса, хотя понятие «информационный сервис» было введено в научный оборот Д. И. Блюменау в 1989 году, который понимал под ним любую разновидность общественно полезного труда, направленного на удовлетворение разумных потребностей человека [2, с. 3].

Рассмотрение информационного обслуживания как сервиса позволило выйти за рамки привычных взглядов, принятых в библиотечной науке и практике. Такой подход позволяет изучать состояние и тенденции развития информационного обслуживания как сервисной деятельности. По мнению В. В. Брежневой и В. А. Минкина, задачи и содержание информационного обслуживания нельзя сводить только к сервису, так же как образовательную деятельность неправильно понимать в качестве часто употребляемого термина «образовательные услуги» [3, с. 20]. Авторы согласны с мнением М. Я. Дворкиной, что любая библиотека или служба информации является одновременно не только информационным, но также культурным и образовательным учреждением. Это позволяет увидеть общее в работе библиотек, информационных центров, музеев, архивов и использовать для анализа информационного обслуживания социокультурный подход [4].

К середине 1990-х годов произошла переориентация библиотек в сторону усиления информационной составляющей с постепенным введением в их деятельность рыночных, маркетинговых принципов. Библиотеки перестали ориентироваться только на запросы реальных читателей и стали организовывать свою работу с учетом потребностей потенциальных пользователей. Именно в это время библиотеки стали реально осознавать и позиционировать себя в качестве информационных центров. Появились отраслевые специализации библиотек, активизировалась организация досуговой сферы жизни населения (появились, к примеру, библиотека-клуб, библиотека семейного чтения, бизнес-библиотека и др.). В связи со специализацией вошли в научный оборот такие понятия, как «информационные потребности населения» и «платежеспособный спрос на библиотечные услуги» [5, с. 7].

С учетом изменений, происходящих в содержании библиотечно-информационной деятельности, аудиториях пользователей и функциях библиотек, изменились методологические и методические подходы к

бору социологической информации, в проведении социологических исследований стали активно использоваться качественные методы. В условиях рыночной экономики, библиотеки выработали инновационные стратегии своего поведения в информационном и социокультурном пространствах в соответствии со своим статусом и особенностями жизнедеятельности населения на территории обслуживания (региона). Вполне понятно, что особым разнообразием условий отличается деятельность региональных и муниципальных библиотек [6, с. 3].

Социологические исследования выступают важным источником информации, позволяющим учитывать образовательные, информационные и культурные потребности населения, устанавливать партнерские отношения с властными структурами, привлекать к библиотеке внимание и финансовую помощь спонсоров, определять роль и место той или иной библиотеки на рынке библиотечно-информационных услуг, устанавливать их рейтинг с учетом мнения населения региона. Все это позволяет сформировать миссию библиотеки и ее имидж среди читателей и пользователей услугами как центра повышения уровня информационной культуры регионального социума.

Обратимся к материалам исследований библиотечной деятельности, проведенных на региональном уровне в разное время. Еще в начале 1990-х годов, в статье Н. Д. Лапшиной, были представлены результаты исследования, характеризующие библиотечную ситуацию в областном центре, неравномерность распределения библиотек по районам г. Челябинска, уровень книгообеспеченности населения, наметившуюся тенденцию к уменьшению числа библиотек и их читателей [7]. Хотя выявленная картина представлялась автору частным проявлением общегосударственных проблем в библиотечном деле, снижение числа читателей, книговыдачи, посещаемости стали тогда повсеместными. Результаты анкетирования населения г. Челябинска и читателей библиотек выявили основную причину недовольства читателей – однообразие фондов и недоступность книг повышенного спроса.

В исследовании «Проблемы информированности молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе», проведенном в 2003 году Комитетом социально-политического анализа и общественных связей ХМАО – Югры, также прозвучал ряд серьезных замечаний в адрес библиотек округа. В частности, библиотеки не отвечают запросам современной молодежи и не могут гарантировать полноту, качество и оперативность необходимой информации [8, с. 12].

Результаты социологического опроса в г. Нижневартовске, проведенном НГГУ в 2005 году (395 чел.), показали, что большинство город-

ских семей (75 %) пользуются услугами библиотеки с целью ознакомления с учебной литературой; 25 % читает в библиотеке периодику, пользуется интернетом; 17 % берут в основном художественную литературу. Результаты исследования показали, что библиотеки остаются основным центром информации для горожан. В 2006 году проведено более масштабное исследование «Проблемы функционирования общедоступной библиотечной системы ХМАО – Югры», где были опрошены библиотечные работники (N=800) и руководители центральных библиотечных систем (51 чел.). Вопросы касались имиджа библиотек, положительных и отрицательных сторон в работе библиотекарей, характеристики персонала ЦБС, заработной платы, системы стимуляции труда [8, с. 17].

Кроме того, в этот период библиотеки Югры проводят значительную работу по продвижению чтения, осуществляют комплекс мероприятий по сбору и анализу информации об интересе к книге и чтению. На основе изучения читательских потребностей разрабатываются программы и проекты, население приобщается к книге посредством различных досуговых мероприятий, проводится систематическая работа с родителями по формированию интереса к чтению у детей. Об этом свидетельствуют те направления, по которым осуществляется содержательная деятельность библиотек (патриотическое воспитание, формирование правовой грамотности, эстетического вкуса, краеведение, экологическое просвещение и др.).

Не секрет, что в современных условиях меняется статус чтения, происходит изменение читательской культуры детей и подростков, на которую влияют в значительной степени условия региона их проживания. В настоящее время все библиотеки ХМАО – Югры оснащены компьютерной техникой и субсидируются из окружного бюджета, что позволяет ежегодно пополнять библиотечные фонды. Так, в 2014 году приобретено более 38 тыс. экземпляров новых книг, а в 2015 году – более 15 тыс. Совокупный объем 231 библиотеки Югры насчитывает более 5 млн. экземпляров. Это высокие показатели по сравнению с другими регионами, где такие возможности отсутствуют.

На территории России начиная с 1990-х годов проводятся систематические опросы взрослого и детского населения, касающиеся деятельности библиотек. Ф. И. Минюшев в своей книге приводит результаты опросов, проведенных в России в 2000–2001 годах, которые свидетельствуют об отношении к чтению и читательских предпочтениях того периода: 31 % читающей публики выбрали детективы и приключения; 22 % – профессиональную литературу; учебники – 29 %; детскую литературу – 19 %; словари, справочники – 14 %; любовные романы – 12 %;

энциклопедии, так же как и книги рецептов, советов хозяйке – по 11 %; фантастику и сказки – по 8 %; зарубежную поэзию – 1,5 % [9, с. 183]. По мнению В. П. Чудиновой, в этот период меняются все характеристики детского чтения: статус чтения, его длительность во времени, характер, способ работы с печатным текстом, репертуар чтения, мотивы и стимулы, предпочтения и т. п. И главное – меняются источники получения печатной продукции [10, с. 48].

Безусловно, прошли те времена, когда книга была лучшим подарком и единственным источником знаний; сейчас основной источник знаний – Интернет. Однако, как выяснили социологи, лишь 12 % опрошенных читают электронные книги. Такая массовая нелюбовь к литературе отразилась и на бумажных книгах. За четверть века число книжных магазинов сократилось с 8 500 до 1 200 – их стало в два раза меньше, чем городов и поселков в России [11]. Как показывает статистика, самым продаваемым и самым тиражным автором в 2016 году признана Дарья Донцова. Согласно данным Российской книжной палаты, за 2016 год в России вышло 123 ее книги совокупным тиражом 1,3 млн экземпляров. За ней в порядке ранжирования следуют авторы детективов Татьяна Устинова (66 книг, 762 тыс. экземпляров) и Татьяна Полякова (75 книг, 715 тыс. экземпляров). Вопреки этим данным, посетители российских библиотек, как региональных, так и московских, в конце прошлого года выбирали чтение более интеллектуальное: впереди всех по количеству спрашиваемых и выдаваемых книг – современная российская проза. В детском отделе, кроме тех книг, которые нужно читать по школьной программе, – Пушкин, Лермонтов, – в лидеры вышли Джоан Роулинг и Виктор Драгунский, которые повествуют о повседневных заботах современных школьников [12].

Более того, по последним данным Россия, наряду с Китаем и Испанией, вошла в тройку самых читающих стран мира, заняв второе место в мировом рейтинге исследовательской компании GfK [13]. 59 % россиян заявили, что читают ежедневно или хотя бы раз в неделю. Исследования по частоте чтения книг проводятся ежегодно, при этом, судя по представленным данным, доля россиян, которые берут в руки книгу хотя бы раз в неделю, неуклонно растет. Для сравнения, в 2010 году таких было 47,3 % от опрошенных (из них 20 % читали «ежедневно или каждый день»). В 2016 году о привычке читать ежедневно заявили уже 30 % россиян. Раз в месяц в России читают 17 % опрошенных, вообще не читают всего 6 % респондентов. Как показывает проведенное исследование, гендерный разрыв в России весьма незначителен: ежедневно или почти ежедневно читают 61 % женщин и 56 % мужчин. По мнению

экспертов, более точно ситуацию отражают не опросы людей, а реальные продажи. Поскольку это был онлайн-опрос GfK, то очевидно, что респонденты находятся на определенном уровне дохода и технологической развитости. По данным «Книжной индустрии», за последние пять лет оборот книжной торговли в России снизился на 12 %. Легально электронные книги в России потребляет только один человек из 20.

Как считают теоретики в сфере библиотечного дела, уже назрела необходимость формирования единого методологического фундамента в изучении книги и институтов ее функционирования. По мнению В. Л. Бенина и Р. А. Гильмияновой, важность изучения книги и социокультурной динамики обусловлена рядом факторов: массовое закрытие книжных магазинов, их перепрофилирование, сокращение библиотечной сети, падение интереса к традиционной книжной культуре, низкая культура издания книг как тенденция свидетельствуют о кризисе книжного чтения и книжной культуры современного российского общества [14, с. 196]. Как видно, результаты исследований весьма противоречивы, что, на наш взгляд, зависит прежде всего от региона проживания населения.

В современных условиях формируется практика создания разных организационных моделей библиотеки и ее структурных изменений. Этнокультурные процессы российских регионов крайне неравномерны, что оказывает влияние на деятельность общедоступных библиотек и требует необходимости дифференцированного подхода при работе с разными этническими группами и библиотечном обслуживании населения с учетом национально-культурных, языковых и других особенностей представителей различных этносов.

Российские библиотеки работают на общегосударственные цели, такие как формирование идентичности, синтез культур, образование единой культурной общности – российской нации. Конфессиональные библиотеки работают на сохранение своего религиозного своеобразия, создавая тем самым благоприятные условия для развития конфессиональной культуры [15, с. 26]. Но именно библиотечное краеведение, по мнению И. Ю. Мусиновой, позволяет библиотекам приобрести свой облик, выступить главным звеном в сохранении историко-культурного наследия прошлого и настоящего, залогом преемственности поколений и перспективного развития будущей самобытности библиотек. В библиотечном краеведении происходят значительные содержательные изменения, при этом акцент делается не на сборе, хранении и предоставлении в общественное пользование краеведческих документов и информации о них, а также растет объем неопубликованных документов, которые библиотеки могут предоставить читателям. В этом направле-

нии проявляется общее библиотеки и музея как социокультурных институтов [16, с. 205].

С развитием новых форм носителей информации библиотека остается одним из главных источников информации, самым демократичным и востребованным типом культурных организаций, использующих в своей деятельности традиционные и инновационные подходы работы с читателями. Кроме того, библиотека становится центром краеведения, поскольку она до сих пор сохраняет традиции бесплатного, общедоступного, универсального по ресурсам и видам деятельности учреждения. Она ориентирована не только на удовлетворение информационных потребностей, но и на предвосхищение культурных ожиданий местного населения, выступая важным фактором повышения уровня информационной культуры населения региона.

Список использованной литературы

1. Каргаполова, Е. В. Развитие социокультурного потенциала современного российского региона в условиях институциональных изменений : автореф. дис. д-ра социол. наук : 22.00.04 / Е. В. Каргаполова. – Астрахань, 2014. – 47 с.
2. Блюменау, Д. И. Информация и информационный сервис / Д. И. Блюменау. – Л. : Наука, 1989. – 192 с.
3. Брежнева, В. В. Информационное обслуживание: продукты и услуги, предоставляемые библиотеками и службами информации предприятий / В. В. Брежнева, В. А. Минкина. – СПб. : Профессия, 2004. – 304 с.
4. Дворкина, М. Я. Информационное обслуживание: социокультурный подход / М. Я. Дворкина. – М. : Профиздат, 2001. – 112 с.
5. Михнова, И. Б. Библиотека как информационный центр для населения: проблемы и решения / И. Б. Михнова. – М. : Либерия, 2000. – 128 с.
6. Васильев, И. Г. Социологические исследования в библиотеках : практ. пособие / И. Г. Васильев, М. Е. Илле, Д. К. Равинский. – СПб. : Профессия, 2001. – 176 с.
7. Лапина, Н. Д. Библиотеки Челябинска в зеркале социологического исследования / Н. Д. Лапина // Город и культура : коллектив. моногр. – Челябинск, 1993. – С. 75–98.
8. Икингерин, Е. Н. Библиотеки в социокультурном пространстве Югры / Е. Н. Икингерин, С. Ю. Волженина, Н. Е. Швыркова // Социальное пространство Урала в условиях глобализации – XXI век : Материа-

лы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Г. Зырянов. – Челябинск, 2006. – Ч. 2. – С. 12–18.

9. Минюшев, Ф. И. Социология культуры / Ф. И. Минюшев. – М. : Акад. Проект, 2004. – 272 с.

10. Чудинова, В. П. Чтение детей и подростков в России: проблемы и перспективы / В. П. Чудинова // Школьная библиотека. – 2003. – № 8. – С. 47–48.

11. Полюбить книгу // АИФ. – 2016. – № 18.

12. Соколова, Н. Корешки на вырост / Н. Соколова // Российская газета. – 2017. – № 35.

13. Россия вошла в тройку самых читающих стран мира // РБК. – 2017. – 28 марта.

14. Бенин, В. Л. Библиокультурология как подход в изучении книги / В. Л. Бенин, Р. А. Гильмиянова // 7 Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: полифония и диалог смыслов» / сост. Л. Н. Лазарева. – Челябинск, 2015. – С. 195–197.

15. Кокорина, С. В. Общедоступные библиотеки в условиях культурного (этнического) многообразия: основания для типологии / С. В. Кокорина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 4 (40). – С. 25–30.

16. Мусинова, И. Ю. Библиотечное краеведение или библиотечное «краелюбие»? / И. Ю. Мусинова // Роль библиотеки в формировании информационной и культурной среды региона : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Киров, 2012. – 204 с.

Менеджмент качества в библиотерапевтической деятельности: специфика и подходы к реализации

*Дрешер Юлия Николаевна,
директор Республиканского медицинского
библиотечно-информационного центра, Казань*

Эффективное внедрение библиотерапии в различные сферы деятельности человека, такие как здравоохранение, культура, просвещение и т. д., требует определения понятия качества и оценки этого качества.

В современных условиях во всем мире повышается внимание к вопросам качества и удовлетворения требований заказчика. Управление качеством регламентируется международными стандартами серии ГОСТ Р ИСО 9000, 9001, 9004. Данные стандарты призваны побуждать

организации и компании более эффективно осуществлять руководство аспектами качества в деятельности по предоставлению услуг.

Достижение и поддержание определенного уровня качества библиотерапии зависит от системного подхода к управлению качеством, заключающегося в соблюдении принципов качества на всех уровнях оказания услуги, а также в постоянном анализе и улучшении созданной системы управления качеством

Система менеджмента качества – это совокупность организационной структуры, ответственности, процедур, процессов и ресурсов, направленных на внедрение административного управления качеством.

Достижение заданного уровня качества в библиотерапии предполагает учет всех аспектов человеческого фактора при предоставлении библиотерапевтической услуги, проявляющихся в процессе:

- взаимодействия читателя и библиотерапевта, являющегося решающей составной частью качества услуг;
- восприятия читателем/пациентом образа организации и специалиста по культуре исполнения услуги;
- развития умений и способностей персонала организации, предоставляющей услугу;
- стимулирования заинтересованности персонала в повышении качества оказания услуги и заинтересованности заказчика.

Система качества охватывает все процессы, необходимые для обеспечения эффективной услуги – от маркетинга до ее предоставления, и включает анализ услуги, предоставляемой заказчиком.

Прежде чем перейти к рассмотрению системы качества, введем некоторые определения в соответствии с международным стандартом ГОСТ Р ИСО 9000-2008.

Заказчиком услуги в данном случае является читатель/пациент.

Организация (поставщик библиотерапевтической услуги) – это учреждение, компания, корпорация, фирма, предприятие или ассоциация, или их филиал, зарегистрированные в качестве отдельных юридических лиц, общественные или частные, выполняющие свою самостоятельную функцию и имеющие свою администрацию.

Качество – совокупность свойств и характеристик услуги, обеспечивающих удовлетворение обусловленных или предполагаемых потребностей.

Надежность услуги – свойство услуги обеспечивать получение своевременных и качественных результатов.

Каждая организация имеет свою систему качества и руководство по качеству, поэтому невозможно определить единственную в своем роде

форму, распоряжение, содержание и метод презентации для описания элементов системы качества, которые могли бы применяться ко всем сферам внедрения. Определим только цели руководства по качеству в библиотерапии:

- изложение политики организации в области качества, определение процедур и требований, реализующих эту политику;
- внедрение эффективной системы качества;
- обеспечение эффективного управления процедурами качества;
- обеспечение документированной базы для проведения проверок системы качества;
- обеспечение непрерывности функционирования системы качества и реализации ее требований в ходе меняющихся условий;
- подготовка персонала в области требований системы качества и методов ее реализации;
- презентация своей системы качества для внешних целей (демонстрация соответствия требованиям ГОСТ Р ИСО 9001, 9004).

При этом руководство по качеству может быть:

- прямой компиляцией процедур системы качества;
- выборкой или секциями процедур системы качества;
- блоком нескольких документов или уровней документации;
- единым документом с адаптированными приложениями.

В библиотерапии следует различать понятие «качество предоставления библиотерапевтической услуги» и понятие «эффективность библиотерапевтической услуги» (рис. 1).

Первое определяет качество предоставления услуги поставщиком и не зависит от субъективного состояния читателя/пациента, т. е. определяется качеством технологического процесса.

Во втором случае, в зависимости от различных условий (внутренних, внешних), оказанная услуга может привести к положительному эффективному воздействию, а может и нет, т. е. эффективность предоставления библиотерапевтической услуги – это уровень положительного (позитивного) изменения психоэмоционального состояния читателя/пациента, и, естественно, она определяется качеством предоставляемой услуги, которое зависит от уровня системы качества в организации. Эффективность же определяется в первую очередь состоянием «Я» читателя/пациента и внешними условиями, не зависящими от организации (поставщика услуг).

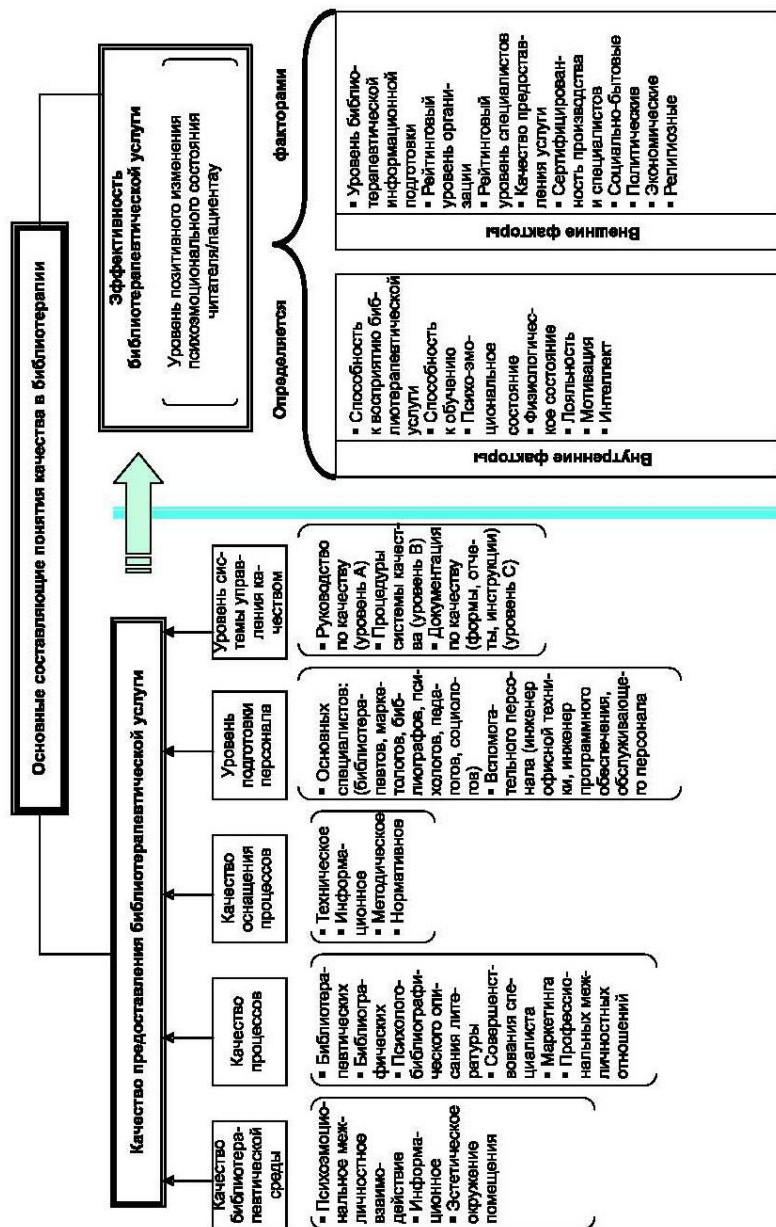

Рис. 1. Схема понятия качества в библиотерапии

В большинстве случаев управление качеством услуги и ее предоставление может осуществляться только путем контролирования процесса предоставления услуги. Качество библиотерапевтической услуги определяется несколькими факторами: профессиональным качеством специалиста и качеством библиотерапевтического процесса предоставления услуги. В библиотерапии выделяют две основных составляющих качества предоставления услуги:

- уровень подготовки специалиста-библиотерапевта;
- уровень профессиональной деятельности библиотерапевта.

В этом случае необходимо определить характеристику соответствия качества, т. е. чему должен соответствовать специалист на каждом из этих уровней, а также характеристику библиотерапевтического процесса.

Следовательно, измерение и контроль характеристик как специалиста, так и процесса предоставления библиотерапевтической услуги являются существенным моментом для достижения и поддержания требуемого качества библиотерапевтической услуги. При этом необходимо учитывать, что на стадии взаимодействия с читателем/пациентом оценка последним любого несоответствия часто делается незамедлительно, что требует корректирующих воздействий в ходе предоставления услуги и, соответственно, корректирующего воздействия на уровне подготовки специалиста. Оба уровня необходимо рассматривать в тесном взаимодействии. Процесс предоставления библиотерапевтической услуги варьируется от высоко автоматизированного процесса с применением современных информационных технологий до сугубо персонифицированного (без использования современных информационных технологий). Чем выше уровень автоматизации процесса предоставления библиотерапевтической услуги, тем значительнее возможность применения структурированных и упорядоченных принципов системы качества.

Читатель/пациент является центральным звеном трех основных элементов системы качества, и его удовлетворенность услугой может быть достигнута только при наличии определенной гармонии между ответственностью руководства, людскими и материальными ресурсами, а также структурой системы качества.

Определим, что такое ответственность руководства и его влияние на качество услуги. Поскольку специалисты-библиотерапевты, как правило, работают в основном в библиотеках (на данное время), руководство библиотеки несет ответственность за разработку политики в области качества библиотерапевтической услуги, удовлетворяя читателя/пациента, и эффективность функционирования системы качества.

Политика в области качества библиотерапевтической услуги должна отражать:

- уровень качества услуги;
- рейтинг или образ организации (библиотеки, центра и т. д.), ее репутации в области качества;
- цели обеспечения качества услуги;
- определение задач и путей их решения в области качества;
- определение роли специалистов, ответственных за реализацию политики качества.

Как отмечалось выше, уровень качества библиотерапевтической услуги может быть определен следующим образом: 1) это оценка читателя/пациента; 2) по специальным тестовым системам поставщиком услуги; 3) в результате экспертной оценки. Общей для всех этих методов оценки является проверка соответствия ЗОЖ читателя/пациента.

На наш взгляд, рейтинг, репутация или образ организации, предоставляющей библиотерапевтические услуги, определяются:

- уровнем научно-исследовательских, научно-аналитических работ как в области библиотерапии, так и в области качества предоставляемых услуг;
- уровнем материально-технической оснащенности библиотерапевтических процессов;
- уровнем подготовки специалиста;
- участием специалистов в конференциях, семинарах, симпозиумах;
- рекламой в области предоставления услуг;
- уровнем менеджмента;
- уровнем процессов обучения, распространения передовых библиотерапевтических знаний, методов, процессов;
- уровнем и объемом фондов библиотерапевтического описания литературы и библиотерапевтических ситуаций;
- уровнем обслуживания читателя/пациента;
- уровнем межорганизационных связей обмена опытом;
- членством в ассоциации фондов библиотеки.

Достижение соответствующего уровня требует решения первоочередных задач в области качества библиотерапии – постоянное удовлетворение требований заказчика в соответствии с заданной целью библиотерапевтического воздействия. В соответствии с этим решаются задачи: эффективность предоставляемой библиотерапевтической услуги; удовлетворение запросов читателей/пациентов с соблюдением стандар-

тов профессиональной этики; повышение уровня социальной защиты читателя/пациента; непрерывный анализ требований, предъявляемых к библиотерапевтической услуге в различных сферах деятельности; оптимизация расходов на предоставление услуги и поддержание соответствующего уровня качества; предупреждение неблагоприятного воздействия библиотерапевтической услуги как на читателя/пациента, так и на окружающую психофизиологическую среду.

Непрерывное повышение качества библиотерапевтической услуги тесно связано с психодиагностикой личности, тщательное исследование позволяет более точно определить причины раскогласования внутреннего «Я» личности, а это в свою очередь требует разработки соответствующих технических, методологических основ.

Достижение заданных целей в области качества возможно при условии решения поставленных задач на всех этапах библиотерапевтической деятельности при четком соблюдении персоналом своих обязанностей. Библиотерапевт является только частью системы качества, он участвует в достижении ее заданного уровня, но ответственность за качество несут руководство и ответственное лицо. Поэтому руководство организации (библиотеки, центра) совместно с ответственным лицом проводит постоянный анализ качества предоставляемой услуги (используя различные тестовые методы, методы экспертных оценок сторонних организаций, опросные листы читателя/пациента, беседы и пр.), а также самой системы качества с целью определения ее пригодности и эффективности в условиях развития социальной сферы, научно-технического потенциала и компьютерно-информационных технологий. Результаты анализов и оценок, представляемые в соответствующей (принятой в данной организации) форме, являются побудительным мотивом для разработки соответствующих мероприятий по повышению качества и устранению выявленных недостатков. Разработанные мероприятия должны учитывать все ресурсы, участвующие в предоставлении услуги. Это, в первую очередь, людские ресурсы.

Людские ресурсы – специалисты-библиотерапевты и персонал, обеспечивающий библиотерапевтический процесс, оказывают непосредственное воздействие на качество услуги.

В целях стимулирования персонала, его роста, установления необходимых взаимоотношений и выполнения работы необходимо обеспечить:

- подбор специалистов на основе квалификационных требований к библиотерапевту;

- подбор вспомогательного персонала на основе квалификационных требований к этим специальностям: специалисты по обслуживанию компьютерной, офисной техники, мультимедийного оборудования, специалисты по администрированию и ведению экспертных систем и баз данных; специалист по психолого-библиотерапевтической обработке литературы, специалист по библиографии и т. д.;

- условия, обеспечивающие деловые взаимоотношения, в т. ч. обеспечение необходимых офисных условий для читателей/пациентов;

- развитие и саморазвитие личностного потенциала сотрудников с использованием современных гуманистических методов и принципы дидактического развития личности;

- понимание сотрудниками задач и целей в обеспечении качества;

- материальное поощрение усилий персонала, направленных на повышение качества;

- периодическое выявление факторов и анализ стимулирования (мотивирование) деятельности персонала по повышению качества;

- планирование мероприятий по повышению профессионального уровня сотрудников.

Обучение персонала, предполагающее овладение знаниями и умениями, необходимыми для профессионального роста:

- подготовка специалистов по общему руководству качеством, а также специалистов по затратам, которые непосредственно связаны с качеством в условиях рыночных отношений;

- подготовка персонала в области политики качества, целей, концепций библиотерапевтической услуги;

- ознакомительные курсы, лекции, занятия, инструктажи для персонала.

Кроме этого, для обеспечения и разработки соответствующего плана по повышению квалификации необходимо разработать:

- методики для уточнения и проверки профессиональных качеств сотрудников;

- методики сбора и анализа данных по управлению библиотерапевтическими процессами и деятельностью специалиста;

- методы и методики совместной работы специалистов и их взаимоотношений;

- методы аттестации библиотерапевтов;

- методы общей оценки деятельности всего персонала для определения его потенциальных возможностей.

Обслуживающий персонал, и особенно библиотерапевт, должен обладать соответствующими знаниями, умениями и навыками общения:

- с читателем/пациентом;
- техническими средствами (компьютерами, офисной техникой, мультимедийной аппаратурой);
- программными средствами.

Совместные мероприятия – конференции, симпозиумы, форумы по повышению качества – способствуют взаимопониманию специалистов и читателей/пациентов, предоставляют последним возможность принимать активное участие в решении проблем повышения качества библиотерапии.

Элементы системы качества библиотерапии должны обеспечивать адекватный механизм управления всеми процессами представления услуги (рис. 2).

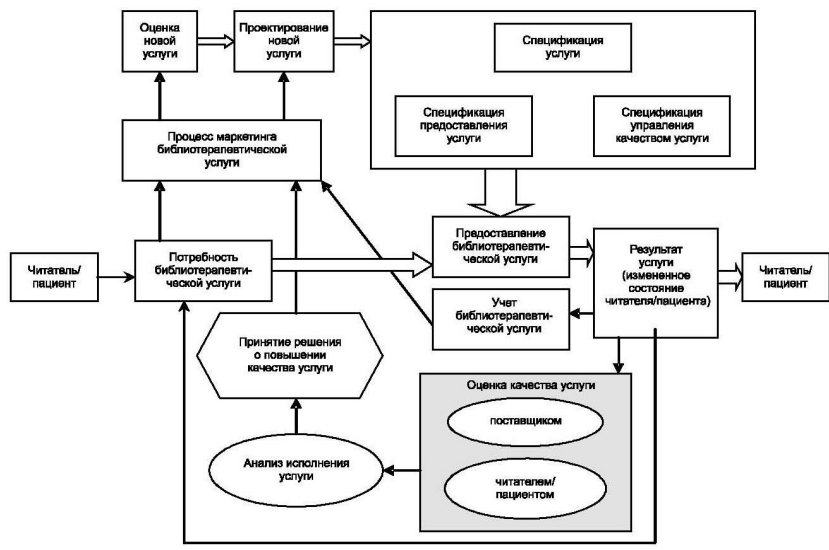

Рис. 2. Структура процесса предоставления библиотерапевтической услуги

Список использованной литературы

1. Дрешер, Ю. Н. Библиотерапевтическая деятельность: комплексный подход к управлению качеством : монография / Ю. Н. Дрешер. – Казань : Казан. ун-т, 2011. – 452 с.

2. Дрешер, Ю. Н. *Понятие системы качества в библиотерапии* / Ю. Н. Дрешер // *Комплексный подход к подготовке документоведов* : сб. тр. – Казань, 2012. – С. 36–44.

3. Дрешер, Ю. Н. *Система менеджмента качества как условие успешной деятельности организации* / Ю. Н. Дрешер // *Научные и технические библиотеки*. – 2010. – № 8. – С. 27–30.

4. Дрешер, Ю. Н. *Построение системы менеджмента качества в библиотечно-информационном центре* / Ю. Н. Дрешер // *Румянцевские чтения – 2013 : материалы Всерос. науч. конф. (16–17 апр. 2013)*. – М., 2013. – Ч. 1. – С. 196–202.

Первые социально-экономические библиотечные чтения: итоговый документ

23–24 ноября 2016 года в Ханты-Мансийске состоялись Первые социально-экономические библиотечные чтения (далее – Конференция).

Организаторы Конференции: Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственная библиотека Югры», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук.

Участники Конференции – 110 специалистов в области библиотековедения, экономики, социологии, политики, информации, управления, сотрудники библиотек, представители управленческих структур в сфере культуры из автономного округа и городов Российской Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Томска, Кургана.

В Конференции приняли участие представители ведущих федеральных библиотек: Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Российской государственной детской библиотеки, Российской государственной библиотеки для молодежи, Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук; ведущих высших учебных заведений страны – Московской высшей школы социальных и экономических наук, Высшей школы экономики, Московского государственного университета; учебных заведений Урала и Сибири – Югорского государственного университета, Южно-Уральского государственного

университета; научно-исследовательских институтов – Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Югорского научно-исследовательского института информационных технологий, Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Института развития образования, а также общедоступных библиотек автономного округа, органов власти. Информационный партнер конференции – журнал «Библиотечное дело».

Работа Конференции проходила в форматах пленарных заседаний и специализированных площадок: сессий «Человек и социум: институты, практики, знаки», «Политэкономия: социальный аспект», «Социально-экономическое пространство территорий», «Информатизация и гуманизация»; круглого стола «Электронные читательские сервисы: состояние и перспективы»; дискуссии «История повседневности: социально-экономические аспекты»; прогностической сессии «Будущее библиотек».

Предсессионные заседания прошли в формате рабочих встреч с представителями органов власти. Член правления Российской библиотечной ассоциации С. А. Басов встретился с представителями Департамента культуры и Департамента экономического развития автономного округа. Обсуждение изменений в распоряжение Правительства РФ № 1063-р привело к выводу о необходимости учета региональных особенностей в вопросах формирования сети и разработки региональных «сетевых норм» и нормативов. Применение «универсальных» сетевых норм приведет к сокращению сети библиотек практически во всех регионах и, как следствие, станет причиной серьезных социальных проблем в территориях.

Обсуждение вопроса передачи общественно полезных услуг социально ориентированным некоммерческим организациям привело к выводу об отсутствии правовых оснований передачи библиотечных услуг (в перечень общественно полезных услуг, утвержденный постановлением Правительства РФ от 27.10.2016 года № 1096, не вошли услуги, являющиеся государственными (муниципальными) услугами для библиотечных учреждений).

Участники Конференции в рамках пленарных заседаний и специализированных площадок обсудили междисциплинарные вопросы функционирования библиотек в контексте трансформаций внешней среды и взаимовлияния экономики, политики и технологий, приводящих к возникновению глобальных изменений в библиотечной отрасли, появлению новых трендов. Рассмотрение социально-экономической системы страны как системы координат, в котором общество осуществляет свою

жизнедеятельность, позволило понять, как и в каких направлениях библиотекам следует меняться, на чем концентрировать ресурсы и усилия, формируя стратегии перспективного развития.

Междисциплинарный состав участников Конференции позволил обсудить важнейшие аспекты функционирования библиотечной отрасли, в числе которых:

- социально-демографические, экономические и культурные процессы в регионах и их влияние на развитие библиотечной отрасли;
- библиотеки как участники процесса формирования общенациональной и региональной идентичности;
- социальные функции библиотек;
- роль и место библиотеки в информационном пространстве;
- оценка вклада библиотек в социальное и экономическое развитие территории;
- подходы к оценке «стоимости» библиотеки;
- публичные библиотеки и их пользователи в социально-экономических и социологических исследованиях;
- государственная политика поддержки культуры: концепции, модели, финансовые механизмы;
- направления развития сервисов публичных библиотек в виртуальном и реальном пространстве.

Исходя из важнейших функций культуры, признанных на национальном уровне (Основами государственной культурной политики и Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года), как фактора роста качества жизни и формирования человеческого капитала, залога динамичного социально-экономического развития, основываясь на результатах социально-экономических и социологических исследований, расчетов «ценности» библиотек, учитывая достижения общественных наук – институциональной и пространственной экономики, регионоведения, социологии, информатики, участники Конференции выдвинули следующие постулаты:

- библиотека играет важные роли в социально-экономических процессах, выявить которые можно только применяя межотраслевой и междисциплинарный подходы;
- библиотека – сложная информационно-коммуникативная система, не сводимая к технократическим и досуговым моделям;
- библиотека формирует проблемно-ориентированные информационные ресурсы, использование которых специалистами различных отраслей знаний оптимизирует возможности для перехода к более высоко-

ким технологическим укладам, что существенно сказывается на конкурентных преимуществах региона;

- библиотека берет на себя выполнение новых социальных функций: социального лифта для молодежи, одного из факторов воспроизводства человеческого капитала, площадки для творческих индустрий и т. д.;

- библиотека, являясь либерально-гуманистическим институтом, требует более гибких форм управления, сочетающего государственные формы с общественным влиянием на содержание работы;

- одним из условий динамичного развития библиотечной отрасли в настоящее время становится «интеграция» с учреждениями науки, культуры и образования, расширение форматов участия в просвещении населения и дополнительном образовании;

- библиотека обладает достаточным потенциалом для работы по развитию навыков, востребованных в современной экономике: умение решать проблемы (а не только наличие знания), готовность к достижению эффективных результатов, социальным коммуникациям, формирование портфелей новшеств и инноваций.

Важными в определении перспектив развития библиотечного социального института стали результаты прогностической сессии «Будущее библиотек». Участниками прогностической сессии были сформулированы черты библиотеки будущего и предложены меры по диверсификации деятельности библиотек, представлена «дорожная карта» изменений.

Обсуждение будущего библиотеки позволило сделать вывод о том, что, будучи институтом, ориентированным на самые широкие слои населения, различающимся по региональными особенностям, типам и видам, содержанию работы, объему ресурсов, степени универсализма, библиотека потенциально интересна обществу как открытая, доступная, многофункциональная структура.

В то же время библиотеки должны учитывать риски, сформированные и формирующиеся внутренней и внешней средой. Основными внутренними рисками библиотеки, в первую очередь, публичной, можно назвать: отказ от непосредственного взаимодействия с читателями; фетишизация своей роли как площадки для массовых мероприятий; замену повседневной работы на ложную событийность, сводящуюся к отдельным шумным акциям-фейерверкам; уход в «виртуальность»; понижение значимости организации комфортного физического пространства; ориентация на элитарность (избранность отдельных категорий); игнорирование социально-гуманитарных технологий (в области чтения, воспитания медиаграмотности и критического мышления, дополни-

тельного образования и др.), противопоставляемых техническим новациям. Эти факторы в совокупности способны привести к деградации библиотеки, снижению традиционно гуманистического и демократического начал ее деятельности.

Наряду с перечисленными внутренними рисками можно обозначить и так называемые «внешние», объективные, слабо зависящие от профессионального сообщества:

- зависимость от финансовой поддержки и политики государства в условиях депрофессионализации управления;

- сложность оценки социально-экономической эффективности, ее сведение к стоимостной или только социальной составляющей либо оперирование при оценке только официальной статистической информацией;

- высокая ресурсозатратность библиотечного института (регулярная актуализация информационных ресурсов и повышение квалификации персонала);

- распад научных школ в области библиотечного дела, слабые профессиональные связи и взаимодействие членов библиотечного сообщества.

Результаты Конференции привели участников к выводам о необходимости диверсификации деятельности библиотек, поиску новых ролей в общественном производстве, формируемых на основе тенденций мирового развития: старения общества и появления «цифрового» поколения, трансформации системы образования и работы (сетевые формы), игрофикации и расширения hand-made в повседневной жизни.

Результатами Конференции в ближайшей и отдаленной перспективе могут быть признаны:

- мобилизация научных исследований по оценке взаимовлияния отрасли культуры и социально-экономической системы;

- определение приоритетных направлений и тем прикладных научных исследований;

- выявление и внедрение в практику работы библиотек новых методов оценки эффективности, направлений работы и взаимодействия со сферами экономики;

- расширение знаний сотрудников библиотечной отрасли по социально-экономической проблематике;

- создание документальной основы для продолжения дискуссии по проблемам, поставленным в ходе проведения социально-экономических библиотечных чтений (опубликование материалов Конференции).

Главным достижением общей работы участников Конференции является выявление наиболее важных проблем, которые требуют привлечения исследователей в сферах экономики, социологии для проведения прикладных исследований:

- оценка капитализации опыта, знаний и умений, полученных от взаимодействия с библиотекой (микроуровень);
- методика оценки участия библиотеки в формировании ключевых социально-экономических характеристик общественного развития (человеческий капитал, социальный капитал, человеческий потенциал и т. п.);
- оценка вклада библиотек в социально-экономическое развитие территории;
- создание моделей для сравнения эффективности деятельности библиотек.

Исходя из выявленных проблем, участники обращаются к организаторам Конференции с предложениями:

Государственной библиотеке Югры:

- опубликовать методiku оценки вклада библиотечной отрасли региона, представить ее на XXII Ежегодной Конференции Российской библиотечной ассоциации (Красноярск) и рекомендовать ее использование центральными библиотеками субъектов РФ;
- тексты докладов участников Конференции опубликовать в отдельном сборнике и тематическом выпуске журнала «Библиотечное дело»;
- организовать проведение Социально-экономических библиотечных чтений один раз в три года, следующие – в 2019 году.

Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской академии наук – продолжить исследование состояния и динамики библиотечной отрасли в контексте социально-экономического развития сибирско-дальневосточного региона с привлечением центральных библиотек субъектов РФ.

МАТЕРИАЛЫ
ПЕРВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
БИБЛИОТЕЧНЫХ ЧТЕНИЙ

23–24 ноября 2016 года
Ханты-Мансийск

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 21.06.2018.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 11,25. Тираж 100 экз. Заказ № 11.

Отпечатано в
ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 91-20-19, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru